

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 5 ЯНВАРЬ 1988

КРАСНО КРАСОТОЮ КРАСНОЕ

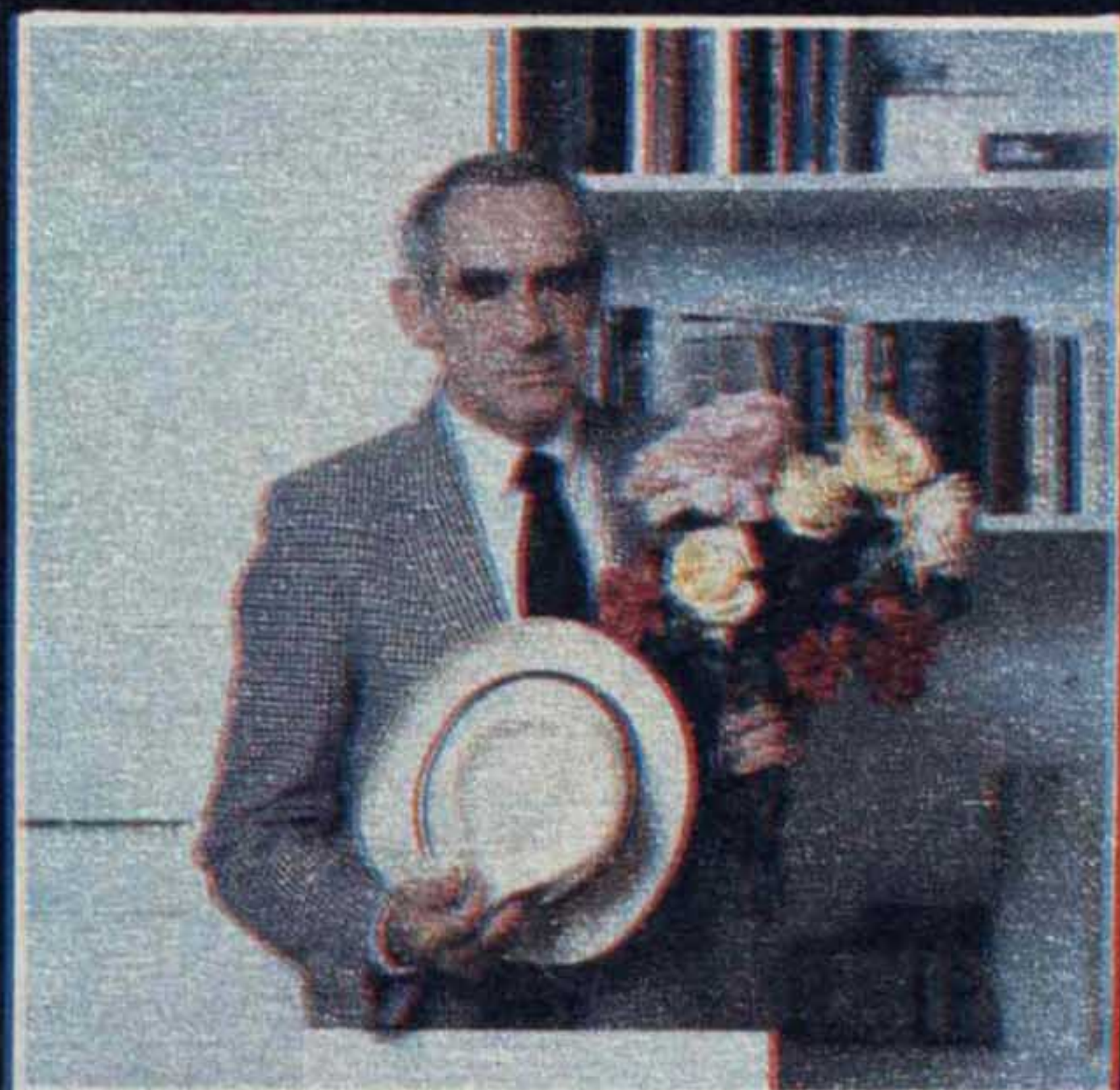

ЛОВЦЫ СОЛНЦА

ФОТОПОРТРЕТЫ
ИНГИ МОРАТ-МИЛЛЕР

РАССКАЗ
КОНСТАНТИНА
ВОРОБЬЕВА

ИЗ ФРОНТОВОГО
ПОКОЛЕНИЯ...

87

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

№ 5 (3158)

1923 года 30 ЯНВАРЯ — 6 ФЕВРАЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор

В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

**Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
Л. Н. ГУЩИН**

(первый заместитель
главного редактора),

**К. А. ЕЛЮТИН,
Н. А. ЗЛОБИН,
С. С. ЛЕСНЕВСКИЙ,
В. Д. НИКОЛАЕВ**

(заместитель
главного редактора),

**Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
А. Б. СТУКОВ,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,
В. Б. ЧЕРНОВ,
В. Б. ЮМАШЕВ.**

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

В музее села Красное-на-Волге.

(См. в номере материал

«Для сердца — радость, для глаз — утеха».)

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

**ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ
ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯ-
ЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО
МЕСЯЦА**

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

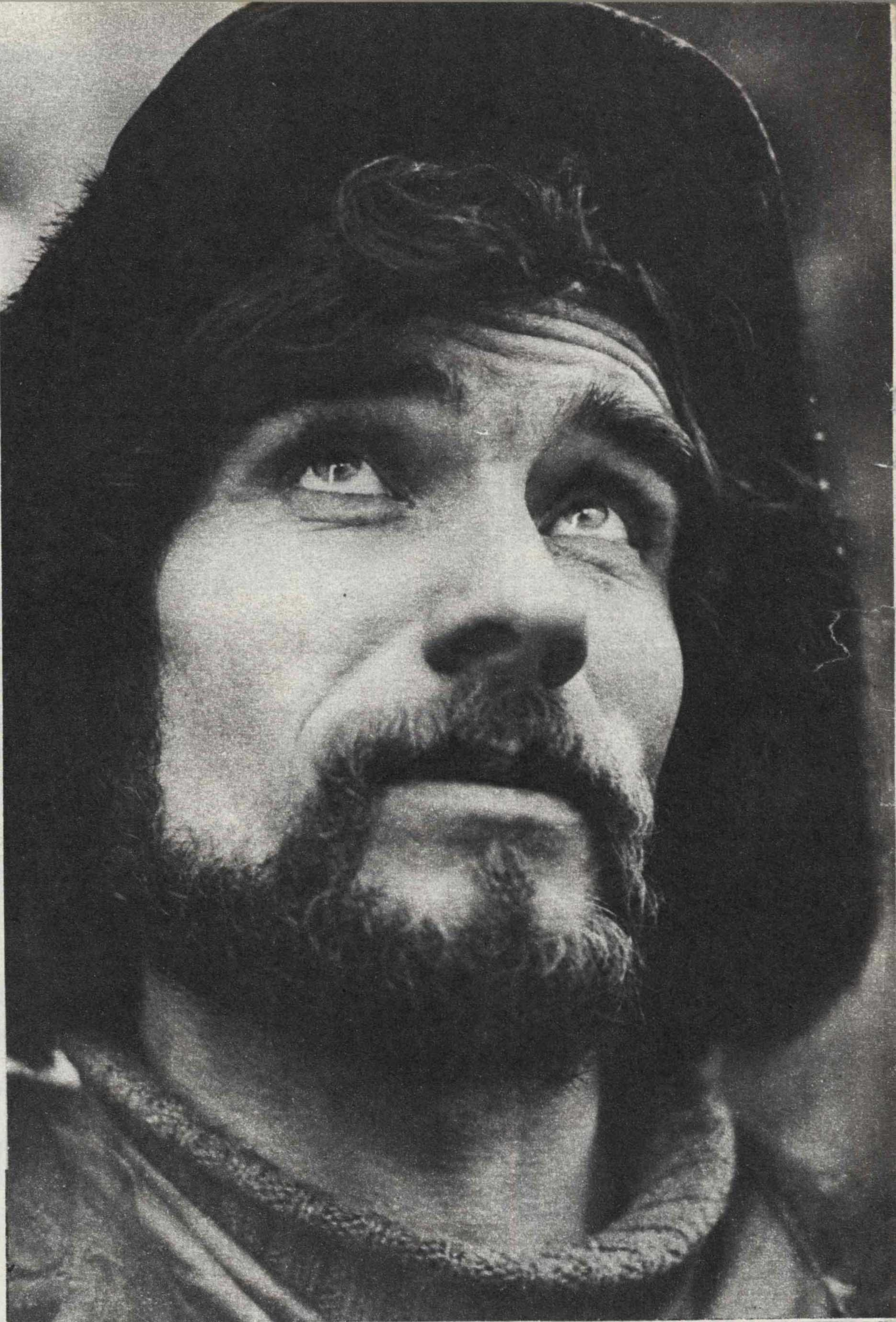
Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Между-
народный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-39; Морали и писем —
212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления —
212-15-77; Литературных приложений —
212-22-13.

**Рукописи объемом более двух авторских листов
не рассматриваются.**

Сдано в набор 11.01.88. Подписано к печати
26.01.88. А 10310. Формат 70 × 108%. Глубокая
печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл.
кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 1813.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК
КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица
«Правды», 24.

**Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.**

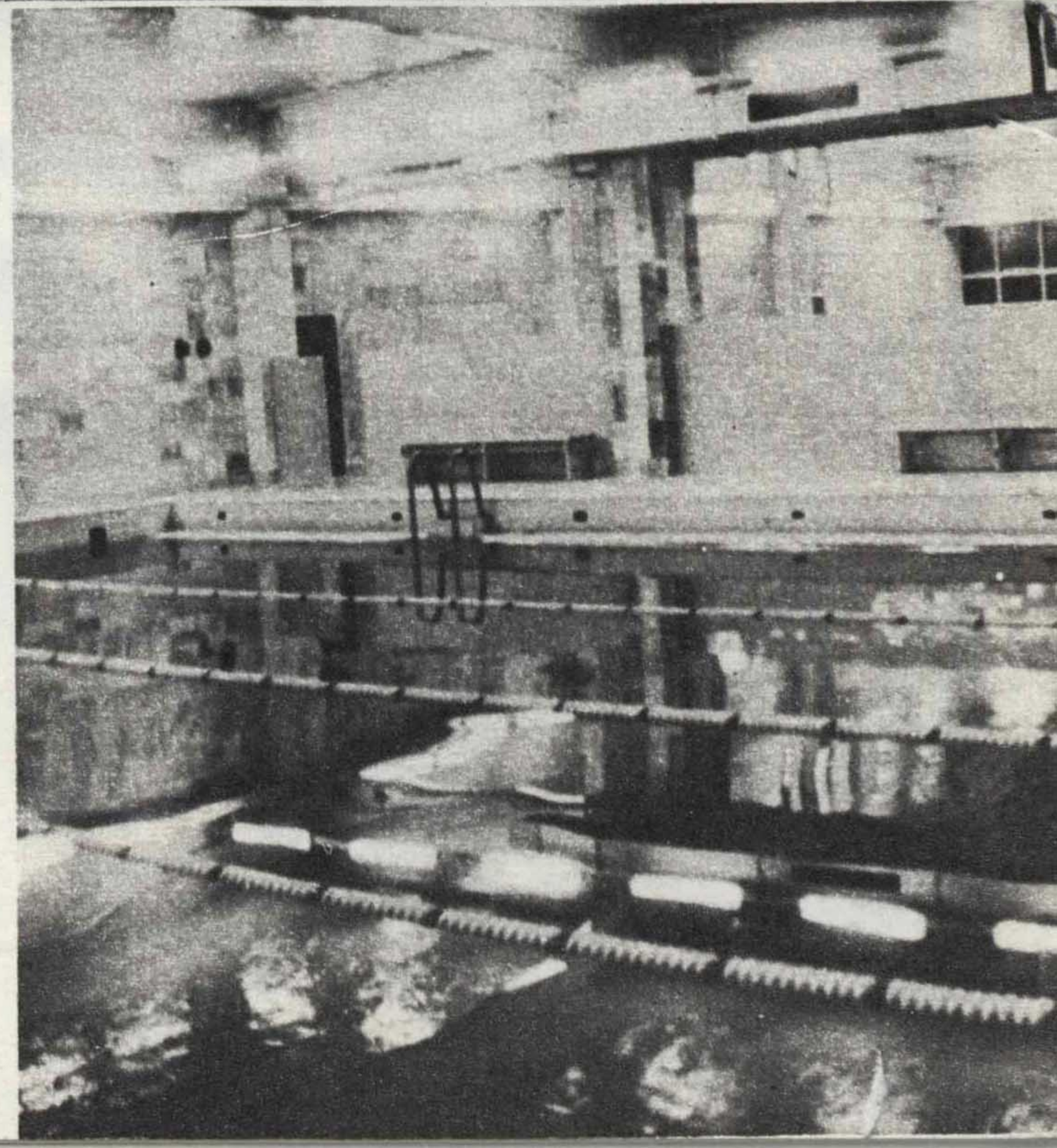
**Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ,
Дмитрий ДЕБАБОВ (фото),
специальные корреспонденты
«Огонька»**

ричем так относились не только к человеку. К нефти тоже, из-за чего огромные ее запасы были потеряны. Печальная судьба Самотлора отразила и общую порочность тактики безоглядного навала.

К людям, к нефти, к природе вообще. Мы летели вдоль россыпи поваленных, некогда могучих древесных стволов — молчаливое обвинение былом ухарству. В Сургуте случайно, в магазине стройматериалов, я познакомился с бывшим управляющим трестом «Сургутнефтепестрой» Е. Н. Жаворонковым, который приехал в эти края в числе первых.

— А что нам оставалось делать с лесом? — сказал он. — Мы работали согласно установке: гнать и гнать трубу.

ПОД КРЫШАМИ ТЮМЕНИ

Летишь зимой в Тюменский край и заранее холодеешь при мысли о знатных тамошних морозах да шквалах. Три года тому назад я приезжал сюда, и, помню, в Коротчаево была зарегистрирована температура минус 62.

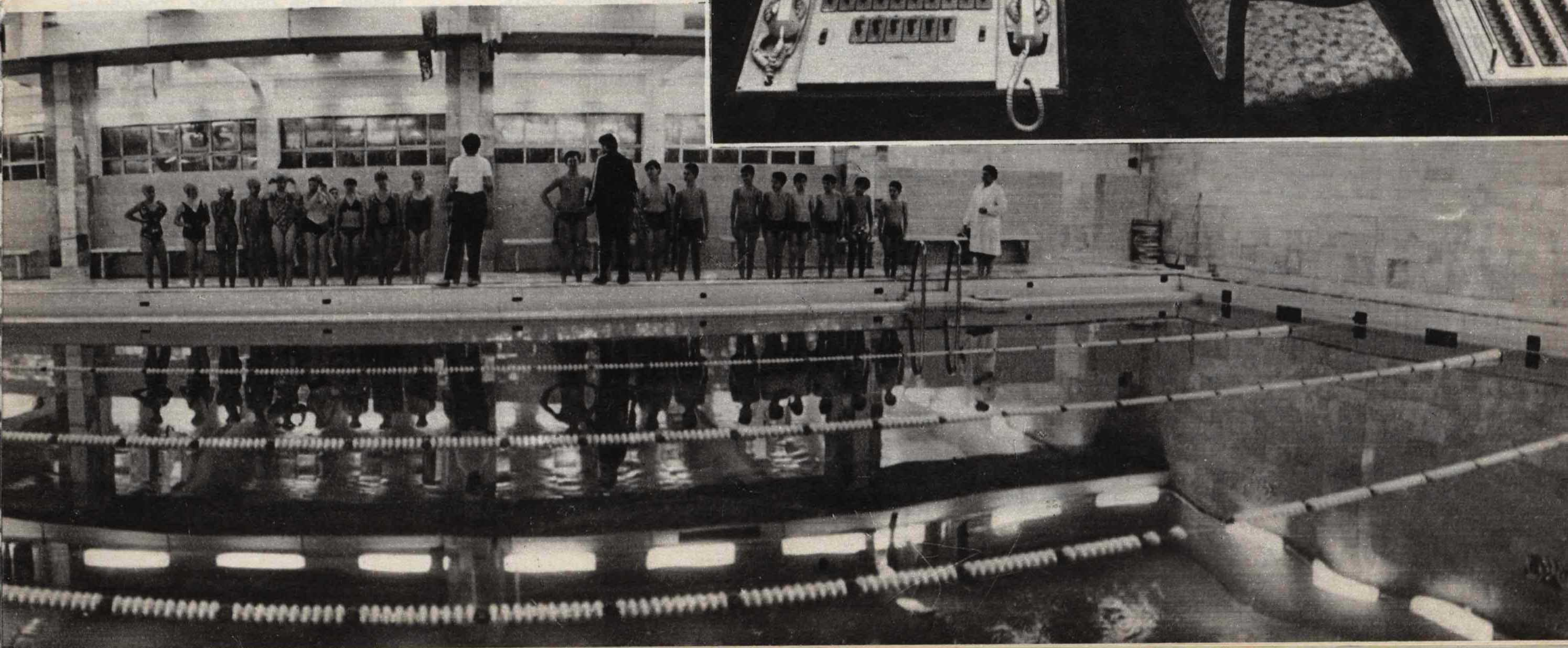
Сколько нашего брата журналиста перебивало на нефтяных и газовых промыслах Западной Сибири, на буровых и трассах трубопроводов! Сколько писалось, и я писал, о жизни тамошней — неустроенной, неуютной, а балки да вагончики до сих пор рисуются неизбежными атрибутами героического наступления на северные кладовые. И забывается о том, что люди, живущие в этих балках, построены из таких же клеток, как и все мы. Что в них течет такая же, как и у нас, теплая кровь. Что и к этим парням липнут наши «материковые» хвори.

Да что мы, журналисты. Когда грянули здесь первые фонтаны нефти, а потом и газа, и все поняли, что несметные тюменские богатства качать долгие десятилетия, когда началось на них яростное наступление, то, словно опьянев от восторга, бросив императивное «Даешь!», поначалу как-то забыли про людей. Но вот прошли годы, наступили семидесятые, которые мало что изменили в отношении к простому труженику. И тогда уже никто не сомневался, что такая производственно-добычная тактика, при которой жизнь и быт нефтяников и газовиков считались вопросом, не стоящим внимания, а главное, затрат, родилась не сама по себе, не бессознательно. «Стране нужно топливо, стране нужна валюта, а человек терпит все. Да еще за такие деньги!» — это была программная установка.

Бурильщик
Виктор
Жеребятьев.

На компрессорной
станции
объединения
«Сургуттрансгаз».

Во Дворце
водного
спорта
объединения
«Сургутнефтегаз».

Правда, при прокладке газопровода по территории Томской области все было иначе. Там обком партии распорядился отдать валку леса лесхозам. И ни одно дерево не пропало.

И трубы, трубы... Сколько их, брошенных и ржавеющих, мы видели сейчас с высоты птичьего полета! Теперь по строгому указанию из Москвы их стали в авральном порядке собирать и вывозить. Но каких денег все это будет стоить и на что теперь сгодятся эти золотые трубы! Дорого приходится платить за ошибки прошлого.

Многие тысячи километров, что преодолели мы за три недели по тюменскому краю, оставили в памяти и современные жилые дома, и дворцы культуры, и прекрасные спортивные комплексы, но и несметные полчища вагончиков да балков, которым исчезнуть еще не скоро. Однако уютное жилье — это то, что лежит на поверхности, что бросается в глаза, кричит. Равно как и острая нехватка дорог — ведь пробки и столпотворения здесь страшнее, чем в нашей белокаменной в часы пик.

Но мы с восхищением ходили и ездили по улицам совсем еще юного Ноябрьска или древнего Сургута, радуясь за жителей: можно здесь оставаться до конца дней своих.

Оценивая нынешние огрехи и прорехи, мне важно было понять, что из увиденного пока неизбежно, до чего еще не дошли руки, на что не хватает сил и средств, а что уже сегодня повторяет грустные ошибки первопроездских времен. Не закладываются, не планируются ли они на новом витке развития?

Разобраться бывало порой нелегко — когда, например, встревоженный руководитель администрации уводил в сторону от нелегитимного факта, от проблемы, когда рисовал желаемое уже свершившимся или когда перекладывал свой грех на чужие плечи. Иной наш опекун бесхитростно просил нас не писать о том или этом, дабы не навлечь гнев московского руководства. С сочувствием вспоминаю печаль инструктора Надымского горкома партии, когда он узнал, что мы уже успели побывать в вагон-городке треста «Севертрубопроводстрой», буквально утонувшем в зловонном болоте. Что увидели открытые льдом потолки и стены в некоторых квартирах на улице Набережной. Да не только увидели, но и сфотографировали. «Ну зачем?» — сокрушался Александр Александрович. — Ведь у нас так много делают для людей».

Прав инструктор, нам очень понравился Надым, где для людей делается действительно очень много. И хорошо. Но настало время считать такое отношение нормой, закономерностью.

Из одних и тех же кирпичей, на одном и том же месте можно построить и картинную галерею, и крематорий. На привезенных из этой командировки записках я мог бы написать два материала, прямо противоположных по цветовым тонам, и в обоих случаях не согрешить против правды. Как видеть, оценивать?

Несложно, например, рассказать о том, что поселок Пурпе страшно лихорадит с вводом жилья, магазинов, прачечных, что почта начала работать лишь в ноябре, что острейший дефицит тепла удалось ликвидировать с большим опозданием, перед самым наступлением морозов. Но это не все. У поселка масса изначальных бед. Начать с того, что заложен он был в месте чрезвычайно неудобном, заболоченном, из-за чего пришлось намыывать и отсыпать несметное количество грунта — сотни тысяч кубометров. Причем сухая земля лежит близко, в каких-то пяти километрах к югу. Почему так поступили, кто вбил здесь первый колышек? Не знаю. Скажу, кстати, и о неудачном расположении Нового Уренгоя, по непонятной причине утвердившемся на почтительном удалении от многоводного Пура, а также песчаных карьеров. Безликий этот город, к тому же вовсе изуродованный проложенной через са-

мый центр железной дорогой, мне так же видится кричащим памятником былой бездумности.

А может, и не бездумности? Ведь известно, что немаловажным показателем отчетности проектных организаций является стоимость обустройства месторождений — чем дороже, тем лучше.

Да, нужно рассказывать о новых городах и поселках, темпы роста которых и не снились у нас, на Большой земле. О качестве строительства, которое сейчас не в пример тому, что было даже пять-шесть лет назад. О том, что запланированные объемы ввода жилья в большинстве населенных пунктов выполняются, а то и перевыполняются. Но как умолчать о детях, которым до школы не удалось побывать в детском саду, о школах, где учатся в три смены, о билетах в кино, выдаваемых в качестве премии за успехи в работе. О сотнях тонн сгнившего картофеля, который негде было хранить, о строящихся кварталах без единого объекта социально-культурного назначения?

СКЛАД С НЕОНОВОЙ ВЫВЕСКОЙ

До недавнего времени строительство многих объектов соцкультбыта здесь запрещалось вообще, не финансировалось Стройбанком. Иные руководители, даже бывший министр нефтяной промышленности, смотрели на это спокойно, а то и радостно: можно было не отвлекаться от главного — давать стране черное и голубое золото, гнать трубы, получать ордена и премии. Другие же брали на себя смелость идти на любые ухищрения ради заботы о быте, наперед зная, что если и ждет их за это благодарность, то лишь от рабочего человека. Одним из таких руководителей был (и к счастью, остался) Леонард Гилязович Рафиков, генеральный директор объединения «Сургуттрансгаз».

Рафиков перегоняет газ. Хозяйство у него большое и, главное, протяженное — 1500 километров, от Уренгоя до Челябинска. На трассе 14 компрессорных станций, каждая из которых — средних размеров завод стоимостью около 20 миллионов рублей. И при каждой — поселок. Восемь лет назад, когда Рафиков был назначен на нынешнюю должность, в поселках этих для нормальной жизни людей ничего, по существу, не было, а сквозь строки и параграфы смет на капитальное строительство, на обустройство поселков никак не проглядывались радужные картины будущего.

В Ноябрьске нам посчастливилось попасть на вечер, посвященный юбилею Вынгапуровского газового промысла. Мы сидели за праздничными столами и смотрели четырехчасовую самодетальную концертную программу, в которой участвовал — так было задумано и исполнено — весь зал. Удивительное и замечательное было зрелище, полное любви и фантазии.

Так вот, если быть формально и документально точным, то все происходило не в доме культуры «Газовик», как значилось на фасаде, а в помещении склада, как сие строение числилось по документам и финансировалось Стройбанком.

А в магазинах поселка Губкинский мы видели отменного качества яблоки, лук и картошку, доставленные из местного овощехранилища, что выстроено из железобетонных блоков, подобранных на трассе газопровода. Блоки завезли как пригрузки, укладываемые на трубы и предотвращающие их вспучивание. Лишних пригрузов оказалось на трассе немало. Впрочем, для кого лишних, а для кого и нет.

В ту пору местным линейным производственным управлением (иначе говоря, компрессорной станцией) командовал нынешний заместитель Рафикова В. Шевлюк, который эти блоки собрал да и выстроил из них овощехранилище. И лежали б себе те брошенные пригрузки веками, никого не беспокоя, не по-

ложи Шевлюк на них глаз. Но — положил, построил из них то, что так нужно людям и чего на тюменской земле крайне не хватает. Построил, за что и он, и его смелый начальник едва не поплатились должностями. Впрочем, Рафикову уже тогда было не привыкать.

Сколько раз пускался генеральный директор на подобный риск, того не счесть. Базу отдыха построил на Черноморском побережье, землю выбивал, изыскивал рабочую силу, средства, материалы, оборудование. Отправлял с ними самолеты из Сургута. И в этом предприятии не все у Рафикова сходилось с разрешающими документами. Комиссии по нему работали, ругали в газетах. Правда, ни одна комиссия ни словом не упрекнула его в преследовании хоть какой-то личной выгоды, с этим все было всегда ясно. Но доставалось Рафикову крепко. Один из его сотрудников сказал мне, что у шефа 29 выговоров, другой поправил: 39. Уточнять не будем, но заметим, что знамена и премии по Министерству газовой промышленности объединение «Сургуттрансгаз» регулярно получало и получает как за производственные показатели, так и за соцкультбыт.

ИНТЕРЬЕР С БОЛОТНОЙ ЖИЖЕЙ

Половицы не скрипели, а чавкали. Но для обитателей хижин — семьи водителя Анатолия Орехова — это было благом по сравнению с тем, что творилось летом, когда вода в балке едва не доходила до колена, о чем свидетельствуют оставшиеся на стенах грязные разводы. Признаться, когда об этом мы узнали в Москве из письма, присланного в редакцию жителями вагон-городка треста «Севертрубопроводстрой», не поверили. И, может, не получив того письма, так и не добрались бы до Надыма, ведь маршрут наш был произвольным: города, вахтовые поселки, буровые, промыслы... Летели, ехали куда глаза глядят, куда позволяла погода.

В письме сообщалось, что руководство треста «Ямбурггазстрой», ведущего работы и в Надыме, горисполком и санэпидстанция при планировании строительства промышленной зоны треста и бетонной дороги не подумали об отводе загрязненной воды от балков, находящихся фактически на болоте. Что, когда по болоту отсыпали дорогу, уровень воды резко поднялся и затопил вагон-городок.

Еще сообщалось, что туалеты треста поставлены на болоте и дорожно-строительное управление сбрасывает туда фекальные воды.

Когда мы оказались здесь, на замерзшем болоте, то узнали, что в вагон-городке нет и канализационных стоков. Так что ситуацию, сложившуюся в результате подъема воды, мы могли теперь воспринимать не только глазами, но и другими органами чувств.

Простите, читатель, пусть не за столом будут прочитаны эти строки. Но как быть, что делать жителям, которые здесь завтракают, обедают и ужинают?

Несчастные жители обращались в санэпидстанцию, к руководству треста «Севертрубопроводстрой», «Ямбурггазстрой», в горисполком. Все отвечали: «Мы вам квартиры выделять не обязаны». Поехали в Москву, в Министерство строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности. Оставили там кричащее письмо. Из министерства ответ так и не пришел, хотя прошло уже четыре месяца.

Председатель Надымского горисполкома Е. Ю. Скларов считает, что жилье должен выделить «Севертрубопроводстрой» — горисполком распределением жилья не занимается.

И привел мне Евгений Юрьевич любопытные цифры. На каждого своего сотрудника, нуждающегося в улучшении жилья, трест «Севертрубопроводстрой» вводит ежегодно... 2,2 квадратного метра. Тогда как объединение

«Надымгазпром» ровно в четыре раза больше.

— Но, возможно, у газовиков есть своя мощная подрядная организация? — сказал я мэру. — Иначе получается, что они относятся к своим работникам в четыре раза лучше, чем строители трубопроводов. Или, может быть, «Севертрубопроводстрой» просто маломощная организация. Кстати, какую сумму осваивает он ежегодно? ...Четыреста тысяч? Сумма огромная даже для очень крупного треста. Во всяком случае, вполне достаточная для создания собственной подрядной организации...

Стало быть, и здесь чувствуется холодное дыхание прошлого. Гнали и гнали трубы, большое дело делали. А о людях забыли. Да так не вспомнили и по сей день.

Надо думать, что после этой публикации шансы жителей вагон-городка на снос их чудовищных хижин и получение жилья несколько повысятся. Но ведь газетных и журнальных площадей на все болота не напасешься.

Мы много говорим о социальной справедливости, но не всегда ей следуем. И пусть перед сном вагон-городка заглянет в любую из его хижин управляющий трестом Анатолий Павлович Сажнев. Да посидит часок за чашкой чая... Если нальют.

Проблема жилья — ключевая, самая острая и труднорешаемая проблема обустройства Тюменского Севера. Во всех городах и поселках, где побывали мы за эти три недели, я прежде всего интересовался цифрами. Так, в Надыме обитают в балках — 19,3 процента, в Ноябрьске — около 10 процентов, в Нефтеюганске — около 12 процентов. Но как здесь не сказать о том, что по изначальным планам численность населения Нефтеюганска не должна была превысить 40 тысяч. Сейчас здесь живут 86 тысяч человек. А планируется уже 120 тысяч! И трудно кого-то упрекнуть в такой непредусмотрительности: все дело в обнаружении новых запасов нефти. Ее нужно добывать, нужно обустроить промыслы. А значит, и возводить все новые жилые дома. Высокие задачи диктуют высокие темпы. Трудно, очень трудно.

Вот что получается. Обратимся к передовому объединению «Сургутнефтегаз». С производством у него все в порядке. Так, план 1987 года по бурению они выполнили к 7 ноября, по добыче — к 27 декабря, соцобязательства выполнили в октябре. Много строят и для своих сотрудников, и для всего 250-тысячного Сургута: дворцы культуры, магазины, плавательные бассейны (да какие!). Заканчивают строительство филиала Курганского института травматологии и ортопедии на 200 коек (у нефтяников травматизм пока высокий), уже завозят оборудование. Был я там, видел. Все замечательно!

Но опять же — как посмотреть. По планам 13-й пятилетки объединение должно ежегодно вводить 150 тысяч квадратных метров жилья, тогда как сейчас вводит меньше. И при этом план по вводу выполняет. Генподрядчик, Миннефтегазстрой, хотя и с трудом, но с обязательствами в целом справляется. Намного хуже у Минэнерго, чьи подрядные долги перед нефтяниками стали хроническими, причем об этом мне доводилось слышать по всей области. В Сургуте видел один из этих «долгов» — 9-этажный дом на площади Димитрова. Срок сдачи — 31 декабря. Оставалось три недели до Нового года, но уже было ясно, что никакой сдачи и близко не видать. Как же тогда нефтяники выполняют план по жилью? «Очень» просто — хозспособом. А что делать? Разумеется, у объединения лишних рук нет. Если где-то добавится, значит, где-то убудет. Где? В основных фондах, на обустройстве новых месторождений. И если когда-то «Сургутнефтегаз» не выполнит годовой план по производству, то будет причина вспомнить и «помощь» Минэнерго по строительству жилья.

Пока же при 60 тысячах человек, работающих в «Сургутнефтегазе», (в самом городе и поселках) в очереди на получение жилья стоят 12 тысяч человек. И эта цифра нормальная по области. Есть, как мы видели, показатели куда более грустные.

Сейчас почти повсеместно новые балки не ставят — запрещено. Специалисты вызываются и устраиваются на работу только по согласованию с местными Советами, чего раньше не было. На всех предприятиях области взят курс на сокращение занятости работающих.

Из беседы с председателем Ноябрьского горисполкома А. Д. Котом:

— У нас очень высокий процент рождаемости, причем ежемесячно рождается на десять человек больше, чем в прошлом году. Число же принимаемых на работу систематически сокращается. В 1985 году — 22 тысячи, в 1986-м — 17,5 и в 1987-м — 9 тысяч. Тем не менее производительность труда в истекшем году возросла на 13 процентов по сравнению с плановой.

В балках у нас проживает 8 тысяч, в 1988 году это число сократится до 5,5 тысячи. В начале следующей пятилетки всех должны переселить в благоустроенные дома.

Я показал Анатолию Дмитриевичу письмо надымчан в редакцию «Огонька», где крепко достается и председателю горисполкома.

Он грустно усмехнулся:

— Что ж, вы вполне могли бы получить такое же письмо и из Ноябрьска, где вместо фамилии Склярова стояла бы моя. Поймите же, каждая администрация отвечает только за своих, а мы, работники горисполкома, в этих вопросах бесправны. Как, впрочем, и во многих других...

Как же сделать мэра хозяином города и что дало бы это рядовому жителю? Эти вопросы я задал Е. Ю. Склярову и генеральному директору объединения «Сургутнефтегаз» В. Л. Богданову. Вот их обобщенный ответ:

— На сегодня фактическим хозяином города является то или иное производственное объединение, в одном случае — «Надымгазпром», в другом — «Сургутнефтегаз». Они вводят в строй жилье, теплосети, энергосистему, водопровод, канализацию. Да еще бани, прачечные, магазины, поликлиники и другие социально-бытовые учреждения. В том числе и транспорт. И эксплуатируют их. Объединению такая практика невыгодна, она отвлекает его от главной задачи — производства.

В городе должен быть единый заказчик — горисполком. В его ведение нужно передать и всю инфраструктуру, объединение должно отдать ему, в частности, все свои службы эксплуатации. А промышленные предприятия, в том числе и бывший хозяин города — объединение, должны отчислять в фонд городского Совета определенные суммы от своих прибылей. Получается система паевых взносов, каждая организация получит блага в соответствии с паем. В том числе и получение жилья. Так восторжествует социальная справедливость. На этот путь уже перешло немало городов, а первым из «нефтежных» — Ухта.

— Однако, перейдя в систему горисполкома, бывшие работники промышленных объединений теряют существенную часть заработка, ведь теперь они не будут получать премии за выполнение плана объединением. Не так ли?

— Правильно, и потому нужно перевести горсовет на хозрасчет.

ПЕРВЫЙ «М»

Войдем в одну из школ. Внешне очень красивую школу № 9 Ноябрьска. Познакомившись в коридоре с семилетней Аней Куликовой, спросим, в каком она учится классе? А когда услышим: «В первом «М», то не поверим ушам своим до тех пор, пока Аня не подведет нас к двери своего класса, и мы не прочтем табличку: «1-й «М».

А десятого класса пока ни одного; таковы, стало быть, волны демографического взрыва молодого города нефтяников и газовиков.

В школе, рассчитанной по проекту на 1176 детей, обучается 2800 — в три смены. Какой уж тут может идти разговор о внеклассной работе или полноценных уроках физкультуры! Правда, говорят, что неподалеку заканчивается строительство новой школы и в «девятию» станет немного легче.

Однако директор школы П. Р. Дорн вот как повернул разговор: «В проекте школы много не предусмотрели. Например, остро не хватает помещений для мастерских, складов, и прежде всего для кабинетов профориентации. Не знаю, что будем делать при переходе на обучение с шести лет, для малышей нет спальных помещений, комнаты игр. Даже при значительном «отселении» в соседнюю школу, то есть при переходе на двухсменную работу, спортзал не сможет справиться с двухразовыми уроками физкультуры, нужно было проектировать два зала. Учтите, что при нашем климате возможность проведения занятий на улице резко ограничена. Школа со стороны, конечно, хороша. Но проект-то старый, ему идет уже четырнадцатый год. А такие школы в области все строят и строят.

Закладывается город. Что нужно прежде всего строить? А что потом? В какой последовательности? И в каком объеме? Сколько требуется хлебопекарен, прачечных, отделений связи, школ, больниц, поликлиник в расчете на тысячу жителей, на десять тысяч? Нет точного ответа на эти вопросы. Во всем мире существуют и работают «паспорта городов». Только не у нас. Наука спит на одном ложе с администрацией.

Но если б даже эти паспорта и были... Как раз во время нашей беседы с председателем Надымского горисполкома Е. Ю. Скляровым ему позвонили и сообщили, что, наконец, прибыла проектная документация на объекты культурно-бытового назначения по 11-му микрорайону. Однако Евгений Юрьевич особой радости не проявил и сказал мне:

— А ведь «одиннадцатый» мы уже практически построили. Без единого объекта соцкультбыта! Как теперь нам объяснить жителям, что документацию на эти объекты ленинградский НИИ зонального проектирования прислал с опозданием почти на полтора года?

Ладно, пусть с опозданием, но и узел связи, и аптека, и прачечная, и магазины в 11-м микрорайоне все же будут, дело поправимое. Но как быть, если ошибки закладываются наперед! Закладываются на веки вечные, закладываются сейчас, когда есть печальный опыт, во многом изменивший стратегию освоения Западной Сибири?

В поселке Новоефедоровском, что в ста километрах от Сургута, пока 6,5 тысячи жителей. Но к 2000 году с освоением все новых нефтяных месторождений их будет 25 тысяч. Хотя и небольшой, но город. И быть бы ему таким же красивым, как Ноябрьск, да, видно, не судьба...

Первому впечатлению обычно не очень доверяешь, но по всему видно, что поселок еще в начале своего жизненного пути — все новенькое. Выезжали «за город» на промыслы, буровые, ДНС — дожимную насосную станцию. Беседовали с рабочими и инженерами о жизни сегодняшней и завтрашней. И вот что больше всего их беспокоит.

По генеральному плану развития Новоефедоровского значилось: 30 процентов жилья будет строиться в деревянном исполнении, остальное — в панельном. Строит трест «Главсибжилстрой» Миннефтегазстрой, который имеет собственный домостроительный комбинат в Сургуте.

Конечно, даже с тридцатью деревянными процентами шагать бы не в XXI век, а в XIX. Не просто стыдно, но

и опасно. Возводимых же здесь типовых щитовых 16-квартирных домов жители просто боятся. Как известно, в сильные морозы резко возрастает число пожаров из-за повального пользования электрообогревательными приборами. Малышей здесь много, часто остаются дома одни. А щитовые дома сгорают в «считанные» минуты. Два таких дома в Новоефедоровском уже сгорели. Вот о чем думают напуганные жители, уходя из дома и забирая с собой документы и ценности.

Между тем Миннефтегазстрой в лице своего треста отказался от дальнейшего строительства панельных домов для нефтяников Сургутского объединения и, стало быть, жителей Новоефедоровского. А заодно и поселка Лянтор.

Теперь за дело берется трест «Сургутнефтепромстрой», то есть берутся сами нефтяники, у которых своего ДСК нет. И потому все придется строить в сборном дереве.

Однако стоит ли обвинять Миннефтегазстрой в отказе от первоначальных документальных обязательств? Ведь его «Главсибжилстрой» бросает силы на поселок Солнечный, который в первоначальном плане был «деревянный», но там живут и будут жить строители, то есть сами работники Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности. Стоит ли обвинять его в том, что оно «тянет одеяло» на себя?

Стоит. Стоит хотя бы за то, что теперь предстоит изменять генеральные планы развития поселков, а это само по себе чревато немалыми затратами и, разумеется, тормозит социальное развитие. Все это напрямую связано с основным производством.

БУРОВАЯ ПО-ВЕГЕТАРИАНСКИ

...Мы толковали при свете двух свечек в прокуренной шоферской бытовке, возле которой стояли две новенькие «Татры» со снятыми кузовами. Мосты грузовиков не выдержали хотя и короткого, но хлесткого удара морозов, и теперь трое дюжих мужиков колдовали над мостами голыми, ко всему привыкшими руками, не сетуя на судьбу, на отсутствие теплых ремонтных цехов, с которыми повсюду на Севере туго. Не сетовали потому, что наперед знали, куда и на что шли, ехали дружной автоколонной из города Чайковского Пермской области, направляясь в Пурпе, в распоряжение треста «Сургутгазстрой». Знали, что будут заниматься отсыпкой грунта на буровых кустах месторождения Комсомольское. Однако эти работы задержались, и колонну направили на отсыпку дороги, что, однако, водителей не беспокоило — была бы работа.

И поначалу действительно была. Была, пока не грянули 45-градусные морозы, которые на участке № 6 стали выводить из строя один за другим экскаваторы.

Что толку журналисту обращаться к руководству треста с вопросом: почему не оказалось у него нужной техники? Но разве нельзя было все это предвидеть? Предуслышать то, что люди, надолго оторвавшись от дома, от семьи, приедут и обнаружат, что на них здесь попросту не рассчитывали.

Они привезли с собой жилые вагончики, к которым сами подвели тепло и электричество. Но в вагончиках и бытовке то и дело гаснет свет, что в очередной раз случилось во время нашей беседы. Шоферы же тихо ругали руководство треста за то, что трестовская столовая, где к ним и без того относятся как к нахлебникам, по воскресеньям и вовсе не работает. Что в магазине ничего не купишь, так как талоны на продукты трест выдает только своим. Что ни меховых, даже самых простых рукавиц не допросишься. Что нет никаких запчастей, все приходится привозить с собой, но ведь всех поломок не предусмотреть... Работать уже не хочется, нужно возвращаться обратно в Чайковский, к семьям.

А еще вспомнилось, как двумя днями раньше в поселке Губкинский мне рассказали о том, как прошлой зимой поезда на участке Сургут — Новый Уренгой по чьей-то воле там перестали входить. И тогда начали возить людей из поселка на следующую станцию за полсотни километров. Возить на вахтовом «Урале» и держать в нем людей в ожидании поезда, который здесь по расписанию почти никогда и не ходит, опаздывает зачастую на три, а то и на пять часов.

Несколько месяцев продолжались эти поездки, пока после многих жалоб и обращений руководство дороги не смилостивилось. Но надолго ли? Жители Губкинского очень в этом сомневаются. И неспроста, ведь обслуживающий персонал на станцию парка так и не вернулся.

Вспомнил я, как в Надыме, не в очень студеную полночь, поднялся на строительство девятиэтажки, что на улице Зверева. Как, приглядевшись, заметил, что рабочие монтируют панели, не закладывая между ними герметизирующие утеплители, которые лежали чуть поодаль. Я спросил: «Почему?» Не подозревая о затаенном в вопросе профессиональном интересе, один из парней простоудно ответил: «Сойдет и так». Ребята приехали в Надым из подмосковного Воскресенска, где, верно, и научились халтуре. Нехитрой и леденящей.

Вспомнил, как в двадцати километрах от Нефтеюганска обедал на буровой 125-го куста Усть-Балыкского месторождения, куда вот уже два месяца почти не привозят мяса. Как утром того же дня председатель профкома объединения местных нефтяников А. Г. Хамракулов заверял меня, что с мясом и в городе, и на промыслах, и на буровых все в порядке. Оказалось, так, да не совсем. И хотя горожане на отсутствие мяса не слишком жалуются, боюсь, что поститься придется буровикам не только 125-го куста. И это буровикам, у которых вся работа на свежайшем воздухе. Изнурительная, сжигающая калории работа. И дело тут в отсутствии не просто мяса, а все того же внимания к человеку.

Вот почему я выстроил в один ряд и этот сюжет, и рассказы про строящийся дом в Надыме, про шоферов из Чайковского, про железную дорогу. Речь идет о затратах, что не тянут карман...

Многое изменилось в тюменском крае за последние годы. В августе 1985 года вопрос о комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в 1986—1990 годах был рассмотрен на заседании Политбюро ЦК КПСС, где особое внимание уделено скорейшему введению в строй объектов социально-бытового и культурного назначения. Многое из того, что раньше просто запрещалось, стало теперь обязательным. Но даже самые важные документы воплощаются в жизнь непросто.

...Мы возвращались в Москву прямым рейсом из Надыма на 160-местном Ту-154. И я обратил внимание на удивительную однородность состава пассажиров: ни одной женщины, ни одного ребенка, все — мужчины в возрасте от 20 до 45 лет. Но когда из репродуктора донеслось: «Товарищи, следующий вылет вахты в Надым 21 января», все объяснилось: вахта возвращалась с работы.

Перевозка нефтяников и газовиков Тюмени Аэрофлотом ежегодно обходится государству в десятки миллионов рублей. Расход огромный. Серьезно ущемляются интересы пассажиров Аэрофлота, и без того несущего большую нагрузку. Проблема вахтовых бригад — это прежде всего проблема жилья на Севере... Так что мы летели в одном салоне с живой, животрепещущей и пока трудно, медленно разрешаемой проблемой.

Нужно набраться терпения. Но прежде всего — человечности.

Тюменская область

Работаю формовщиком, у меня жена и двое детей, младшему год. Зарабатываю около 250 рублей на четверых. До полочки еще десять дней, а у нас всего 32 рубля. Как видите, не густо. Но даже я, имеющий по 60 рублей на душу, не подумав возмутиться высокими ценами и высокими доходами кооператоров. То, о чем пишет В. Яковлев в статье «...И ни копейкой меньше!» (№ 52), и есть элементарно грамотное, разумное, честное представление о кооператорах и кооперации, потому что «высокие» доходы кооператоров вовсе не аморальные. Я знаю, что такое работать до упаду. Дома, которые я делаю, нужны позарез, и я мог бы требовать, драить три шкуры с тех, кому нужно жилье. И мне бы платили, так как жилье есть предмет первой необходимости. Но это было бы аморально, так как будущие жильцы не получают всего, что зарабатывают. А кооперативные кафе, парикмахерские с их высокими ценами — это детская болезнь кооперации. С ней можно бороться, хотя бы увеличивая число кооперативов (конкуренция все поставит на место), не будет клиентов — или прогорай, или снижай цены.

Разве не понятно, что государство станет богаче, если каждый из нас будет работать больше и лучше. Кооперация — это один из первых шагов к изобилию. Кроме того, она дает возможность проявить себя, наконец-то реализовать свои способности в полной мере. И все это хотят «зарезать» «дяди» из Минфина, которых кормила, кормит и будет кормить страна, я в том числе. Прочитав статью Яковлева, я до предела возмущен проектом закона о диком налоге для кооператоров. Меня заставила написать одна мысль: кто же эти чиновники из Минфина, авторы проекта неизменно завышенных налогов, исходя из каких расчетов они пришли к такому убеждению? Проект в Совмине не прошел, отправлен на доработку. Может быть, и мое мнение учтут его создатели.

Вячеслав КУЗИН
п/о Кокошкино Московской области.

С возмущением вспоминаю, как в 1952 году меня, аспиранта, заставили отработать несколько десятков часов, чтобы поскорее изъять из фондов институтской библиотеки книги, в которых попадались имена Троцкого, Тухачевского, Вавилова, Каменева, Вознесенского и других. Сейчас я решил у себя, на географическом факультете пединститута имени Герцена, сделать портретную выставку героев гражданской войны. Мне удалось собрать около 40 фотографий, каким-то чудом изданных лет десять назад. Оказывается, из этого числа мы, старшее поколение, знаем всего несколько человек.

К сожалению, наши литераторы так увлеклись критикой сталинского стиля, что, как мне кажется, забывают восполнить исторический вакуум героики гражданской войны,

пока еще живы ее участники. Мы по-прежнему живем только именами Буденного, Чапаева и немногих других, а три четверти не менее заслуженных героев остаются «за кадром». В № 47 «Огонька» опубликована фотография состава пленума ЦК РКП(б) без подписи. Она явно проиграла от этого. Мы, люди старшего поколения, многих не знаем. А для молодежи это проходной снимок. А ведь в нем заключена частица славной истории. Наше «целомудрие» посредством «умолчания» и вычеркивания неудобных кому-то фамилий в кинофильмах, книгах и фотографиях принесет большой вред воспитанию поколений.

В. Г. ВАСИЛЬЕВ,
ветеран
Великой Отечественной войны,
кандидат географических наук
Ленинград.

В № 51 прочитала, как Т. Ахмату-каеву не пускали на демонстрацию. А вот что было у нас. Накануне празднования 70-летия Октября в столовую № 3, где я работаю, приехала Н. Т. Шарипова, директор 1-го объединения столовых, и попросила расписаться на листе бумаги об обязательной явке 7 ноября на демонстрацию. При этом предупредила, что в случае неявки (а она рассматривается как невыполнение указаний руководителя предприятия В. И. Буря) будет снято десять процентов премиальных за ноябрь. Такую перестройку я называю перестройкой «по-минводски», потому как уверена, что нигде подобного безобразия быть не может.

Л. КОЛОСОВА
Минеральные Воды
Ставропольского края.

Мой муж, В. Ф. Красота, с тяжелыми ранениями прошел всю войну, кавалер шести орденов, из них четыре за трудовую деятельность, 14 медалей. Он доктор наук, профессор, член-корреспондент ВАСХНИЛ, последние 20 лет в ветеринарной академии заведовал кафедрой генетики и разведения сельскохозяйственных животных (десять лет назад ушел на пенсию, но работает до сих пор). Так вот, за последние полгода на него поступило пять анонимок, ложь, очернительство, напраслина. Как водится, без подписей. Только представили к заслуженному деятелю науки — анонимка. Выдвинули с группой коллег на премию — анонимка. Правда, у первой была подпись — «сотрудники кафедры». Но когда стали разбирать ее, настоящие сотрудники кафедры потребовали найти анонимщика, не подтвердив клевету. Защищает докторскую диссертацию его бывший студент (30 лет назад бывший! Теперь он проректор Ульяновского сельхозинститута) — анонимка на обоих: В. Ф. Красота — председатель докторского совета академии уже много лет. Я всю жизнь была рядом с ним, у нас двое детей, внуки, какие взятки, какие подарки? А вот сердечные приступы после анонимок

и комиссий, которые их расследуют, наблюдаю постоянно. Во всех смертных грехах обвинят, а проверят — все пустое. Сколько их было, комиссий...

У нас сейчас время гласности, обнаружили недостатки — напишите, указав свое подлинное имя. Соберите коллектив, комиссию, разбирайте, наказывайте. Но зачем же неподписанные пасквили мусолить, гробить людей, создавать комиссии? Разве не ясно, что при таком положении анонимщики и клеветники всегда правы: человеку, на которого они замаяхнулись, в любом случае плохо, даже если клевета не подтвердилась, след потянется на всю жизнь.

Н. А. КРАСОТА
Москва.

Во многих наших магазинах и предприятиях бытового обслуживания существуют «Книги жалоб и предложений», и хотя курьезных случаев с этими книгами происходит еще много, тем не менее иногда при знакомстве с этой книгой можно составить мнение о личности и работе того или иного представителя торговли. Предлагаю такие книги завести перед каждым кабинетом должностного лица, ведущего прием граждан (это и работники исполкомов, райкомов и обкомов, руководители предприятий, ведомств), чтобы любой человек, побывавший на приеме, мог взять эту книгу и записать туда либо благодарность конкретному должностному лицу за чуткость, человечность, быстрое и умелое решение вопроса, либо жалобу на грубость, хамство, высокомерие, невнимательность, некомпетентность. Раз в году на встрече с гражданами города, района, области при отчете того или иного должностного лица эта книга помогла бы определить, действительно ли этот человек находится на своем месте и люди могут быть благодарны ему за его работу, или же, несмотря на прекрасные отчеты и рапорты, этот человек — бездельник, чинуша, бюрократ и ему немедленно необходимо уйти с работы, связанной с общением с людьми.

В. Г. ДМИТРИЕВ,
учитель, 35 лет
Тапа Эстонской ССР.

Считаю кощунственным, что в священной для каждого советского человека Кремлевской стене по сей день находятся урны с прахом деятелей, не заслуживших (как сейчас особенно очевидно) своими «делами» этой высокой чести.

Речь веду прежде всего о А. Я. Вышинском, бывшем меньшевике, который впоследствии стал заместителем Генерального прокурора СССР, а в 1935—1939 годах — Генеральным прокурором Союза. Выступал в качестве главного обвинителя на довоенных фальсифицированных процессах. «Заслуги» этого оруженосца культуры в деле борьбы с «врагами народа» как в области теории права, так и особенно на практике общеизвестны: на его совести сотни жертв сталинского произвола.

Вторым я называю генерал-полковника Л. З. Мехлиса, который перед войной, а затем в 1941—1942 годах являлся начальником Главного политуправления Красной Армии и активно содействовал истреблению наших военных кадров. Немало наломал Мехлис дров и в годы Великой Отечественной. Достаточно напомнить о так называемой «крымской катастрофе» советских войск в мае 1942 года, одним из «организаторов» которой в качестве представителя Ставки ВГК был Мехлис. Инквизитором Красной Армии называли и называют его многие.

К этим двум фигурам прошлого, уверен, следует присоединить и М. Ф. Шкирятова, который с 1930 года являлся секретарем партколлегии ЦКК партии и потворствовал грубейшим нарушениям партийных норм и социалистической законности.

Увы, по неизвестным причинам не были захоронены у Кремлевской стены многие прославленные военачальники и герои.

Глубоко убежден, что вся наша общественность накануне 70-летия Вооруженных Сил с огромной радостью восприняла бы решение о перезахоронении из Кремлевской стены в аллею за Мавзолеем Ленина урны с прахом великого советского полководца, Маршала Победы, четырежды Героя Советского Союза Г. К. Жукова и об установлении ему здесь памятника. Следовало бы пересмотреть и решения (октябрь 1957 г.), касающиеся Г. К. Жукова, в результате которых он был снят со всех постов. В этой связи вспоминаю, как Маршал Советского Союза А. М. Василевский на мой вопрос о его отношении к шельмованию и опале Г. К. Жукова ответил: «Какого коммуниста обогнали! Жуков — честнейший партизнец».

Г. А. КУМАНЕВ,
заведующий сектором истории СССР
периода Великой
Отечественной войны
Института истории СССР АН СССР,
доктор исторических наук,
профессор

Детей у меня трое: старший ходит в первый класс шестилеток (нулевой) и двое малышей — два и три года. В начале декабря школа оказала мне материальную помощь — 26 рублей. Сразу же предупредили, что нужно представить чеки и ярлыки от вещей, в которых указаны их наименования и размеры. Хотя и унижительно, но я не возражала, не директор же выдумал, с нее требуют...

Неожиданно с 3 декабря заболел средний, а за ним младшенький. Дней через десять звонит учительница: «Директор просит чеки. Сегодня последний день, заканчивается финансовый год». Пошла к директору, пока ребенок спал. Никакие мои доводы о том, что из-за болезни детей я не могла ходить по магазинам, никого не убедили. Я вернула «материальную помощь», и деньги приняли без слов (чтобы получить их, потребовалось пять справок). Какое

дело до детей! Ведь завтра надо отчитаться в роно! А роно — в горно, а там — еще выше! Доброе дело — помощь. Но почему от твоего, государства, имени какой-то номенклатурный дядя (или тетя) указывает многодетной матери, что именно ей купить, да еще обязательно тому ребенку, которому эта помощь оказана?

Я позвонила заведующей роно, она, вероятно, разберется. Деньги, естественно, не возьму. Не подумайте, что жалуюсь, если бы не прочитала письмо О. Толстых (№ 49), не написала бы. А теперь вижу, что проблема эта общая и ее обязана решить школа. Органы народного образования должны доверять матерям. Добро нужно делать по-доброму.

В. А. КОСТРОМИНА
Ленинград.

Обеими руками голосую за зоолото, поддерживая предложение ленинградца А. Соснина в № 49 «Огонька». Большую сумму в Фонд помощи зоопарков я перечислить не в состоянии, как, думаю, и многие семейные и малооплачиваемые, а с пятеркой идти в сберкассах как-то неудобно. Но помочь хочется и нужно. У нас в Пензе животные содержатся в крайней убогости: зоопарк «молодой», всего несколько лет. Деньги, полученные от зоолото, были бы ему хорошим подспорьем.

ЗАХАРОВА
Пенза.

Очерк «404 дня» я читала с особым пристрастием: восстановив доброе имя Л. Леоновой, он помог восстановить доброе имя моего мужа — Германа Михайловича Попова, который после допроса у Киреева покончил жизнь самоубийством. В статье сказано, что по инициативе мужа была построена одна из лучших в республике овощная база. Но не сказано, что директор этой базы Нина Федоровна Шильнова также была арестована в качестве свидетеля-обвиняемой по делу Л. И. Леоновой. 29 суток в ИВС (вместо трех!), затем 7 месяцев в тюрьме от нее требовали дать «нужные» показания. Она выстояла, сохранила свою жизненную позицию — быть честной и принципиальной. Ох, как дорого это ей обошлось! Обвинили по четырем статьям сразу! В настоящее время она восстановлена в прежней должности. На суде выступал общественный защитник, указывал на надуманность обвинения, сотрудники базы обращались с письмом в защиту Шильновой. Я хорошо знаю Нину Федоровну. Принципиальный, справедливый человек, опытный специалист, она не поддавалась давлению нечестных следователей — С. С. Харламова, А. А. Киреева и других. Мужеству и стойкости этой женщины нужно отдать должное, ее принципиальность способствовала торжеству справедливости в этой тяжелой и неприглядной истории.

И. Ф. ФИРСОВА
Горький.

В газете «Советская Россия» от 22 ноября прошлого года опубликована статья за подписью В. Ноздрев, И. Базарова и В. Тихонова, озаглавленная «Девиз — возвращение». К моему удивлению, выяснилось, что некоторые строки этой статьи списаны с книги Л. Е. Белозерской — Булгаковой «О, мед воспоминаний...», изданной тем самым издательством

«Ардис», против деятельности которого горячо ратуют авторы статьи. Привожу примеры: «...по Москве ходил апокриф (якобы письмо Булгакова к Сталину), который не имел ничего общего с подлинным, более того — носил провокационный характер. Михаил Афанасьевич опасался всякого рода «воспоминателей», недобросовестных людей вроде Эрлиха или Ермолинского и вообще всякого рода любителей слухов, сплетен, коктейля из лжи и правды» (В. Ноздрев, И. Базаров, В. Тихонов).

Этот абзац в слегка измененном виде взят из книги Л. Е. Белозерской: «По Москве сейчас ходит копия письма М. Булгакова к правительству. Спешу оговориться, что это «эссе» не имеет ничего общего с подлинником» (стр. 59). Приведенной цитате предшествует другая, содержащая слова М. Булгакова: «Если бы ты знала, как я боюсь этих воспоминателей» (стр. 32). Пожалуй, авторам статьи «Девиз — возвращение» можно было бы простить плагиат, если бы в числе «воспоминателей» они не упомянули Сергея Александровича Ермолинского. Я не знаю, что сделал для М. Булгакова Эрлих. Но С. А. Ермолинский — и это широко известно — был ближайшим другом М. Булгакова. Он написал о М. Булгакове блестящий, поражающий своей достоверностью труд (С. Ермолинский. Драматические сочинения, «Искусство», 1982 г.). Это не только мое мнение. Высоко оценил этот труд и К. Симонов в письме к Ермолинскому от 15 сентября 1965 года.

Более того: когда С. А. Ермолинский был арестован, связь с Булгаковым рассматривалась следствием как самое тяжелое из обвинений. Об этом подробно рассказывает сам С. А. Ермолинский во второй, еще не опубликованной части его труда.

Я заступаюсь не только за своего друга. Я заступаюсь за человека, который говорил мне, что в тюрьме, в условиях бесчеловечного существования его спасло только сознание того, что он был другом великого писателя. Его спасла мысль о том, что собственная жизнь его не была бесполезной, потому что он помогал ему, без вины виноватому, униженному предательством, безвестностью и клеветой.

Зачем же понадобилось этим бесовским хулиганам подобное упоминание? Не стану догадываться. Скажу только, что авторы этой статьи и есть те «воспоминатели», которых опасался М. Булгаков.

Сиянием должно быть озарено его имя, а не залепано грязью.

Вениамин КАВЕРИН

Я — бывший чекист, член партии с 1939 года, проработал в органах КГБ более 28 лет. Направлен на работу в органы Особых отделов Красной Армии в августе 1939 года. Давая согласие на перевод в Особый отдел Забайкальского военного округа, я понятия не имел о характере работы этих отделов и тем более о том, что там творилось. А творилось, как я потом узнал, невероятное. Почти все старые работники Особого отдела были или арестованы за нарушение социалистической законности в 1937—1938 годах, за незаконные аресты командного состава, избивание арестованных или изгнаны из органов. Оставшиеся несколько честных чекистов рассказывали нам, молодым, об их деяниях.

После XX съезда КПСС мне пришлось участвовать в пересмотре дел арестованных и осужденных в те годы и их реабилитации. Все они были «осуждены» не судом, а так

называемыми тройками, в которые входили начальник управления НКВД, прокурор области и первый секретарь обкома партии. Очень редко попадались дела, по которым был вынесен приговор областным судом. Все документы, а также рассказы старых чекистов свидетельствовали о том, что в органы НКВД, как я уже сказал, проникли враги народа, карьеристы, подхалимы и угодники. Органы НКВД фактически вышли из-под контроля партии, что породило в их работе произвол и беззаконие, приведшие к столь печальным последствиям.

Некоторые честные чекисты, как мне рассказывали, писали Сталину об извращениях в работе органов НКВД, но эти письма перехватывались, а их авторы немедленно арестовывались и уничтожались. Запуганы были и партийные органы на местах.

В массовых репрессиях 1937—1938 годов Сталин безусловно повинен. Он доверился Ежову и его подручным, лично не вник и не разобрался в сложной обстановке и не пресек нарушения социальности в самом начале, т. е. в 1936—1937 годах. Он это сделал слишком поздно, когда были уничтожены десятки тысяч в чем не повинных людей. Необходимо внести полную ясность в то, как и почему произошла трагедия 1937—1938 годов, чтобы отбить охоту у некоторых «знахарей» выдумывать и публиковать свои домыслы.

В культе личности Сталина я обвинил бы не только Сталина, но в первую очередь его окружение. Ведь его восхваление началось сверху, а не с низов. Его приближенные подхалимы и угодники соревновались в том, кто больше и лучше выскажет похвал в его адрес.

Б. С. КОНОПЛЯНКО,
член КПСС с 1939 года
Харьков.

Уважаемый Элем Германович, пишу по поводу Вашей беседы, опубликованной в «Огоньке» № 2.

В ней, на мой взгляд, много интересных здравых суждений. Вы, полагаю, человек, который знает, что такое любовь и уважение, поэтому я не теряю надежды, что Вы правильно поймете мой вопрос. Вопрос же состоит в том, что, не сославшись ни на какие источники, Вы утверждаете, что мой отец, А. Н. Косыгин, будучи Председателем Совета Министров СССР, лично занимался тем, чтобы снять с экранов фильм «Азonia». Отвечая на вопрос: «Ну, а кто запрещал картину?», Вы говорите: «Запрет шел, насколько мне известно, и от Суслова, и от Гришина, и от Косыгина». Если Вы имеете серьезные основания для подобного утверждения и располагаете достоверными источниками, я приму это к сведению.

Полагаю, что, будучи первым секретарем правления Союза кинематографистов, Вы лучше меня представляете, какая практическая связь существует между Председателем Совета Министров СССР и проблемой производства и проката фильмов.

Несколько слов об отношении А. Н. Косыгина к искусству и литературе. Человек он был по складу характера необыкновенно молодой до самых последних дней жизни. Много читал, любил театр, несмотря на свою огромную занятость, переживал успехи и творческие неудачи в искусстве и литературе как каждый настоящий гражданин, но никогда не позволял себе высказывать суждения, если не был до конца компетентен в данном вопросе.

С глубоким уважением относился к ученым, деятелям культуры, всем, кто в совершенстве владел своей профессией.

Поэтому мне крайне прискорбно сталкиваться с голословными утверждениями, особенно Вашими, — человека, избрание которого на съезде кинематографистов вселяло надежду на честное видение жизни.

С пожеланием успеха в работе

Л. КОСЫГИНА

В № 46 «Огонька» был опубликован спор А. Иванова и В. Каверина.

Я не написал бы этого письма, если бы Анатолий Иванов не являлся депутатом Верховного Совета СССР от Узбекистана. Конечно, когда такой влиятельный человек, депутат, мыслит подобным образом о перестройке, о культе личности — это не только обидно, но и опасно. Опасность заключается в том, что подобная точка зрения может способствовать оживлению консерваторов и демагогов в нашей республике, ростки такого отношения к перестройке уже появились в нашей республиканской литературной газете. Такие выступления помогают тормозить демократизацию нашего общества, борьбу с культом личности.

Высказывать свое несогласие с мнением А. Иванова считаю личным, так как ответы В. Каверина достаточны, чтобы сделать выводы Иванову. Кроме того, воспоминания Б. Ефимова о брате М. Кольцове, материалы о Н. Вавилове могут быть, ответами А. Иванову. Меня поражает, неужели безвинные мучения великого русского ученого Вавилова, митарства Королева, гибель ряда полководцев и писателей не возбудили в Иванове чувства сострадания?

ШУКРУЛЛО,
народный поэт Узбекистана
Ташкент.

Мужчины моего поколения, а мне за шестьдесят, попали в мясорубку войны, защищая Родину. Низкий поклон им и вечная память. Но кто ответит за следующее поколение, за наших сыновей и мужей, которых спаивали умышленно? Для кого выпускало государство по 15 разовых пиявиц одного «Яблочного»? Пьяницы не хапуги, не воры, зарплату, премии — всё-всё они возвращают государству. Их гонят с работы по статье, не принимают на новую работу, а они упорно поддерживают бюджет государства: без пьяниц нельзя жить — пустует банк. Все лечение — это болтовня, алкоголик — человек пропавший. Не допускать надо до пьянства. Не могу привести пример своего сына, иначе его выгонят с работы, он уже имеет увольнение по статье. Так кто же ответит за это? Кто? Слишком поздно мы спохватились, если спохватились. У нас, например, стали продавать спиртное три раза в неделю (вторник, среда, четверг). А сразу же после Нового года, в понедельник 4 января, торговали водкой все водочные магазины. Но раз такое дело, то дайте льготы алкоголикам: не увольняйте по статье, не лишайте премий, не наказывайте семьи, которым и так тяжело.

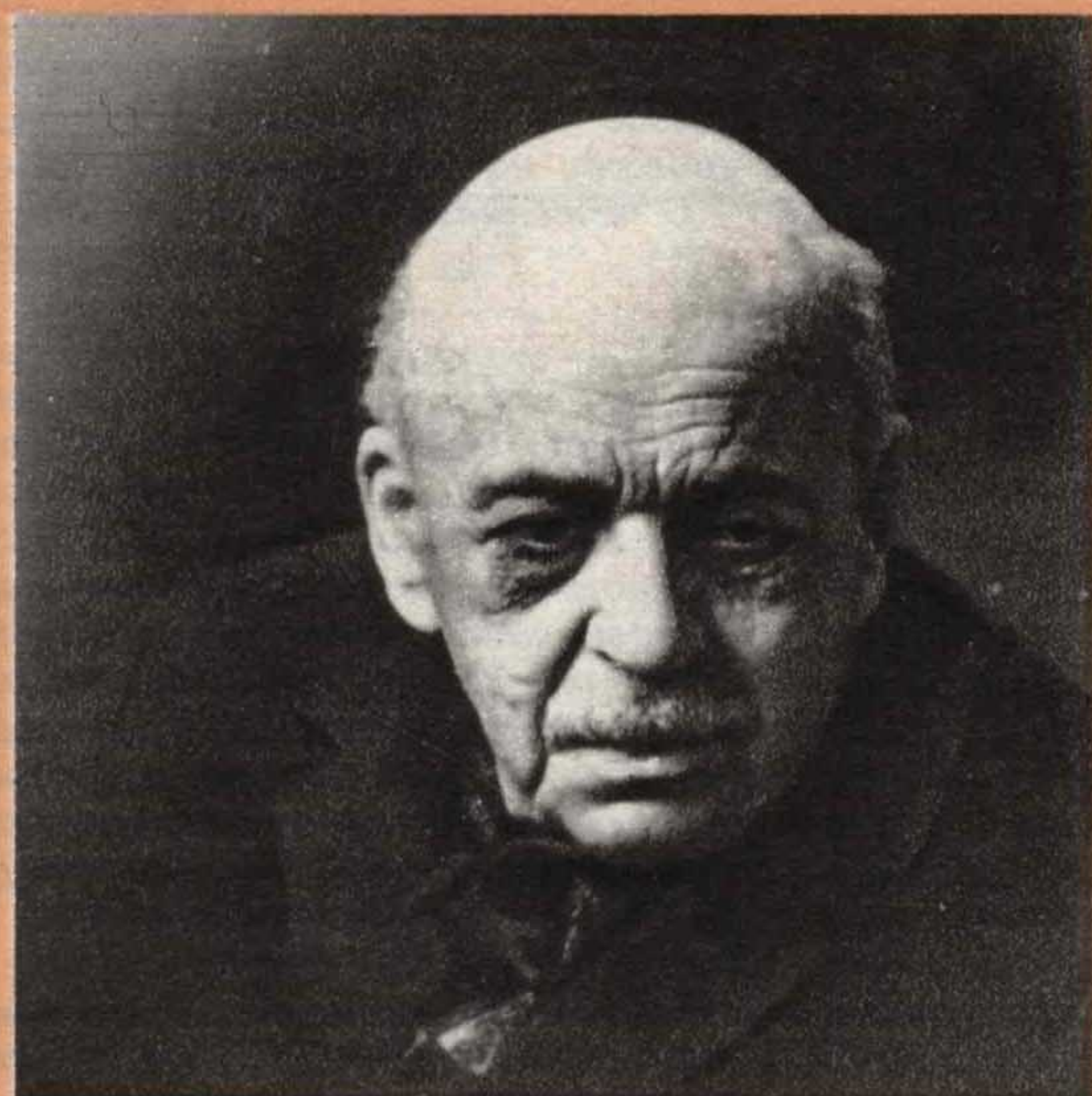
Т. ИВАНОВА
Бугульма Татарской АССР.

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

1896—1978

С 1915 года работал вместе с Е. Вахтанговым как актер, режиссер. Один из блистательных представителей московской трудовой богемы двадцатых годов. Да, да, именно трудовой, а не какой-нибудь иной. Эта богема принадлежала к легкой кавалерии русской интеллигенции, недотягивая в глубине до Пастернака, Ахматовой, Мандельштама, но составляя неотъемлемую часть кислорода духовной жизни. Поэзия Антокольского подчеркнута реминисцентна, театральна, космополитична в герценовском смысле этого слова, а не в суровско-бубенновском. «Служба государству — есть театр!» Общеизвестный шедевр Антокольского — «Санкюлот». Во время войны, потеряв сына на фронте, Антокольский создал всенародно прогремевшую поэму «Сын», получив за нее Государственную премию. Во время кампании «по разгрому космополитов» подвергался резким нападкам. После нескольких слабых псевдогражданских поэм снова вышел к поэтическим вершинам в книге «Мастерская». Автор многих переводов из французской поэзии. Был любимым учителем М. Луконина, С. Гудзенко, А. Межирова, а затем благословил и новую плеяду поэтов, включая Б. Ахмадулину и автора этой антологии.

САНКЮЛОТ

Мать моя — колдунья или шлюха,
А отец — какой-то старый граф.
До его сиятельного слуха
Не дошло, как, юбку разодрав
На пеленки, две осенних ночи
Выла мать, родив меня во рву.
Даже дождь был мало озабочен
И плевал на то, что я живу.

Мать мою плетьюми полосовали.
Рвал ей ногти бешеный монах.
Судьи в красных мантиях зевали,
Колокол звонил, чадили свечи.
И застыл в душе моей овечьей
Сон о тех далеких временах.

И пришел я в городок торговый.
И сломал мне кости акробат.
Стал я зол и с двух сторон горбат.
Тут начало действия другого.
Жизнь ли это, или детский сон,
Как несло меня пять лет и гнуло,
Как мне холодом ломило скулы,
Как ходил я в цирках колесом,
А потом одной хрычовке старой
В табакерки рассыпал табак,
Пел фальцетом хриплым под гитару,
Продавал афиши темным лошадкам
И колбасникам багроворожим
Поставлял удушенных собак.

Был в Париже голод. По-над глубиной
Узких улиц мчался пережат
Ярости. Гремела канонада.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Стекла били. Жуть была — что надо!
О свободе в Якобинском клубе
Распинался бледный адвокат.
Я пришел к нему, сказал:

«Довольно,
Сударь! Равенство полно красоты.
Только по какой линейке школьной
Нам равнять горбы или носы?
Так пускай торчат хоть в беспорядке
Головы на пиках!»

А еще —
Не читайте, сударь, по тетрадке.
Куй, пока железо горячо!»

Адвокат, стрельнув орлиным глазом,
Отвечает:

«Гражданин горбун!
Знай, что наша добродетель — разум,
Наше мужество — оратор с трибун.
Наши лавры — зеленую каштанов
Нас венчает равенство кокард.
Наше право — право голоштаных.
А Версаль — колода сальных карт».
А гремел он до зари о том, как
Гидра тирании душит всех;
Не хлебнув глотка и не присев,
Пел о благодарности потомков.
Между тем у всех у нас в костях
Ныла злость и бушевала горечь.
Перед ревом человечьих сборищ
Смерть была как песня. Жизнь — пустяк.
Злость и горечь... Как давно я знал их!
Как скреплял я росчерком счета
Те, что предъявляла нищета,
Как скрипели перья в трибуналах!
Красен платежами был расчет!
Разъезжали фуриями фуры.
Мяла смерть седые куафюры
И сдувала пудру с желтых щек.
И трясла их в розовых каретах,
На подушках, взбитых, словно крем,
Лихорадка, сжатая в декретах,
Как в нагих посылках теорем.

Ветер. Зори барабанов. Трубы.
Стук прикладов по земле нагой.
Жизнь моя — обугленный обрубок,
Прущий с перешибленной ногой
На волне припева, в бурной пене
Рванных шапок, ружей и знамен,
Где любой по праву упоенья
Может быть соседом заменен...

1925

СНЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Сны возвращаются из странствий.
Их сила только в постоянстве.
В том, что они уже нам снились
И с той поры не прояснились.

Из вечной ночи погребенных
Выходит юноша-ребенок,
Нет, с той поры не стал он старше,
Но, как тогда, устал на марше.

Пятнадцать лет не пять столетий.
И кровь на воинском билете
Еще не выцвела, не стерта.
Лишь обветшала гимнастерка.

Он не тревожится, не шутит,
О наших действиях не судит,
Не проявляет к нам участия,
Не предъявляет прав на счастье.

Он только помнит, смутно помнит
Расположение наших комнат,
И стол, и пыль на книжных полках,
И вечер в длинных кривотолках.

Он замечает временами
Свое родство и сходство с нами.
Свое сиротство он увидит,
Когда на вольный воздух выйдет.

1956

ИЕРОНИМ БОСХ

Я завещаю правнукам записки,
Где высказана будет без опаски
Вся правда об Иерониме Босхе.
Художник этот в давние года
Не бедствовал, был весел, благодушен,
Хотя и знал, что может быть повешен
На площади, перед любой из башен,
В знак приближенья Страшного суда.

Однажды Босх привел меня в харчевню.
Едва мерцала толстая свеча в ней.
Горластые гуляли палачи в ней,
Бесстыжим похваляясь ремеслом.
Босх подмигнул мне: «Мы явились, дескать,
Не чаркой стукнуть, не служанку тискать,
А на доске грунтованной на плоскость
Всех расселить в засол или на слом».

Он сел в углу, прищурился и начал:
Носы приплюснул, уши увеличил,
Перекалечил каждого и скрючил,
Их низость обозначил навсегда.
А пир в харчевне был меж тем в разгаре,
Мерзавцы, хохоча и балагуря,
Не знали, что сулит им срам и горе
Сей живописец Страшного суда.

Не догадалась дьяволова паства,
Что честное, веселое искусство
Карает воровство, казнит убийство.
Так это дело было начато.
Мы вышли из харчевни рано утром.
Над городом, озлобленным и хитрым,
Шли только тучи, согнанные ветром,
И загибались медленно в ничто.

Проснулись торгаши, монахи, судьи.
На улице калякали соседи.
А чертенята спереди и сзади
Вели себя меж них как господа.
Так, нагло раскорячась и не прячась,
На смену людям вылезала нечисть
И возвещала горькую им участь,
Сулила близость Страшного суда.

Художник знал, что Страшный суд напишет,
Пред общим разрушеньем не опешит,
Он чувствовал, что время перепашет
Все кладбища и пепелища все.
Он вглядывался в шабаш беспримерный
На черных рынках пошлости всемирной.
Над Рейном, и над Темзой, и над Марной
Он видел смерть во всей ее красе.

Я замечал в сочельник и на пасху,
Как у картин Иеронима Босха
Толпились люди, подходили близко
И в страхе разбежались кто куда,
Сбегались вновь, искали с ближним

сходство,

Кричали: «Прочь! Бесстыдство!
Святотатство!»
Так многие из них вершили суд свой
Во избежанье Страшного суда.

4 января 1957

ОЧЕРЕДНОЙ ЧЕМПИОНАТ МИРА
ПО МАШИНОПИСИ
НА ЭТОТ РАЗ
СОСТОЯЛСЯ В ИТАЛИИ.
НАШИ МАШИНИСТКИ
В СОРЕВНОВАНИЯХ
НЕ УЧАСТВОВАЛИ. ПОЧЕМУ?

И ВАМ НУЖНА МАШИНИСТКА?

Константин
БАРЫКИН

Может, сейчас уже и не требуется. Но когда я был в Риге, тамошняя «Вечерка» во весь свой многотысячный голос заявила, что отделу народного образования Рижского горисполкома нужна машинистка. Срочно. Ей не сулили золотые горы, ей не обещали оклад старшего инспектора. Ее надеялись заманить тем, что «дети сотрудников устраиваются в детские дошкольные учреждения вне очереди».

Мне не надо было никого определять в рижский детсад или в ясли, но, не озорства ради, я все же позвонил по одному из двух указанных телефонов. На том конце провода не удивились мужскому голосу, там были рады тому, что хоть кто-то отыскался, что есть соискатель на такую доходную (поговаривают), но малооплачиваемую работу, непрестижную и тяжелую.

Только в Риге так? Но вот столичная газета: она приглашает на работу машинисток (значит, не одну) и стенографистку. Правда, им не обещают детского сада, не предлагают и иного, но в самой деловой и лапидарной форме объявления чувствуются какие-то льготы: как-никак, большая центральная газета, к тому же орган торгового ведомства. Не исключено, что намеков и вовсе нет. Просто полагают, что привлечет редакционная жизнь: интереснее, чем такое же занятие в строительной конторе или в химическом НИИ, где по десятку формул на каждой страничке... Но журналисты-то знают: не прост, не легок хлеб редакционной машинистки.

Но не только редакции ждут машинисток. Позвоните в любой отдел кадров, скажите: я — машинистка. И добавьте: хочу у вас работать. Не уверен, что за вами вышлют директорский автомобиль, но как доехать до завода (до объединения, главка, управления, треста, фабрики), объяснят со всей возможной обстоятельностью, чтобы вы не сбились с дороги, чтобы не заблудились или, не дай бог, не попали в соседнюю организацию. Спросовая профессия — машинопись. В прошлом году столичные профессионально-технические училища выдали диплом «секретарь-машинистка» 1351 выпускнику. Их разобрали в одно мгновение. И смотрин не устраивали. И аукцион не проводили. Загодя прислали заявки. Семидесяти четырем заводам и фабрикам (объединениям, главкам, трестам и т. д.) никого не досталось. Убедительные их просьбы рассмотрели, но не смогли удовлетворить...

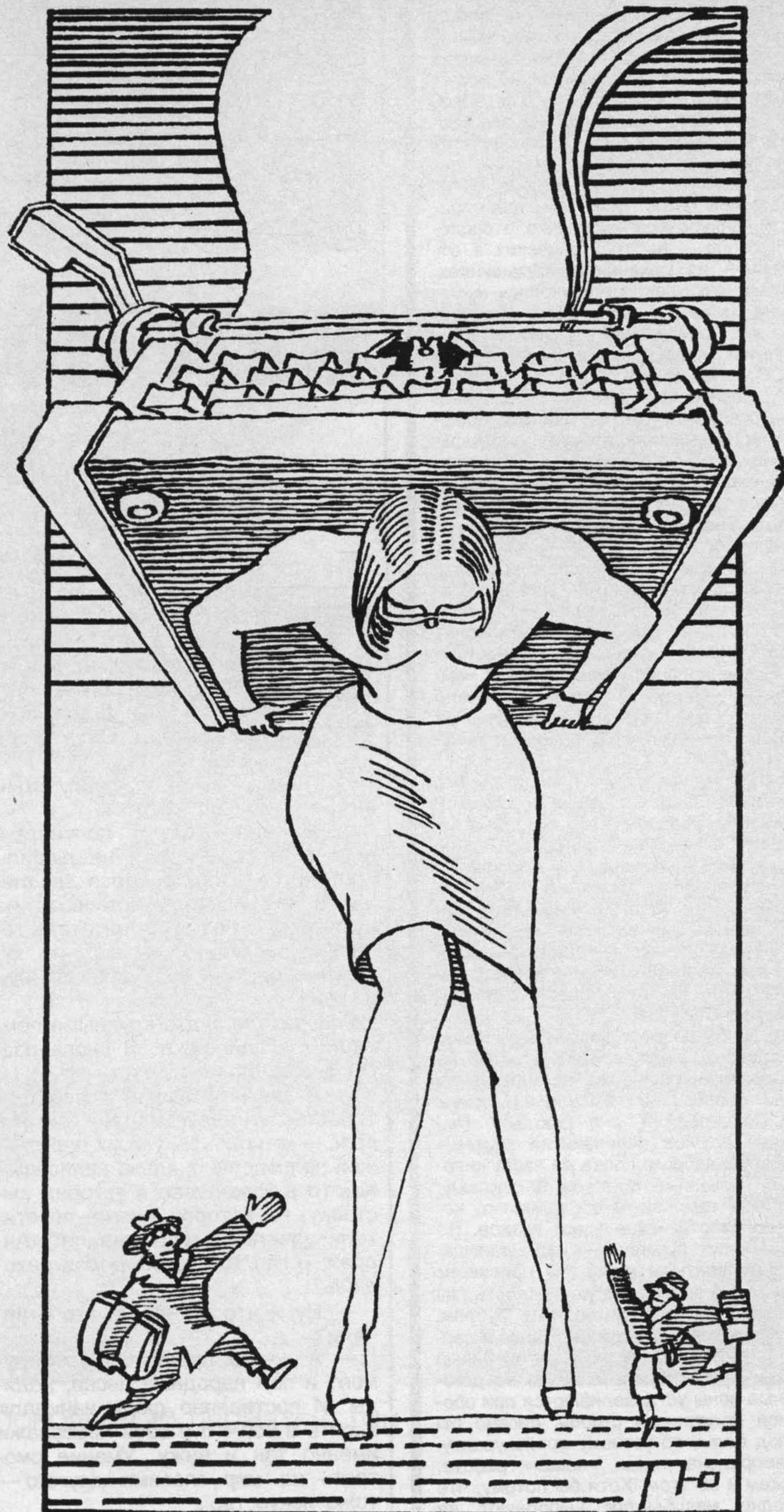

Рисунок Сергея ТЮНИНА

Бумажный поток не уменьшится, надеяться на это не следует. Информационные реки вышли из берегов и каждые десять лет увеличиваются вдвое, это закономерно.

Да и писать стали все, а печатать на профессиональном уровне не научились или не хотят. И бегают по улицам,

стучатся в машинописные офисы дипломанты и соискатели степеней, робкие молодые поэты и настырные графоманы; им тоже надо что-то перепечатать. Да и маститые литераторы какое-то время проводят в поисках: кто возьмет их автографические каракули перевести в машинописную каллиграфию?

Словом, в обозримом будущем надобность в хорошей машинистке не уменьшится, а возрастет. И прошлогодние отказы на просьбу прислать машинистку не растворились, перешли в текущий год. Ситуация не улучшается, и энное количество бумаг-запросов перейдет из нынешнего года в следующий? Так и будет ком расти — в прогрессии? Нет выхода?

Может, и нет, а может, есть. Не отвечу однозначно на вопрос, и никто не ответит. Потому что машинопись оказалась в стороне от нахоженных кадровых троп и дорог и не подпала под строки планов и статотчетностей. Помните, несколько лет тому назад в Государственном комитете по профессионально-техническому образованию СССР сетовали, что нет планового, централизованного «учета потребности в таких кадрах в пределах республик, краев, областей, городов». Каждое ведомство заботится о себе, а скопом подумать над вопросом — руки не доходят. Мог бы эту работу провести Госкомтруд, но там других забот хватает, поважнее.

Значит, в машинописном деле улучшения быть не может потому, что не может? Без объяснений? Машинописная работа — по физическим нагрузкам — сродни работе портового грузчика?.. Это научно доказано? Фантазеры ученые... И все же тяжела нагрузочка машинистки. Конечно, попроворнее стали сами пишущие машинки. Но за ними «барышни» склонились, как и полвека назад. Труд не из приветливых. Вот и сторонятся его. Мы подошли к черте, за которой мало вариантов. Либо самим овладевать азами машинописи, выстукивать романы, отчеты, врачебные заключения, пухлые следственные дела. Либо?

...Испокон считая машинопись работой по обслуживанию, услугой, заложили в оценку этого дела вторичность и тем определили отношение и к профессии, и к ее представителям. Мне довелось участвовать в опросе, результат которого изложу коротко: только одна из двух с половиной тысяч окончивших восьмилетку сказала, что хотела бы стать машинисткой.

— Ну почему же, в машинопись идут, — не очень уверенно начинают опровергать в Московском управлении профтехобразования. — Девушки стали подавать заявления на машинописные отделения. Особенно в те училища, где готовят специалистов для Внешторга, для Интуриста...

Не очень убеждающий аргумент.

В прошлом году количество машинописных классов в профтехучилищах увеличилось. Теперь машинопись преподают и изучают в 23 столичных профессиональных школах. В одной из них, в 168-м училище, ввели ускоренный, рассчитанный на месяц курс обучения. Пытаются осовременить профессию, дают навыки работы на компьютерной клавиатуре. Мне даже сказали не без гордости, что скоро может появиться

новая профессия: «Работник клавиатурного труда». Жаль, если хорошее слово «машинистка» станет уходить из тарифных и классификационных справочников, из перечня профессий, из обихода.

Жаль потому, что очень уж это хорошая профессия. Через нее, машинистку, прошло столько прекрасных романов и стихов, докладов, которыми мы в последнее время зачитываемся. Даже расположенные чуточку в стороне от привычного обихода дипломатические ноты и договоры — и те, думаю, печатают на пишущей машинке. Добрые слова сказали о машинистках Владимир Маяковский, Леонид Мартынов, Юрий Олеся, Евгений Евтушенко, их современники и предшественники. «Ремингтонная» комната была в доме Льва Николаевича Толстого.

Не новое название вводить бы, а подумать над тем, как вдохнуть вторую жизнь в давнюю профессию, как улучшить ее, что сделать, чтобы вернуть прежнюю уважительность. Как поднять класс машинописи, уровень которой упал. Мы никак не можем подняться над двумя-тремя, пусть над десятком машинописными столами и посмотреть на дело разом. А при этом получилась бы примечательная картина. Прежде всего удалось бы установить, что машинопись обойдена какой-либо формой соревнования. Вам приходилось видеть хотя бы формальные «соцобязательства» машинисток?

— Не могу понять, почему ваши представительницы не участвуют и даже не присутствуют на соревнованиях по машинописи, — говорила мне выдающаяся машинистка, неоднократная чемпионка мира Йоганна Прокш-Штейнгаузер. — Знаю работы некоторых коллег из вашей страны, это мастера.

Йоганна преподавала машинопись в венской торговой школе. «Среди моих учеников есть талантливые люди. Достичь высот в нашем деле можно только трудом и талантом». В ранге чемпионки Прокш-Штейнгаузер и приезжала в Москву.

Доводилось беседовать еще с двумя чемпионками мира — Эржбет Варга из Будапешта и Гизеллой Эберсбах из Берлина. Добродушная, полная, оттого казавшаяся чуточку медлительной, Гизелла преображалась, едва садилась за пишущую машинку. Я пытался найти хоть одну опечатку или небрежность в очень быстро отпечатанных ею строках...

— Чемпионаты мира, как и национальные соревнования машинисток, заметно поднимают уровень профессионализма, общий интерес к нашему делу. Ведь чемпионки популярны, как кинозвезды. Нам хотят подражать многие девушки. К нам обращаются за консультациями и за помощью самые знаменитые заводы по выпуску пишущих машин, нас просят печатать самые ответственные работы, мы на виду!

Подогретый такими разговорами, несколько лет назад я обратился к большому знатоку машинописного дела Вере Витольдовне Соболевской и Борису Ивановичу Березину. Это авторы прекрасных книг по машинописи. Соболевская — преподаватель иностранной машинописи в Гостелерадио, а кандидат технических наук Березин долгое время работал в Полиграфическом институте.

Позвонили они в Госкомтруд СССР. Так, мол, и так, пора бы начать машинописные соревнования. «Что начать?» — не сразу поняли их. Предложение интереса не вызвало, и тогда авторы его постучались в профсоюзные двери. На этот раз не ошиблись. Организация первых «экспериментальных» соревнований взял на себя профсоюз работников культуры. Издательство «Прогресс» уступило на выходной день

лучший свой зал, собралось человек около сорока. Председатель жюри В. В. Соболевская «пустила часы», конкурс начался. До чего это было красивое и азартное состязание! Победила в нем Елена Александровна Полякова. Ей аплодировали, поздравляли, вручили путевку в профсоюзный санаторий. Но и те, кто не попал в призеры, внакладе не остались, все были очень довольны своим участием в конкурсе, в маленьком празднике машинисток.

И я тогда подумал: такие соревнования помогут вернуть машинописи ее место в ряду нужных дел.

...Прошло много лет. Иногда встречаю первую московскую чемпионку. Она успела выйти на пенсию, иногда берет какую-нибудь рукопись, не может сидеть без дела. Так и осталась Е. А. Полякова чемпионкой на все времена. Никто ее не сменил. Конкурс заглох. Никто не озаботился вторым, третьим, никто не подумал над тем, чтобы раздвинуть рамки действия, чтобы провести конкурсы региональные, отраслевые, особо — на электрических и отдельно — на механических машинках. Потому что электромашинопись и машинка механическая — это не одно и то же. Посулил как-то один из заместителей председателя Госпрофобра СССР организовать в 1983 — 1985 годах «республиканские и Всесоюзный конкурсы на лучшего учащегося профтехучилищ по профессиям секретарь-машинистка, секретарь-стенографистка, машинистка». Пообещал и забыл? А надо бы «вернуться к вопросу». Надо! Выявить лучших машинисток в республиках, а может, и в стране. Чтобы определить, насколько их работа соответствует мировому уровню. Может, послать и на очередной — они проводятся раз в два года — чемпионат мира. Пока мы очень мало что знаем об этих соревнованиях. Чемпионки и чемпионы — среди участников немало мужчин — добиваются фантастических скоростей — почти 800 знаков в минуту.

Наши машинистки предоставлены сами себе. У них нет даже профессионального клуба. У них нет современных машинок. У них нет лидеров. Сейчас машинопись держится на энтузиастах или неудачниках, а то и на случайных людях, они приходят в машинку не по призванию. Сначала на год-другой, а потом, случается, задерживаются навсегда, но не потому, что влечет профессия, а по каким-то другим причинам и обстоятельствам.

Могли бы способствовать делу и машинописные бюро, организованные на кооперативных началах. Возглавить бы такой кооператив чемпионке Москвы Е. А. Поляковой — уже реклама! Нынешняя служба перепечатки системы минбытов доброго слова не заслуживает, в серьезный счет ее не включу. Трудятся там как-то обезличенно, качество работы чаще всего низкое. Но к ним несут рукописи — куда денешься? Кооперативы могли бы привнести в дело организационную четкость; да и оценивать работу полным рублем, если она хорошо сделана. Ведь и сейчас у машинистки за двугривенный страничку не перепечатаешь, но договорные цены устанавливаются при обоюдной неловкости сторон, словно бы из-под полы, по устному преискуртанту. И аморальна такая «левая» работа, скажем и об этом. Хотя бы потому, что нередко машинистки выполняют ее в служебные часы, на служебных машинках.

А включись бы в дело кооперативные машинистки, быстро бы забили минбытовские «бюро по перепечатке», потеснили бы, подкорректировали и нынешний «черный рынок» машинописного дела. Он не процветает, но существует. Не верите? А вы поговорите с мастерицами из вашего машинописного бюро...

ПАЛИТРА

В разгар лета, когда в коридорах «Огонька» шел ремонт, а редакции отделов вместе с деловыми звонками наполнялись перестуком молотков и визгом электропил, на стол отдела искусств цветным веером легли слайды с пометкой «Город Николаев». Обычная утренняя корреспонденция. Однако ни обилие почты, ни «кудрявые» от стружки и бумаг столы не помешали увидеть в картинах Андрея Антоныча художника своеобразного, с большим зарядом сострадания к людям.

КАК ПОДСОЛНУХ К СОЛНЦУ

Олег ТУРКОВ

Авскоре, проездом через Москву, появился и сам автор. Невысокий, одетый в дорожное платье, он не был похож на художника-москвича. Его образ был иным...

— Почему вы для публикации выбрали именно «Огонек»?

— Журнал ваш популярен, а меня в свое время не любили критики, я долго боролся за элементарное право участвовать на выставках... Вот пусть читатель теперь и рассудит. Считаю, что художник должен быть признан при жизни.

Говорит он, будто крупными ломтиками хлеб нарежает. Я снова разглядываю слайды.

— А вас не смущает то обстоятельство, — вдруг задает он вопрос, — что фигуры у моих персонажей непропорционально написаны? Как-то в Николаеве я устроил выставку, на которой многие посетители удивленно спрашивали: «Андрей, и где ты таких уродов находишь?»

— Ну и что вы им на это отвечали?

— А ничего, просто брал инструмент и пел народные песни, коляды. И постепенно люди начинали верить в то, что я свои персонажи именно так и вижу. Умение смотреть на мир глазами другого — тоже искусство...

Как кажется самому художнику, «печаль и радость идут по этой жизни рука об руку».

Андрей считает, что коли мы живем в мире, где день сменяется ночью, а зло мешает добру, то нужно и в творчестве отражать борьбу этих антагонистических начал. Собственно, осмыслив эту истину, художник каким-то ему одному по-

нятным способом научился переводить энергию минуса в энергию плюса. Диптих «Живая и мертвая вода» написан именно на контрасте. Крестьянин, стоящий в прозрачной воде («Живая вода»), символизирует единство земли и воды. Символизирует начало жизни.

Путь истинного художника — это подчас узкая тропинка от родного порога ко Вселенной. Истоки, питающие полотна Андрея Антоныча, — это Богополье.

— Только в степи можно увидеть настоящие звезды, — будто вторя Гоголю, выпевает фразу Андрей.

Тема единства человека с природой для художника одна из самых главных в творчестве. Народные обряды еще дохристианской Руси увлекли Андрея своей тайной. Так, в картине «Гонило» возник образ пастуха, идущего по земле с большим посохом, конец которого венчает металлический шар. Этот шар, по преданию наших далеких предков, отгонял от стада Зло и приближал Свет и Солнце. Органичным продолжением этого полотна явилась картина «Влас» — в славянской мифологии образ покровителя домашних животных.

Интересно отметить, что картины у художника вначале появляются в виде звуковых образов, которые лишь со временем превращаются в пластические формы. Полотно «День Победы» при своем рождении не составило в этом ряду исключения. Вначале в душу, как в растревоженное гнездо, влетела незнакомая птица... Родившийся в 1943 году, Андрей знал о войне по рассказам старших. Поэтому более всего его интересовали не буквальные события, а интуитивные ощущения от тех драматических лет. Белыми голубями в высокое

А. Д. АНТОНЮК. Род. 1943. НЕПОКОРЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ. 1981

небо взметнулись самолеты с долгожданными, а потому, наверное, такими огромными звездами на крыльях. Жилистые руки солдата, как символ продолжения жизни, держат мальчика и девочку... Художник на этом полотне запечатлел свои детские воспоминания.

«Еще ходить не мог, — вспоминает Андрей, — но я уже твердо знал, что буду художником. Бабушка читала Шевченко, Гоголя...» Скифские курганы, украинские и греческие поселения... Они, как исторические маяки, помогают Антонию не сбиться со счастливо найденной темы.

«Где бы я ни был, — говорит Андрей, — душой я, как подсолнух к солнцу, повернут к родным местам. Богополье для меня, как для Гогена Таити». Но главное в его жизни — это работа. Ежедневный, как у станка, труд. И по-настоящему он бывает счастлив лишь в те короткие мгновения, когда душа вдруг сливается с природой, холст и краски превращаются в нечто нематериальное, и он уже сам не ведает, что за волшебная сила водит его рукой и сердцем. И тогда он понимает: «Задача любого честного художника состоит в том, чтобы примером искреннего бескорыстия приблизить людей к великой цели единения человека со Вселенной».

МОСКВА — ВАРШАВА

РЕПОРТАЖ ДВУМЯ ПЕРЬЯМИ

Две столицы, два завода, две рабочих семьи. И два взгляда на их жизнь, заботы, надежды. Так задумали мы наш «перекрестный» репортаж с московским корреспондентом популярного польского журнала

«Репортер» Лешеком Вырвичем. Незадолго до этого он нанес визит главному редактору «Огонька», предложив наладить постоянное журналистское сотрудничество, обмен информацией и человеческие контакты между двумя родственными изданиями. Идея оказалась плодотворной. «Огонек»

воспользовался любопытными материалами со страниц «Репортера», а тот, в свою очередь, начал перепечатывать наиболее интересные ему наши публикации и даже ввел специальную рубрику «Огонек» — «Репортеру».

И вот — первый эксперимент. Выбор предприятий был в известной степени предопределен. Ветеранов индустрии двух столиц — московский «Калибр» и варшавский завод имени Кароля Сверчевского — давно уже сблизил договор о дружбе. С героями репортажа дело обстоит сложнее, ведь в заводских

цехах трудятся тысячи рабочих. И самых достойных, и самых характерных отцов семейства среди них немало. Нам же, увы, требовались только двое. Да еще по возможности с «изюминкой», с «лица необщим выраженьем»... Оставалось положиться на помощь администрации и уповать на удачу. Что мы и сделали, отправившись в канун 70-летия Октября к проходной «Калибра».

Итак, московская глава репортажа.

Юрий ОСИПОВ

Лешек ВЫРВИЧ

СЕМЬЯ АНТИПОВЫХ:

«СЧАСТЬЕ- ЭТО МЫ И ДЕТИ...»

PRIMA TEMPO (В ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ТЕМПЕ)

Ирине — 21 год, ее сыну Алеше — семь месяцев. Столько же лет было и Лидии Ивановне, когда на свет появилась Ирина. Сильнее всего тогда Лидия Ивановна мечтала о новой квартире, чтобы и дочери было удобно, и чтобы она сама могла почувствовать себя хозяйкой в собственном доме. И вот двадцать лет спустя мечты матери и дочери словно бы наложились одна на другую. Лидия Ивановна теперь мечтает, чтобы ее дочь как можно скорее обрела собственное жилье.

— Только, пожалуйста, не посчитайте, что нам друг с другом плохо. Напротив, — спешит уточнить Лидия Ивановна. — Даже трудно представить себе, как мы будем жить, когда Ирина получит квартиру. Отсюда, с проспекта Мира, нам всем сейчас близко до работы. Всего семь минут на трамвае. А потом ведь все может измениться. Ирина может получить квартиру где-то в новостройках на окраине Москвы. Чтобы добраться до работы, потребуется час, а то и больше. Но самой-то еще полбеды, а с Алешей, да еще зимой... — И Лидия Ивановна уже рассуждает о том, как нужно будет организовать свой день, чтобы по крайней мере раза два в неделю обязательно навещать внука и помогать дочери по дому. Потому что Алеша, и это уже решено, будет ходить в те же ясли и детсад при заводе, в которые когда-то ходила его мама.

— Нигде ему лучше не будет, — уверена Лидия Ивановна. — Ирина там выросла. Каждый день, в любую погоду, возили мы ее туда на трамвае. И ничего, посмотрите, какая выросла...

Она называет шутя Ирину «заводским ребенком». Что ж, заводские ясли, детсад, пионерский лагерь, и в результате... оператор-программист на «Калибре». Так продолжается рабочая династия Антиповых на известном московском предприятии.

— Ирина выросла в заводской атмосфере. Дома мы постоянно говорили о делах на заводе, на отдых ездили все вместе с семьями товарищей по работе, праздники отмечали также в заводском кругу. Так что иначе и быть не могло, — говорит отец Ирины, Владислав Александрович Антипов, и тут же спешит добавить:

— А теперь «обрабатываем» зятя, чтобы и его перетащить к нам на завод. Пока он работает помощником машиниста в метро, но мне кажется, что семейная агитация уже воздействовала на него...

Мы беседуем вот уже несколько часов, а скрытая напряженность хозяев небольшой, характерно уютной московской квартиры не исчезает. Два дня назад мы — я и Юрий Осипов — познакомились с семьей Антиповых в парткоме завода. Домашняя обстановка, радужное застолье понемногу растопили холодок отчуждения. Но все же Антиповы поначалу осторожничают, на мои вопросы ответы были однозначно «положительными». Впрочем, чему ж тут удивляться. Открытости, доверительности учатся сегодня и министры, и рабочие.

Да и у меня не было сомнений, что на заводе для беседы с иностранным журналистом непременно выберут «показательную» семью. Это понятно, мы все стараемся показать лучшее, что у нас

есть. Не буду скрывать, когда нас представили друг другу, я попросил дать моей «московской семье» короткую характеристику. Привожу ее:

Лидия Ивановна Антипова, 41 год, рабочая, вот уже два года является депутатом Моссовета, была делегатом XXVII съезда КПСС. На заводе «Калибр» работает с 1965 года. Награждена орденом Дружбы народов.

Владислав Александрович Антипов, 48 лет, слесарь-механик точных приборов, возглавляющий бригаду контрольно-измерительных приборов и инструментов, партийный и профсоюзный активист. На заводе работает с 1957 года. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Ирина Владиславовна Антипова, 21 год, рабочая, оператор-программист. На заводе — с 1984 года, комсомолка, в данный момент находится в отпуске по уходу за ребенком.

У меня зародилось сомнение. Неужели Антиповы на самом деле типичная современная рабочая семья?

Собственно, что сегодня можно подразумевать под термином «рабочая семья»? Разве она кажется более благополучной, чем какие-либо другие? Или в ней меньше поэзии, а больше прозы жизни? Чепуха! В социалистическом государстве в принципе не может быть никаких барьеров ни в экономическом, ни в образовательном, этническом или религиозном плане. А ведь еще во многих странах мира практически отсутствует в семье равенство супругов. У нас же сегодня никого не удивишь тем, что она — дипломированный врач, он — рабочий, или наоборот. В этой области нашей жизни не существует никаких преград, а молодые граждане свободны от влияния своих родителей в выборе мужа или жены. Равенство мужчины и женщины в супружестве на примере нынешнего поколения зашло,

как свидетельствуют некоторые советские социологи, так далеко, что во множестве случаев инициаторами разводов являются женщины. Это новое общественное явление, о нем до недавнего времени не могло быть и речи. Мне кажется, что семья Антиповых — счастливое исключение.

В Советском Союзе более 70 миллионов семей. Ежегодно возникает более 2,7 миллиона новых супружеских пар, но количество разводов составляет около 980 тысяч. Однако в их число входит немало и солидных на первый взгляд браков, а не только ранних. В результате социологических исследований статистика свидетельствует, что на две счастливые семьи — одна несчастливая. Вот что получается из простого арифметического подсчета зарегистрированных браков и разводов. Думается, что все эти цифры объективно говорят о положении дел, но, мне кажется, и не совсем так. Семьи можно подразделить либо на сложившиеся, либо нет, то есть счастливые и несчастливые. Да и постоянство семейных уз чаще всего зависит от обоих супругов.

Ну, а какая же семья Антиповых? Может быть, у них выработался собственный секрет семейного счастья? Попробуем узнать мнение их обоих на этот счет...

«МЫ И ДЕТИ»

Владислав Александрович: — В нашем доме нет больших и малых, принцип нашей семьи — уважение, каждый охотно и с удовольствием поможет другому. Наша Ирина сразу стала полноценным членом семьи. Мы все вместе

всегда решали, что купить на заработанные деньги — пальто для мамы, ботинки для меня или же платице для нее. Не могу забыть, что однажды, когда Ирине было 8 лет, решили мы на семейном совете купить ей туфельки. Ирина посмотрела на меня и тихо сказала: «Нет, нужно купить не мне, а папе...»

Лидия Ивановна: — Когда я возвращалась с работы, Ирина, еще совсем малышка, помогала мне вытирать посуду. Потом, уже школьницей, убирала квартиру, мыла посуду, чистила картофель. Такой порядок сохранился до сегодняшнего дня. Все домашние обязанности мы делим поровну. Правда, только в последнее время у нее больше, чем у меня, домашних дел, потому что после работы я часто задерживаюсь на собраниях и встречах...

Владислав Александрович: — Я хотел бы сказать, что в детстве мы без разрешения родителей хлеб со стола не могли взять. А уж если хотелось заполучить какую-нибудь новую игрушку, должны были на нее заработать, разумеется, по мере своих сил. И это не потому, что у родителей не было денег, а потому, что отец считал — если заработаешь сам, будешь больше ценить и понимать, что ничего в жизни нельзя получить даром. А что мы видим сегодня? Зло берет, когда перед прилавком с игрушками малыш кричит и топает ногами на мать, а та, стыдясь перед людьми, да и лишь бы ребенок не нервничал, покупает ему эту игрушку, зачастую весьма подрезая свой семейный бюджет. Что это за мода стала распространяться среди современных родителей? Ребенок идет в детский сад — обязательно получает велосипед, а уж в школу — то не меньше, чем магнитофон. В награду за что? Разве по принципу — другие имеют, а наш что, хуже! Потом удивляемся, что приходят на предприятия люди, что называется, с двумя левыми руками, вялые, желающие все только получить, ничего не отдавая взамен, живущие за счет эксплуатации родителей, а в итоге — и всего общества. Но мы сами такими их воспитали, значит, сами виноваты в этом...

КОГДА СЕМЬЯ БЫВАЕТ СЧАСТЛИВА И ПРОЧНА?

Жена: — Мы познакомились с Владиславом во время отпуска. Он понравился мне своим характером — добрым, открытым, прямолинейным. Главная черта в его натуре — чувство справедливости. Семья для него — это не что-то вроде пансионата, где, возвращаясь с работы, можно есть и спать, а прочный, крепкий общий дом, как бы сказать, основа нормальной человеческой жизни...

Муж: — Что значит семейное счастье? Одни говорят: было бы здоровье, дети, да муж бы не пил, да жена была бы с добрым и покладистым характером. Это все, конечно, важно, но для меня лично счастье — не что-то исключительное, а миллион мелких, если можно так сказать, кораллов, которые мы сообща и терпеливо нанизываем на нить жизни. Наша семья — обыкновенная, таких, как мы, миллионы, и чем-то особенным нам похвалиться трудно. Но мы счастливы, потому что любим и уважаем друг друга, и более всего хотим сохранить взаимное понимание. У нас хорошие дети, много добрых друзей, то есть все, что нужно для нормальной и интересной жизни. И мы хотели бы не просто прожить вместе жизнь, получив от нее как можно больше удовлетворения, радости, оптимизма, но и как-то передать это другим...

Жена: — На все можно посмотреть с той или иной стороны. В нашей семье соблюдается не только ритуал совместных решений, но у каждого из нас имеются свои увлечения и привычки. Например, я, когда устаю, люблю попеть или посидеть — почитать. Муж же предпочитает путешествия, природу, рыбалку, на которую ездит с товарищами по работе. Мы все знаем, что суббо-

та — это его день: Да, в этот день он занят, зато мы с Ириной уделяем значительно больше времени своим делам. Доброта, понимание, взаимное уважение — в этом мне видится счастье и благополучие семьи...

ЧТО ЧАЩЕ ВСЕГО СЛУЖИТ ПОВОДОМ ДЛЯ РАЗРУШЕНИЯ СЕМЬИ?

Л. Антипова: — Отсутствие квартир у молодых семей, алкоголизм, взаимное непонимание, неумение терпеть и ждать...

В. Антипов: — Нежелание думать о том, какой должна быть семья, отсутствие достойных для подражания примеров, разобщенность взглядов на воспитание детей...

SECUNDO TEMPO (ВО ВТОРИЧНОМ ТЕМПЕ)

Аппетитные пирожки с капустой, конечно же, испеченные хозяйкой, сменило варенье (Лидия Александровна: — Слава сам собирал летом ягоды, можно было бы наварить варенья куда больше, но, увы, негде хранить), шоколадные конфеты. Такой вкусный чай из самовара мне лично не так часто доводилось пить. Разговор о житейских делах невольно пошел легче. И сразу возник главный вопрос:

КВАРТИРА.

Антиповым после свадьбы вместе с маленькой дочерью пришлось восемь лет жить у матери Славы. Восемь лет ждали, но в 1974 году, наконец, в заводских корпусах на проспекте Мира получили двухкомнатную квартиру. Две

Антиповы на работе и дома.

Фото
Александра НАГРАЛЬЯНА

небольшие комнаты с кухней. Светлой, уютно обставленной квартиры когда-то хватало. Сегодня на две семьи она, конечно, мала. Завод тем временем построил новый 17-этажный корпус, но квартир в нем ждет очередь в 160 семей. Вначале думали поменять квартиру на большую, однако теперь семья считает, что Ирина с мужем должны жить самостоятельно. Когда получат? Может быть, через три, четыре года.

— Если бы не перестройка и уже начатая в полной мере реализация программы обеспечения каждой семьи отдельной квартирой, Ирине пришлось бы ждать гораздо дольше, — говорит Лидия Александровна.

— Мы взяли уже ссуду для молодой семьи в 1000 рублей с рассрочкой на 8 лет. Часть этих денег предназначается для обстановки новой квартиры, — вступает в разговор Ирина.

доходы.

Антиповы не жалуются, считая, что зарабатывают немало. Она — 250 рублей, он — 350 рублей, зарплата доче-

ри — около 150 рублей. Деньги на сберкнижку, однако, не откладывают. Ее даже не завели. Просто текущих расходов много, да при этом каждый месяц покупается что-то из вещей и одежды, лучше меньше, но добротнее, а значит, дороже. Отпуск проводят вместе, на это также уходит большая часть денег, которые откладываются заранее, каждый месяц понемногу.

покупки.

С ними до сих пор еще проблемы. В магазинах постоянно длинные очереди, да и не всегда можно купить то, что хочется.

— Хорошо, что на заводе заботятся о людях, — говорит Ирина. — Один, два раза в месяц местком устраивает распродажу дефицитных товаров, то есть все необходимое можно купить без особых усилий.

В заводском магазине Антиповы практически делают все покупки. Нормально ли это, на их взгляд? Они полагают, что нет, однако, пока товаров не хватает для всех, и такая форма тор-

говли — уже выход. Иначе где купить желанные товары, ведь на работе они почти до закрытия магазинов. Когда я вставляю, что в московской торговле существуют проблемы из-за устаревших форм организации продажи товаров, Антиповы соглашаются.

— Верно, — говорит Владислав Александрович, — не хватает магазинов самообслуживания, чтобы убрать очереди и освободить людей от траты на это своего времени.

РАБОТА.

Глава семьи считает, что перемены, которые происходят сегодня во всей стране, оказывают влияние на характер людей, на их отношение к работе. Госприемка многому всех научила, но дело ведь не только в контроле.

— Моя бригада получила право ставить Знак качества, то есть самоконтролирования продукции, и поэтому я всегда говорю своим товарищам по бригаде: «Делай так, как бы делал для себя. И не забывай про свою рабочую гордость. Если ты что-то плохо сдела-

ешь, разве будет у тебя моральное право критиковать других, тех, кто сшил тебе плохую обувь, продает непропеченный хлеб или плохой телевизор? Легко критиковать других за недостатки, но в первую очередь нужно начать с себя, чтобы ты сам ни в коем случае никогда не делал плохо свою работу».

— Раньше мы как-то не обращали внимания на мелочи, на то, сколько попусту тратим энергии, в каком состоянии находится оборудование, оплачивается наша продукция или нет, — добавляет Лидия Ивановна. — А сейчас пришлось нам всем учиться экономии. Трудно это, и не каждому, разумеется, приходится по вкусу, но необходимо.

— Еще немало тех, кто ждет, что перестройка сама к ним придет, и все само собой образуется, — добавляет супруг. — Конечно, есть еще и люди, которые втайне исповедуют принцип: пусть будет, как было, и ничего не надо менять, однако не они сегодня задают тон на «Калибре». Завод нуждается в модернизации, в современной технологии. И все это мы должны выполнить сами и как можно быстрее...

ОТДЫХ.

Антиповы ежедневно встают в половине шестого утра, с работы возвращаются около 17 часов. Но это только тогда, когда нет собраний, встреч и совещаний. В рабочие дни свободного времени только и хватает, чтобы побыть с внуком, постирать, приготовить еду, иногда посмотреть интересную передачу по телевизору и перед сном немного почитать газеты или книгу.

Самые важные семейные дела откладываются на субботу или воскресенье. Тогда удается выбраться на прогулку, сходить в театр, в кино. К тому же каждую субботу Владислав с товарищами ездит на рыбалку, то на Волгу, то на Клязьминское водохранилище, а вернувшись, коптит во дворе свой улов, так что у них почти всегда на столе рыба собственного копчения. В воскресенье занимаются домашними делами, гуляют с внуком, ходят в гости к друзьям, с которыми вместе проводят отпуска, то в палатках, то на реке. Как будут проводить отпуск теперь, когда родился Алеша, еще не решили, но, конечно, как только внук немного подрастет, дедушка обязательно начнет брать его с собой на рыбалку. Дачи у Антиповых нет, объясняют это тем, что не любят быть привязанными к постоянному месту. Думается, однако, что дело не только в этом: построить нынче дачу в Подмоскovie, каждый знает, нелегко и накладно.

То же самое и с проблемой приобретения автомашины. И хотя я об этом не спрашивал, думаю, подобная цель им пока и недоступна, ибо заставила бы копить, ущемлять в чем-то себя, то есть практически изменить образ жизни...

* * *

Кто же они, Антиповы? Показательная или обычная рабочая семья? Скорее всего обычная, такая, каких много, со своей давно определившейся нравственностью и преемственностью, традициями, вынесенными из-под отчего крова, с простыми, пусть кому-то даже покажется, упрощенными взглядами на жизнь и воспитание детей. Семья, которой не чужды ежедневные хлопоты и тяготы жизни, но которая умеет через все это пройти, не теряя достоинства и веры. Антиповы не мечтают о недостижимом, как говорится в народе, о грушах на вербе. Они реально смотрят на жизнь и свои возможности. Да, им нужна квартира для дочери, они любят покой и уют, но еще больше дорожат миром и согласием в семье. Признаем, что это немало...

Перевела с польского С. БУЧНЕВА

ДРУГ МОИ МОМИЧ

Константин ВОРОБЬЕВ

Творческий путь Константина Воробьева (1919—1975) начался в послевоенные годы, и уже первые его произведения — «Это мы, господа!», «Сказание о моем ровеснике» и «Убиты под Москвой» — были написаны рукой зрелого писателя, пережившего в детстве трудные годы коллективизации, а затем — ужасы начала войны и плена в фашистских лагерях. Но по-настоящему тревожный голос писателя, призывающего к добру, ненавидящего то, что мешает человеку быть человеческим, был услышан читателем лишь в 80-е годы. Мужественное отстаивание в своих произведениях правды стало для писателя единственным смыслом жизни, и за это пришлось ему платить очень дорого. Повесть «Друг мой Момич» была написана К. Воробьевым в 1965 году. Писатель предложил ее в 1966 году журналу «Новый мир», но в силу ряда обстоятельств того времени напечатана она не была. В том же году издательством «Советская Россия» планировалось издание сборника повестей Воробьева, в который предполагалось включить и это произведение. Однако книга все же вышла без повести «Друг мой Момич», несмотря на то, что в верстке она входила в состав сборника. После того, как повесть вторично была отвергнута, литовское издательство «Вага» предложило напечатать ее в сокращенном виде. Из повести были изъяты главы о раскулачивании главного героя Момича и дальнейшей его судьбе. Таким образом, повествование о событиях в деревне в тридцатые годы искусственно ограничивалось. Повесть вышла в 1967 году под названием «Тетка Егориха». И лишь в 1988-м она выйдет в полном объеме в издательстве «Современник» под авторским названием. Орывки из повести, которые «Огонек» предлагает читателям, публикуются впервые.

Наполовину или полностью, но у нас сбывались даже сны, и разговор про колхоз тоже не пропал даром: дня через три к нам в хату явились все, кого я видел на проулке, когда катился, — уполномоченный с портфелем, Зюзя, Евдокия Петровна, те три незнакомых мужика и еще Сибилек. Мы только наладились было обедать, когда они вошли. Из нашей с теткой миски высовывался большой желтый мосол, облепленный разваренной капустой, и мы с ней одновременно выставили локти, чтобы заслонить его от чужих людей: он был как лошадиный, и мало ли что могли подумать чужие люди, откуда он у нас таких взялся? Не будешь же им говорить о Момичевом быке и о Настинной неполучившейся свадьбе! Мы застыдились, потому что всю жизнь были бедные, — с Царем не разбогатеешь, и когда выставили локти, то нечаянно опрокинули миску, и щи подплыли к Царю. Он стукнул меня ложкой по лбу, а на тетку крикнул:

— Заевозилась, змея!

Может, поэтому никто из вошедших не поздоровался с нами, — когда ж им было здороваться, если мы дрались, и я вытер лоб, встал и сказал:

— Здравств!

Я сказал звонко, как в классе, и глядел только на учительницу, — мы ведь уже недели полторы не встречались в школе: не разорваться же ей, раз она ходила с ударной бригадой! Учительница взглянула на меня, как на замерзшее окно, и поморгала, будто под веки ей попали соринки. Я по себе знал, что когда долго пробудешь на холоду, а потом ввалишься в хату, то все белое в ней — стены, потолок, печка, теткинo лицо — кажется розовым, неверным и отдаленным, и надо немного обтерпеться, чтобы привыкнуть и видеть все ясно и правильно. Все семеро ударников столпились возле дверей и оттуда невидяще разглядывали хату и нас. Я подождал, чтобы они обтерпелись, и вторично выкрикнул — теперь уже всем — свое «здравств». Тетка успела прибрать стол и протяжно, и смущенно, как ранним гостям на праздник, сказала следом за мной:

— А вы ж проходите и садитесь. Милости просим!

Подойдя ко мне, у нас не хватило лавки со скамейкой, и Сибилек прислонился к печке, спрятав за спину руки, — наверно, прозяб в своем укороченном зипуне и в разъявленных лаптях на одну холщовую портянку. Он встал и подстерегающе, как на птичек, когда их хочется словить, прищурился на боженят. Они висели на нитках в святом углу под божницей и все время вертелись: то обернутся друг к другу затылками, то опять сойдутся нос к носу. Шары на подоконнике заслонили Зюзя и учительница, но на скамейку, лицом к тому окну и спиной к нам с теткой, сел уполномоченный, и мне не было видно, заметил он их или нет... Я подумал, что зря крал их, — теперь неизвестно, что будет, и в это время уполномоченный спросил у Царя:

— Вы хозяин?

Дядя Иван злобно метнул взгляд на тетку и ответил уполномоченному поспешно и готовно:

— Мы давно поделенные. Мой тут один чулан...

Он убрал со стола локти и посунулся в угол, а уполномоченный хмыкнул и обернулся к нам с теткой. Мы стояли возле лежанки лапоть к лаптю — не разберешь, чей больше, а чей меньше, и уполномоченный долго глядел на них: дивился, видно, отчего они у нас так похожи. Мы и сами путались по утрам, когда вынимали лапти из печурки, — Момич плел их на одной колодке, и разнашивали мы их одинаково — правые сбивали влево, а левые вправо.

Не знаю, как тетка, но я тогда не решил, кто

лучше наряден — уполномоченный или Зюзя. На уполномоченном все было городским — шапка «московка», длинное пальто с воротником, белые и тонкие, обшитые желтой кожей валенки. Тут гляди не гляди — луганское все, недостижимое и уважительное, как портфель, а на Зюзе... На нем все, кроме буденовки, было наше, камышинское. Я все признал: и кожанку, и полосатый шарф, и галифе, и сапоги с калошами; и мне даже запахло чем-то уличным, как бывало на дубах, когда Роман Арсенин садился к Насте на колени и растягивал гармошку. Зюзя ни разу не взглянул на нас с теткой — не привык пока, видно, к богатой одежде. Это всегда так бывает, когда наденешь новую рубашу или еще что. Тогда все время помнится, что на тебе есть, и отчего-то не глядится на людей, ежели они во всем старом...

— Это они самые? — оглядев наши лапти, обернулся уполномоченный к Зюзе. Тот молча кивнул, и кожанка на нем заскрипела, как капустный лист, когда его ломаешь.

— Как же это вы дезертировали из коммуны? — спросил тогда уполномоченный. Он не оборачивался к нам, потому что отмыкал зачем-то портфель, и дядя Иван затиснулся в угол и оттуда сказал:

— Я ничего не знаю. Мой тут один чулан.

Учительница издала нацелила на тетку указательный палец и сказала, как на уроке:

— Вас, гражданка, о трудовой коммуне спрашивают!

Она аж покраснела — обиделась, видно, что мы не сразу догадались, кого спрашивал уполномоченный. Мы с теткой еще теснее сдвинулись, и она обняла меня как в тот раз, в коммуне, когда признавалась председателю Лесняку, что мы — сироты. Она и ответила, как тогда — степенно и ладно:

— Мы, милая, не в солдатах служили там. Хотелось — жили. Не понравилось — возвратились домой.

— Не понравилось? В коммуне? Вам? — с нарастающим гневным удивлением спросила учительница.

— То-то что нам, красавица, а не сидорову кобелю! — распевно сказала тетка, а я не удержался и прыснул, — она нарочно, к смеху, назвала учительницу красавицей: Евдокии Петровне нельзя было злиться, потому что глаза тогда у ней совсем выпячивались и белели. Она поморгала голыми веками и сказала:

— Странная для сельского пролетария концепция!

Мы не поняли, про что это, а Зюзя скрипнул кожанкой и проговорил уличающе, как свидетель при покаянии:

— Их Мотякин сманил. Сусед ихний, подкулачник.

— Во-во! — шлопуточно поддакнул Царь, но тетка махнула на него рукой, а Зюзя укорила почти ласково:

— Ты б, Серег, не буровил чего не надо! Кто нас, вольных, сманивал? Какой такой кулачник? Нехорошо это, сам знаешь...

— Знаем! — с едким намеком на что-то тайное и стыдное ответил Зюзя и сочувственно взглянул на Царя.

— А мы тоже не про все забыли! — спокойно сказала тетка. Сибилек переместился у печки и проронил тоненько и поучающе:

— Старое поминать нечего...

Чтоб «не помнить», как он хотел ударить Зюзя кирпичом в сумке, я подумал про хорошее, что было потом, — наше крыльцо, украшенное березовыми ветками, приход тетки с беремом цветов, мед в лопухе...

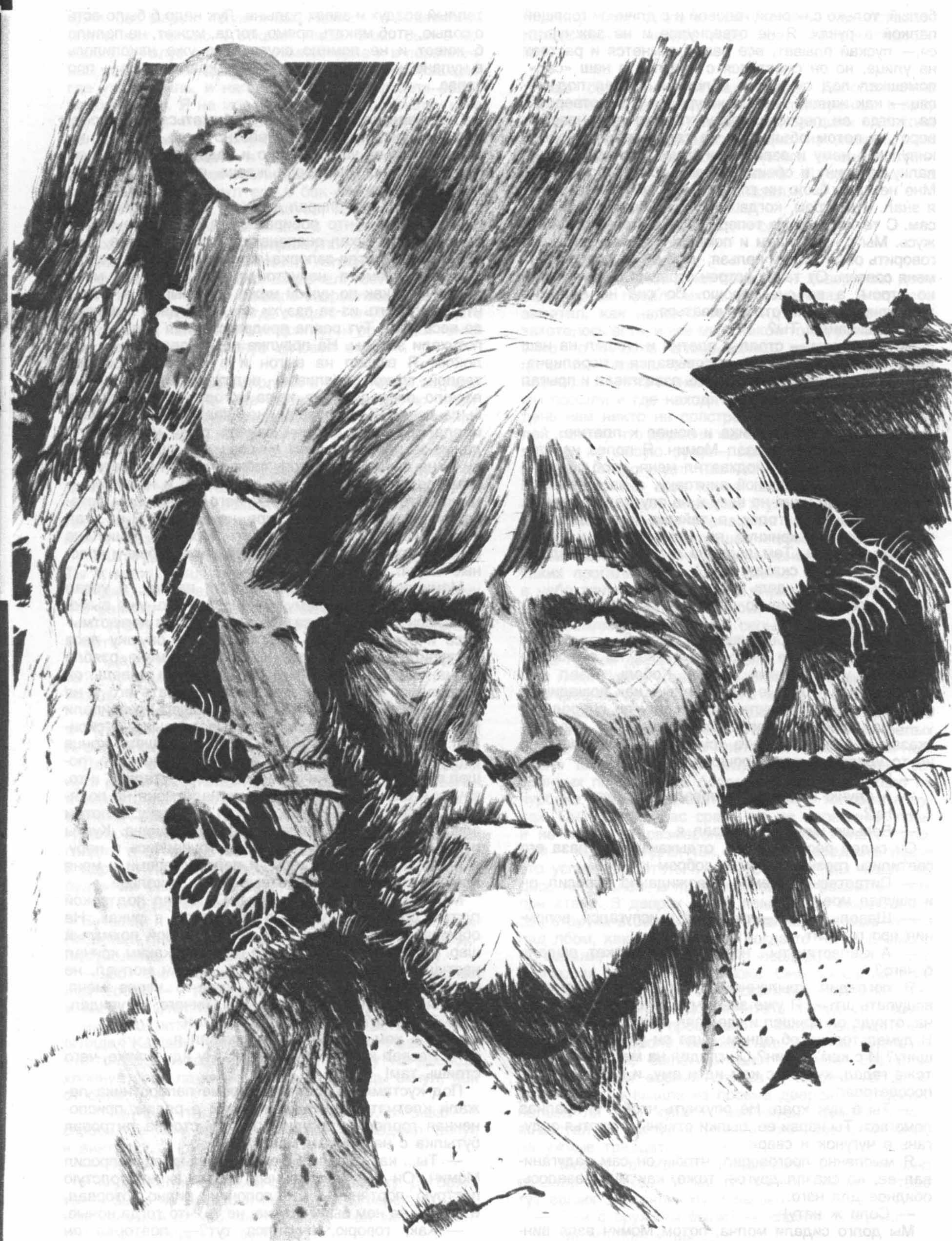

Рисунок
Олега ВУКОЛОВА

— Чего в колхоз не пишется? — обозленно крикнул Зюзя на тетку. Он поднялся с лавки, и его трудно было узнать — не то он, не то нет: окрепший стоял, блестящий, левым плечом вперед, как председатель Лесняк. Тетка медлила с ответом — дивилась, наверно, Зюзиному росту.

— Сами девятый хрен без соли доедают, а в кулацкую дудку дуют!

Зюзя сказал это не нам, а Сибильку, и тот согласно кивнул головой, а тетка зачем-то отделилась от меня, поправила на себе сначала платок, потом фартук и сказала им обоим, будто пожаловалась:

— У нас поборов нету... ни по денной должности, ни по ночной охоте...

С раскрытым портфелем в руках уполномоченный пересел на скамейке лицом к нам и посмотрел на тетку удивленно и ожидающе — хотел, видно, чтоб она сказала чего-нибудь побольше. Учительница дважды и смятенно спросила: «что гражданка имеет в виду?», но тетка молчала, и тогда Зюзя осипло и шало выкрикнул три черных уличных слова про тетку и Момича. Он выкрикнул их по выходе из хаты, под захлоп двери, а я пододвинулся к тетке, и наши лапти опять установились в ряд — поди различи, какие мои, а какие ее...

Уполномоченный ушел от нас последним — портфель никак не заперся: наверно, в замках заржавели пружинки...

Утром в приречный ракитник прилетели грачи. Я оставил ведро у колодца и пошел к ним. Они, как куры, пешком лазили по снегу, и все были с раскрытыми ртами — заморились. На вербах уже подпухали почки, а вокруг пней и ракитовых стволов узкой каемкой проклюнулась земля. Из-под бугра далеко виднелись желтые, одинаково витые столбы дыма над трубами хат — соломой топились, и только из нашей трубы дым выбивался сизовато-чадным буруном — Царь жег пересохшие стропила сарая. По очереди, то лицом, то спиной к селу, я посидел на всех новых, гладко спиленных пнях, потом наломал пучок верб и пошел за ведром к колодцу. Было уже не рано, и на проулке потел и рыхлился снег. Ни Голуб, ни пустые рукава спрятанного теткиного тулупа, ни цепенящая неприкаянность углов нашей хаты — ничто не заглушало во мне неотвратимо вселившегося чувства ожидания чего-то огромного и светлого, — я встречал весну. Мне было совсем легко нести полное ведро, и лапоть сам нацеливался в лошадиный катыш, и губы — без меня — скла-

дывались в дудку-пужатку, чтоб подсвистнуть тенькавшей синице. Я ни о чем не забыл — ни о чем, но мне не хотелось, чтоб мы встретились тут с Момичем, и не хотелось глядеть на рушник под окном его хаты.

Царь ждал меня, измазанный сажей и всклокоченный. Он спросил, куда меня носили черти, взял ведро и скрылся в чулан.

— Ты б хоть умылся, — сказал я.

— Чего? — натужно, под гуркующий слив воды в чугунок отозвался Царь. — Дуже чистых тепер кулачут и за можай гоняют... с утра прямо. Ай не видал? Ты, гляди, не лазь туда, а то к вечеру самих потурят!

Я глянул в окно на Момичев двор и увидел там чужую подводу...

Кроме нашего — да, может, еще Зюзиного, — в Камышинке не было двора, чтоб там не стоял хлебный амбар — пунька. Их рубили из дубовых бревен, покрывали старновкой под белую глину, а основу пола подпирала камнями-валунами, чтоб не сырел и хватило навечно. Момичев амбар сидел на огороде впритык к омшанику, пониже клуни. Мне давно хотелось заглянуть туда, но Момич ни разу не отпирал при мне амбарную дверь, обитую зеленой жестью: мимо него он всегда проходил какой-то веско-замедленной походкой, и я подозревал там многое такое, что пугало и притягивало, — как церква. И посиди я тогда еще немного в ракитнике, тайна Момичева амбара так и осела бы во мне щемящей утратой неразгаданного, но я успел. Под самый конец... я не знаю, что погнало меня сразу на огород, к амбару. Еще на крыльце своей хаты передо мной возник голубовский конь — в подбрыке, с округло-раздвоенным крупом, и я заученно и легче, чем тогда, на выгоне, завыл на одной ноте. Я бежал и выл, и от угла своего полуразоренного сарая увидел Момича. Он был жив. Он стоял на коленях возле лаза в омшаник и сгребал в подол рубахи комья снега. Мимозыром, вскользь, я увидел растворенную дверь амбара, каких-то незнакомых людей, нагруженные чем-то сани и Момичева жеребца в упряжке, а подле омшаника — что-то кражистое, серое, неподвижно-убитое. Я не хотел и боялся знать, почему Момич стоит на коленях, зачем понадобился ему снег, и видел только его набрякшие руки и больше ничего.

— Дядь Мось! Дядь Мось!

Я прокричал это ему в лицо, и Момич сонно взглянул на меня и сказал недоуменно и неверяще: — Живые...

В снегу копошились и елозили пчелы, — это их сгребал он в подол рубахи.

— Зачем они нам, вставай! — сказал я, но он захватил пригоршню снега, поднес его к лицу и трижды дыхнул в ладонь.

— Вставай, дядь Мось! Неш их отогреешь теперь! — сказал я.

— Живые ж! — повторил Момич. — Сходил бы за ведром али за меркой, а?

Он сказал это равнодушно и тупо, и я никуда не пошел. Я уже разглядел на снегу подле омшаника поваленные колоды ульев, почуял, что было в широкой кадке, грузно сидевшей в передке саней, — в нее обломали соты, узнал Сибильку, Андрияна Крюкова и тех трех некамышинских мужиков, что приходили к нам в хату с учительницей. Ни Голуба, ни уполномоченного тут не было. Я стоял возле Момича и ждал, когда кто-нибудь из ударников вынесет из амбара не мешок с мукой или рожью и не кошель с салом, а что-нибудь другое, не виданное еще ими самими и мной, — мало ли чем оно могло оказаться! Мешки носили к саям те трое и Митяра, а Сибилек караулил жеребца. Он держал его не за узду, а за ноздри двумя пальцами, и жеребец стоял понуро и смирно. Кострец у жеребца обозначился угловато и плоско, а живот подобрался и усох, наверно, Момич не поил и не кормил его со вчерашнего дня. Где ж там было поить, раз упряжь и ту бросил возле плетня! Весь с ног до головы белый — обмучился, — Андриян высунулся из сумрака амбара и весело — весна ж на воле — спросил у Сибильки:

— Игнатич, а жмыхи забирать? Ну прямо как колеса от хохлацкой арбы! Вот же куркуль!

Сибилек кивнул — забирать, мол. Андриян пропал в темноте амбара, а Момич поднялся, вытряхнул из подола рубахи белых пчел и неразличающе, как спросонок, оглядел сначала меня, потом свои руки. Я подумал, куда им — Сибильку, Андрияну и тем троим — нужно сейчас бечь: на проулок через наш огород или на выгон мимо клуни? Лучше на проулок, — ближе потому что, да и Сибильку тут знакомей, но Момич заморенно оперся на мое плечо, и мы пошли мимо амбара и нагруженных саней к воротам на двор. Там, под поветями закут и сарая ныли голуби, бульбулькала капель, и густым сине-розовым паром курилась большая кругловерхая куча навоза. Еще от варка, где на мутовязи бился и ярился кобель, я увидел на крыльце Момичевой хаты Зюзя,

а возле подводы Митяру Певнева и учительницу. Пятясь и приседая, Зюзя тянул из сеней вздувшуюся кумачную перину, а на ее втором конце полужела между притолок дверей Настя. Она заметила нас с Момичем и, обжав перину оголенными руками, рванула ее к себе. Зюзя ткнулся вперед и упал, поскользнувшись, — не обвыкся, видно, в хромовых сапогах. Мне не нужно было тогда смеяться — какой же тут смех и над кем, но с собой не всегда легче справиться, чем с другими, отчего у людей и бывает лишнее горе. Я засмеялся негромко, не с радости и не с озорства, а просто так, из-за своих двенадцати годов, — девка одолела малого, а Зюзя глянул в нашу сторону, оделся в лице и из крика, себе самому жалуясь, спросил невидимую в сенцах Настю:

— Это ты мне, коммунара, свалила, кулацкая стерва?!

Сидя, он вынул из кармана кожанки белесый обтерханный наган и обеими руками поднял его у себя над головой. Наверно, он стрелял в первый раз, потому что при хлопке зажмурился и пригнулся. Я тоже пригнулся и схватился за Момича, и когда Зюзя опять стал жмурить глаза и хилиться набок, Момич шагнул к крыльцу и в трудном борении с чем-то в себе сказал:

— Слышь, ты... Спрячь пугач! Ну?!

Неизвестно, как и зачем я оказался тогда между Момичем и крыльцом. Я стоял спиной к Зюзе, ждал выстрела и выстрел; но Зюзя не стрелял, а Момич качал себя вправо и влево и глядел куда-то через крыльцо — на рушник, видно. Я тихонько выли и слышал, как за моей спиной учительница смятенно-торжественно сказала Зюзе:

— Сергей Федорович, на вас ведь было прямое покушение! Надо немедленно составить акт!

Переливчато и чисто — будто она «страдала» под Романову гармошку — заголосила в хате Настя. Момич округло, словно обходил яму, повернулся от крыльца и пошел к варку. Я стоял и ждал, пока он зайдет за угол конюшни, и учительница несколько раз спросила меня издали, чего я тут жду. К варку я пошел Момичевым шагом, и когда оглянулся, то увидел, как Зюзя немощно свалил перину в сани, сразу погасив там лумочное сияние не то Настинной швейной машины, не то иконы Николы-чудотворца...

Теперь трудно решить, что было причиной крушения Момича в моем мире за те последующие полтора дня, что я провел тогда с ним по соседству. Может, сейчас мне не нужно говорить-признаваться, как дважды за ночь — первую после раскулачивания — я подбирался к клуне с коробкой спичек, а подпалить ее так и не смог, — сами ж сделали: он, Момич, и я. Мне казалось, что ничего больше, кроме пожара, не вернет — самому Момичу и мне — его прежнего, того, что когда-то крикнул «гору» и помчался на бочке под гору. Я лишь под утро вспомнил, что мчаться ему не на чем — жеребца забрали днем еще, и тогда во мне что-то пошатнулось и сдвинулось, обнажив живую и горькую обиду к Момичу и крах моих тайных и смутных ожиданий проявления его всеисильности... Мне не шлось без зова в хату к Момичу, и все утро я прокаралаулил его на своем крыльце. Сарай, закуты и весь Момичев двор вызывали во мне чувство протеста, недетской тоски и жалости своим ненужно прибитым, молчаливо-пустым видом. Под окном хаты не было рушника и блюда с водой, и мне хотелось сказать Момичу что-нибудь гневное, почти мстительное — каким-то смутно-нечетким подсказом сердца я вдруг обвинил его в теткинкой смерти и в том, что самого его раскулачили...

Мы встретились днем — он разорвал зачем-то плетень палисадника в огороде. Я подошел и спросил, что он делает, впервые не назвав его «дядей Мо-сей». Он неузнаваемо посмотрел на меня и ответил: — Воды хочу нагреть. Вощь напала...

Длинной замашной рубахой без подпояски, обмякло-серыми руками и спутанной бородой и застрявшими там хлебными крошками Момич был похож на дядю Ивана, и я сказал:

— Ты б сарай начинал...

Наверно, он не понял, о чем я, потому что опять проговорил равнодушно и бессмысленно:

— Воду буду греть...

Ночью его забрали. Вместе с Настей.

Голуб и Зюзя будто забрали. Вдвоем только...

Тогда наступила жара. Ветра совсем не было, а на проулке и на нашем да Момичевом непаханных огородах то и дело карусельно завихривалась и поднималась к нему горячая пыль — ведьмы жировали. В хате у нас тошно пахло прелыми дынями, и я редко заходил туда, Царь не вставал, ничего не хотел и не просил, а ведро с водой я занес к нему на печку. По ночам в хате сильнее думалось про еду, чем на воле, и я подолгу сидел на дворе. Над речкой и ракитником белой горой поднимался туман. От него то и дело табунками отделялись большие круглые шматки и, вытягиваясь в столбы, наплывали на Камышинку — стоймя. Момич так и побластился мне — меж двух столбов на проулке, тоже весь

белый, только с черной головой и с длинной горящей палкой в руках. Я не отвернулся и не зажмурился, — пускай плывет, все равно сомнется и растает на улице, но он сместился с проулка в наш «сад», помешкал под сумраком яблони и вышел под месяц — как живой. Я не зажмурился и не отвернулся, когда он пересек улицу, пропал под навесом ворот, а потом объявился на своем дворе. Кобель кинулся к нему и взвился, и Момич занес горящую палку за спину и обеими руками обхватил кобеля... Мне не надо было ни глядеть, ни зажмуриваться — я знал, что утром, когда проснусь, Момич пропадет сам. С теткой я тоже теперь часто встречаюсь и вижу. Мы с нею знаем и помним, что она убита, но говорить об этом нам нельзя, чтоб ей не пропасть от меня совсем. От таких встреч страшно бывает только утром, а во сне хорошо. Во сне не надо ни зажмуриваться, ни отворачиваться...

— Александр! Ты?

Момич — сам — стоял у плетня и глядел на наш двор. Из-за спины у него высывался и переливчато сверкал конец палки. Кобель взвизгивал и прыгал к нему на грудь.

— Слышь, што ль?!

Я поднялся с калачника и пошел к плетню.

— Лезь сюда! — сказал Момич. Я полез на плетень, и когда Момич подхватил меня, чтоб ссадить, разглядел за его спиной винтовку, а на ней штык. Момич держал меня на весу и не опускал на землю. Я заплакал не в голос, а тайком, и он шепотом, прежде-властно крикнул на меня «цыц» и понес к крыльцу хаты. Там я сполз с него и запоздало и тоже шепотом сказал:

— Ну, здорово, дядь Мось!

Он присел на крыльцо, прислонил к столбу винтовку и спросил:

— Ты чего это... ночуешь на дворе?

У него ничего не было — ни узла, ни сумки, ни карманов у дерюжных порток. Кобель лизал ему босые ступни — серые и задубелые, как лошадиные копыта, и Момич подставлял их ему по очереди:

— На жеребце теперь Зюзя ездит. В седле, — сказал я. Момич чему-то усмехнулся и проговорил, не то удивясь, не то поощряя меня:

— Ну?

— А клуню и амбар перевезли в колхоз.

— Ну?

— Больше ничего, — сказал я.

Он сидел расслабленно, отдыхаясь, и глаза его светились грозным умом и добром ко мне.

— Питаетесь-то чем? — неожиданно спросил он и ощупал мое плечо.

— Щавель вырос, — сказал я и испугался, вспомнив про голубят.

— А к властям ты... не торкался? Может, выдали б чего?

Я погладил крылечный столб, чтоб незаметно пощупать штык. Я уже знал, что не спрошу у Момича, откуда он пришел и где взял винтовку, — зачем? Я думал только об одном: куда он уйдет. На Брянщину? И с кем? Один? Он глядел на меня так, будто тоже гадал, куда и с кем идти ему, и вдруг сказал-посоветовал:

— Ты б лук крал. Не опухнуть чтоб... И крапива помогает. Ты нарви ее, былки откинь, а листья задугань в чугунок и свари.

Я мысленно проговорил, чтобы он сам задуганивал ее, но сказал другое, тоже, как мне казалось, обидное для него:

— Соли ж нету!

Мы долго сидели молча, потом Момич взял винтовку и влез на крыльцо. Я думал, что он оторвет доски, крест-накрест прибитые к притолокам дверей, но он только потрогал их и больше ничего. К сараю мы пошли гуськом — Момич впереди, я в середине, а кобель сзади. На затравевшем кругу варка Момич приостановился, не то здороваясь со всем тут, не то прощаясь, а я сказал, что голуби пока не выводились... Он наклонился ко мне, чтоб вблизи видеть глаза, и попросил-наказал — все вместе:

— Ты меня не встревал ни днем, ни ночью. Уразумел?

Я кивнул.

— И попридержи пса, а то увяжется...

— Ему и тут хорошо, — сказал я.

Мы глядели в глаза друг другу. Кобель скулил и ластился у наших ног. Месяц уже свалил к западу, и от закута на нас падала прохладная предутренняя тень. Я помолчал, когда Момич сказал, что мне надо подаваться в какой-нибудь город. Может, там уцелею.

— Только бумагу выправь. Чей ты и откуда. Как-никак, а отец твой на гражданский сгиб, — наставил он. Я снова, как тогда в говеенны, ощутил не осознанную до конца обиду к Момичу. Мне хотелось зачем-то сказать ему, что тетка Татьяна Егоровна тоже сгилла, но Момич уже пошел от меня прочь.

За луком на тот конец Камышинки надо было ходить на закате месяца, перед утром. Тогда все не стоит на месте, все шевелится и расплывается — и тени, и блики, а в руслах канав и меж скопляется

теплый воздух и запах полыни. Лук надо б было есть с солью, чтоб макать прямо, тогда, может, не палило б живот и не ломило скулы. Его уже накопилось в чулане целое беремья, но я все крал и крал — про запас...

Оказывается, нельзя долго обижаться на человека, если он скрылся неизвестно куда, — тогда не веришь, что он ушел далеко и надолго. Тогда о нем думаешь одно хорошее и ждешь его не только по ночам, но и днем...

Я больше не подпирал дверь — Царю трудно было дышать, не то что побираться, а в то утро я еще с крыльца услышал оцепенелую тишину в хате. Моя веревочная петля-запорка на сундуке была целой. Каменная немота непустой печки пригнула меня к полу, и я как по чужой меже прошмыгнул в чулан, чтоб выложить из-за пазухи лук, а на двор выбежал во весь рост. Тут реяла предрассветная мгла — уже потухали звезды. На проулке пахло овечками и молоком. Я вышел на выгон и в канаве, заросшей теплой глухой крапивой, дождался солнца. Оно взошло впереди меня из-за погоста, а Камышинка была сзади. Там, позади, на западе, в сизом пару мрела Брянщина. Момич явился тогда ночью оттуда, из-за речки, а ушел он совсем в другую сторону — на выгон. По выгону можно идти на восток — мимо сельсовета и церкви, но можно и на север — мимо ветряков и околка. От него до Кашары останется версты три или четыре, не больше. Я не стал ждать, когда пастухи пригонят коров, и пошел на север. Перед глазами у меня плыли голубые и красные шары.

Момичев загон, где мы метали парину, я узнал издали и пошел по нему к Кашаре. Рожь уже вымывалась в колос. Роса нагрелась, и мои ноги отмылись и стали желтые, как свечи. На опушку леса я ступил, как в притвор церкви, — у меня озябла спина, а рот высох. Тут никто не трогал щавель, он пробивался красными стеблями, но рвать его я не стал. Внизу, в дремучем спаде Кашары, скрипели коростели и по-бычиному взреывала выпь. Я скричал Зюзину частушку про девок с нашего конца и боком, чтобы помнить, в какой стороне поле, пошел в кусты. Их ветки сплелись и перепутались, и то, зачем я шел сюда, страшило и гнало меня на поляны. Там я подолгу сидел, кричал частушку, а потом слушал и ждал. В Кашаре гремела тишина. Кусты и деревья то запрокидывались, то неслись к небу, и я несся вместе со всем, и перед глазами у меня плыли и плыли разноцветные шары и кольца...

Момича я увидел с поляны. Он стоял под аркой густых ореховых кустов с винтовкой в руках. На обращенном ко мне штыке сиял большой лохматый шар. Я поздоровался тем же голосом, каким кричал частушку, — не сладил с собой. Момич молчал, не опускал винтовку и глядел куда-то через меня. Я оглянулся, но, кроме Кашары, ничего не увидел.

— Ты один? — угрозно спросил он.

— А с кем мне больше! — сказал я.

— Развел колготню до неба... Ну иди ближе, чего стоишь там!

Под кустами на завялом берегу папоротника лежали клетчатая попонка и зипун, а рядом, прислоненная горлом к рогулине ветки, стояла литровая бутылка с недопитым молоком.

— Ты... как попал-то сюда? — испытующе спросил Момич. Он был в суконных башмаках на толстую пеструю портянку, — от попонки, видно, оторвал, и портки на нем были другие, не те, что тогда ночью.

— Как, говорю, очутился тут? — повторил он и снова оглядел лес.

— Тебя искал, — сказал я.

— Зачем?

— Дядя Иван помер, — сообщил я. Момич повесил на орешину винтовку и сел. От его ног шел пар, — башмаки и портянки были мокрые. Он сидел и разглядывал их — то левую, то правую ногу, а я стоял и видел одну только бутылку. За моей спиной в низине Кашары мяукали иволги и ухала выпь. Через листовую шатер на логово Момича пробивались прямые и тонкие лучи.

— К босому по лапти пришел ты, Александр! — вечность сгодя, угрюмо сказал Момич, не поднимая на меня глаз. — На, допей вот...

Он нашарил рукой бутылку и протянул ее мне.

— Я не хочу, — сказал я.

— И давно?

Он спрашивал насмешливо, а глядел на меня виновато, и я отогнал глаза от бутылки и сказал:

— Неш я за тем?

— Не дури, — укорил Момич. Он встал, вложил мне в руки бутылку и крепко похлопал мое плечо. — Ты б, говорю, лук у людей дергал, не опухнуть чтоб. Слышь?

— Соли ж все равно нету, — напомнил я.

— Я дам немного, — сказал он, наклоняясь над зипуном, а я засунул горло бутылки в рот и стал пить молоко. Я пил и сквозь ресницы видел голубые и красные шары, а за ними, на краю той поляны, откуда я пришел сам, — Зюзя и Голуба. Они пропали

одни, без шаров, когда я зажмурился, и объявились опять, как только я открыл глаза. Зюзя был в кожанке, а Голуб в зеленой гимнастерке и в переплеченных ремнях. Они крались мимо нас в низину Кашары, где ухала выпь, и наганы зачем-то держали возле подбородков. Я не мог отнять ото рта бутылку и не мог крикнуть что-нибудь Момичу, — он стоял на коленях и возился с зипуном и попонкой. Может, мне надо было присесть и ничего не делать, — Зюзя с Голубом почти миновали наши кусты, но я подскочил к Момичу и пнул его в бок ногой. Он вскинул голову, увидел то, что я хотел, и на четвереньках рванулся к винтовке. Зюзя в это время глянул в нашу сторону и молча шарахнулся в кусты прочь от Голуба. Я услышал, как Момич негромко и приветливо сказал «а-а», будто встречал гостей, которых долго ждал, и тут же Кашара взорвалась обвальным грохотом и гулом. Я тогда падал, но успел увидеть и услышать, как высоко подскочил и по-бабски тонко вскрикнул Голуб, нырнув головой в куст...

Я сидел затылком к поляне и всем телом ощущал там уже знакомую мне оцепенело-непустую тишину — она всюду одинаковая, где лежит мертвый, — в лесу или в хате. Момич трудно и медленно подвигался ко мне на коленях, опираясь правой рукой на винтовку, а левой загребая воздух, как воду. Я не двигался и не моргал, ждал его и слушал тишину на поляне. Он издали обхватил мою шею левой рукой, приблизил свое лицо к моему и прохрипел, глядя мне в глаза:

— Што делать теперь, а? С тобой што мне делать! Ты ж молодец, грех мне будет... Ну?!

Видно, он хотел услышать, что я отвечу, потому что разжал пальцы на моей шее, и я крикнул:

— А ему не грех за тетку Егоровну? Пускай теперь знает!

— Да ты как же? Стало быть, ты понарошку навел их? — страшно спросил Момич и откачнулся от меня назад.

— Ничего я не наводил! — опять прокричал я и подвинулся к нему сам. — Я чуть нашел тебя... А они сами! Пускай теперь знают!..

Далеко от нас, в стороне поля, три раза подряд чуть различимо татахнули выстрелы, — Зюзя убежал и смелел. Мы сидели друг перед другом — я спиной, а Момич лицом к поляне, и я слышал, как на ней гудели шмели. Момич долго вглядывался туда, как глядя в сутемь колодезя, когда упустят ведро, и вдруг отложил в сторону винтовку, а мне сказал, будто мы были в его хате:

— Ты б докончил молоко-то.

Бутылку я зажимал коленями; на дне там оставалось еще глотка два. Момич проследил, пока я допил молоко, и заглянул через меня на поляну.

— Вот оно и вышло — белый к обеду, а черный под обух! — проговорил он непонятное мне и встал. — ЭТОТ-ТО... Зюзя видел нас?

— А то нет! — сказал я и тоже встал. Момич оглядел Кашару, небо, потом свои ноги. Наверно, он что-то забыл и хотел вспомнить, потому что дважды хлопнул себя ладонью по лбу и дважды охнул, как от боли.

— Ты про что, дядь Мось? Может, я знаю? — спросил я. Он тряхнул головой и поднял зипун и винтовку.

— Пошли! Жива!

Я подбежал к кустам и схватил попонку. До Брянщины было не десять и не двадцать верст, и надо, чтоб каждый из нас нес поровну, — он зипун и винтовку, а я попонку и бутылку...

Поляну, где лежал Голуб, мы обошли стороной. Момич все время оттеснял-загораживал меня — не хотел, видно, чтоб я оглядывался на нее. Мы забрали все вниз и вниз, к болоту. Зипун Момич нес на плече, а винтовку в руках. Я тоже уместил попонку на плечи, а бутылку обернул горлом вперед. Край болота зарос багульником, ольхой и айром, и Момич пошел тут впереди, а я сзади. Он шел, пригнувшись, раздвигая заросли штыком, и я тоже пригинался, как он, не ниже и не выше.

— Ну все! — неожиданно сказал Момич и остановился. — Тут мы должны расчлаться. Мне, вишь, влево надо, — показал он на болото. Там шелестел камыш, скрипели коростели и ухала выпь. Я выше колен подвернул портки и взглянул на Момича.

— Тебе со мной не сутерпеть будет, Александр! — глухо сказал он и стал ко мне боком. — Моей бедой ты сыт не будешь... Уходи один. Зараз прямо. В город какой-нибудь подавайся...

Я стоял, молчал и плакал, потом передал ему попонку, а бутылку оставил зачем-то себе.

— Ну... прощай, — клекотным шепотом сказал Момич. — Не помни лиха. Быль-небыль, а след наш тут все одно когда-нибудь заглохнет...

Я нескоро выбрался из Кашары и пошел на север. Рожь выметывалась в колос и была выше меня, потому что я шел, пригнувшись. Солнце било мне

в спину. Оно сияло с той стороны, где осталась Камышинка — черное горе мое, светлая радость моя!..

Наш батальон отступал из-под Белостока на Минск. Перед заходом солнца мы повстречали в лесу стадо коров и телят, беспризорно бредших с востока на запад, — возвращались, видно, из угона в тыл. Завидя нас, коровы остановились и замычали, — доиться хотели, а может, пить. Я оглянулся на Тягунца, и он понимающе сказал:

— Если б котелки были!

— Тогда отлучим телят, — сказал я.

— Одного или двух?

— Двух, — решил я.

Телята дались в руки покорно и доверчиво; двое безоружных повели их на своих ремнях. Я по себе заметил, как нелегко стало идти — до изнурения захотелось есть, и все мы с какой-то свирепой ревностью то и дело оглядывались назад — следили, целы ли телята. У меня не было ни карты, ни компаса, и никто из нас не знал, сколько километров мы прошли и где находятся немцы и наши. За весь день нам никто не повстречался из местных жителей, потому что деревни мы обходили издали, оставляя их по левую руку, — почему-то казалось, что в правой стороне для нас нет опасности. Ведя с собой телят, мы еще круче забирали вправо. Лес постепенно редел, сменяясь глухими полянами с нехозяйскими, высоко торчащими черными пнями, — наверно, тут когда-то прошел низовой пожар, и поди узнай, каким лихом-полымем занесло на одну из таких прогалин человечье жилье. Оно топилось — в небо тянулся витой столб опрятного сизого дыма из высокой берестяной трубы, востреленной в толстую земляную крышу над серым приземистым срубом об одном окне. Окно горело чистым жаром заката, а пустая дыра дверей была темной, как берлогий глаз. Почти у самых дверей и вровень с земляным гребнем сруба, заросшего какой-то розовоцветущей травой, вздымалась косая орясина колодезного журавля, а перед окном стояла ухитка из белых березовых слег — не то клеть, не то закута. За ней, возле штабеля черных обуглившихся бревен, забранных по концам в березовые стоянки, сидел на чурбаке большой лохматый старик с топором в руках. Он заметил нас сразу, но не переменил позы и не перестал размеренно и крепко тукать топором — ладил, видно, так, чтоб до очередного удара это успело долететь к нему от леса. Мы пошли во двор не гуськом, а на всякий случай рассыпью, как при атаке. В дверях сруба показалась высокая босая старуха в белом чистом платке с острым кулем над лбом, как покрывалась когда-то тетка Егориха. Я издали, из-за колодезя, поздоровался с нею и спросил, сколько до Минска. Она помедлила, запахнула полы большого мужского пиджака и степенно сказала, что надо почитать пятьдесят верст с лишком. Мы шли правильно — Минск остался у нас в северной стороне. Впереди же, верстах будто бы в двенадцати, была большая деревня Веркалы, а в семи или восьми справа — Мрочки. Старуха умолкла и не вышла из проема дверей. Я спросил, нельзя ли нам купить где-нибудь немного хлеба и достал из кармана гимнастерки две слипшиеся радужные тридцатки.

— Может, в Мрочках разживетесь, — раздумно сказала старуха. — У нас так утресь вышел. Пятеро тут ваших заходили. Ну и вышел...

— Они с оружием были? — спросил Тягунец.

— Да вот как и вы...

Мое грязное обмундирование, безоружные бойцы, придерживающие забеспокоившихся телят, и осуждающая безучастность хозяина скита, продолжавшего сидеть поодаль и работать, вогнали меня в колючий стыд и обиду за наше тут появление. Я кивнул Тягунцу — пошли, мол, но в это время старуха отделилась от дверей и, клонясь вперед, будто готовилась словить на пощуп курицу, направилась к плененным нами телятам. Она с ходу погладила одного, а возле второго присела на корточки и униженно-радостно спросила Абалкина, глядя на его нарукавные звезды:

— Начальник, чи ни оставишь ты мне телушечку, а? Вам ить бычка вдосталь, а у ей, глянь-ка, и титиньки проклюнулись, и рожки!

Абалкин что-то буркнул и потрогал сумку, а старуха обеими руками обняла теленка, и он замычал, и ткнулся ей в колени.

— Ивановна! Ты чего там буровишь? Слышь, что ль? — укоряюще-охранно знакомо властным голосом позвал старик со своего места, и прежде чем обернуться к нему лицом, я успел спрятать деньги, распорядиться, чтоб отдали теленка, смертно чему-то испугаться-обрадоваться и вытянуть руки по швам. Я так и шагнул к штабелю — руки по швам. Старик вонзил в колоду топор, встал на ноги, приложил ковш ладони к глазам. Я остановился от него шагах в трех и тоже поднес руку к глазам. Это был Момич. Живой. Прежний. Только борода у него была не черная, а гнедая. И космы волос на голове

казались цвета земли в засуху. Это был Момич! Живой! Мы разом опустили руки, и я проговорил в один выдох:

— Максим Евграфович, это я, Александр! Здравствуй, Максим Евграфович!

Момич шатнулся ко мне, вскинул над коленями руки, но тут же взглянул в сторону бойцов и ответил ровно, спокойно:

— Ты обмишурился, служивый. Не за того посчитал. Меня по пачпорту Петром Васильевичем звать. Бобровым... Лесник я здешний.

Мне надо было сесть, но Момич стоял, непреклонно глядя на меня настойно-темными глазами. Я вынес его взгляд, как чужой, и сказал, что мне пора идти.

— И далеко? — прежним, камышинским тоном спросил Момич. — Неуж на самую Москву? Или дальше?

Я промолчал и стал разглядывать крошечную белую клеть. Она была раз в десять меньше памятного мне амбара. Что могло в ней спрятаться? Сам Момич?

— Ладно, чего уж тут! — веским полушепотом сказал вдруг Момич. — Хоть она и не круговая была порука, а отвечать теперь придется всем. Садись, побалакать надо...

Мы опустили на колоду. Нас разделял врубленный в нее топор, и мы не стали его рушить. Я не хотел, чтобы Момич поминал прошлое, — этого сейчас не нужно было! — и спросил первым:

— Ну как ты живешь, дядь Мось?

Он щелчком сбил с моей гимнастерки присохшую грязь и ответил, как ударил:

— Да вот так, брат. Тишком, где низко, ползком, где склизко. И по бумагам я Бобров... А ты?

— Я — сам, — сказал я.

— Стало быть, никакого шороху под тобой не было?

— Нет, — сказал я.

— Как же ты... пробился? Сперва-то?

— То лето в Карачеве на базаре прожил, а потом в Брянск попал... в детдом, — сказал я.

— Та-ак. Ну, а зараз, значит, поперек своих ног бежишь? Как говорится, ни козырей, ни мастей не оказалось? А куда ж они делись у вас? Хвалились же, будто полны руки! Минск-то, слышать, ажно вчерась отдали! Без стуку и грюку!

Момич в насмешливый прищур смотрел в сторону колодезя, — на безоружных бойцов, конечно, — и я поправил на себе кобуру пистолета и спросил:

— Все носишь обиду?

— Надо б, да не на кого, — повернулся он ко мне. — Кабы оно не на наших дрожжах, то тесто взмогло! Ить не германец же с туркой греб нас?

Я заплакал внезапно и несуразно. Момич подождал — дивился, видно, потом сказал, как когда-то в коммуны:

— Ну во-от! Ты чего это?

— А ты не знаешь, да? Не знаешь? — спросил я его обо всем сразу — о тетке Егорихе, о нем самом, о Кашаре, о моем вчерашнем болоте, о Минске, но Момич понял все по-своему, короче.

— Ну-к и что? — спросил он в свой черед. — Под ножку на момент и лошадь велят... А на Расеи яства много, коли гостям брюха не жаль! Чего ж кваситься-то? Одним, вишь, днем лето не бывает опоздано!

— А я и не квашусь, — сказал я.

Он опять счистил с моей гимнастерки присохшую кляксу ила и хмуро признался, что поприветить нас нечем, хлеб в обрез вышел.

— Нам бы посуду какую под телятину, — неловко попросил я. — И соли нету...

Момич длинно и невидяще посмотрел куда-то сквозь меня и устало сказал:

— Вот как она перекрутилась, жизнь наша с тобой! Насмерть переплелась!..

Он дал нам старое мятое ведро и пригоршню крупной желтой соли — бузы. Уже смеркалось. Момич нас не задерживал, а я его не манил с собой. О своей Ивановне он не сказал мне ни слова — и зря: разве мы не вместе схоронили тетку Егориху одиннадцать лет тому назад!..

На третий день пути мы соединились с остатками какой-то артиллерийской части при трех гаубицах и ночью вышли в расположение своих войск. До самого конца нашего отступления я попеременно командовал взводом, то ротой, то самим собой, потому что бывало всякое — и болота с госпиталями тоже. Войну я закончил майором. Батальон мой стоял в Кенигсберге, когда мне дали отпуск. Два дня я блуждал по лесам юго-восточнее Минска, пока не нашел знакомую поляну. Скита не было. Сгорел... В Мрочках мне сказали, что «бобра» — так звали там Момича — немцы казнили за связь с партизанами аж в сорок третьем. Я вернулся на поляну, но пробыл там недолго — ну сколько нужно солдату, чтобы проститься с заброшенной могилой? Пять минут? Десять?..

Публикация В. ВОРОБЬЕВОЙ.

ДИАЛОГ СО ЗРИТЕЛЕМ

Умер провинциальный трагик. Умер, в последний раз сыграв свою коронную роль — шекспировского Лира. Никто из его партнеров не верил, что он, полубезумный, растерянный, сумеет вновь потрясти зрителя. И только его костюмер Норман был единственным, кто знал, что патрон, надев корону, парик и мантию, вспомнит все, что должен сказать и сделать король. Прославленному артисту словно бы передалась сила и воля Нормана, скромного служителя кулис, который повторял на ухо актеру забытые им слова, реплики, монологи. Костюмер Норман на наших глазах с помощью артиста Гердта вырастал в шекспировского героя. (Спектакль «Костюмер» по пьесе Р. Харвуда в Московском театре имени Ермоловой. Режиссер Е. Арье, сэр Джон — Вс. Якут).

— Истовость в служении искусству — вот что я хотел сыграть в этой роли, — сказал мне Зиновий Ефимович Гердт после премьеры. — Понимаете, влюбленность в талант — это ведь тоже дар божий, если не сам талант. Смерть кумира — настоящая трагедия для костюмера Нормана. Вот я и хотел, чтобы публика сострадала моему герою. Как у Пастернака — «мирами правит жалость, любовью внушена...»

...Впервые вижу Гердта не на экране кино или телевизора, не на творческом вечере, не за ширмой кукольного театра. И голос его звучит не «за кадром», а обращен к нам, зрителям, со сцены. Свет ramпы освещает его умное, ироничное лицо.

Нет, не впервые...

В моей памяти всплывают последние дни предвоенного года. Вновь ощущаю себя восторженной первокурсницей ГИТИСа. В тесном зале арбузовской студии смотрю — в который раз! — «Город на заре». Он был «своим» по духу, тот спектакль. В нем играли наши сверстники, в том числе и Гердт. И были так естественны, так искренни — не играли, а жили на сцене. Всей душой мы сочувствовали и верили героям, которые хотят построить город, чтобы люди жили в нем по-новому — честно и достойно. Актеры сами придумали роли, сами сочиняли песни, строили декорации и шили костюмы. Были они влюблены в свое дело, в свою студию, и эта атмосфера влюбленности была столь заразительна, что передавалась всем сидящим в театре. И мне, зрителю, — от него, Гердта, актера.

Он сам написал себе роль недоучившегося скрипача Вени Альтмана, который понял, что музыканта из него не выйдет, и, решив стать рабочим, приехал на стройку. Этой работой Гердт заявил себя и как автор, и как актер — ищущий, нестандартный. Образ его скрипача принимался далеко не всеми. Тогда в чести были герои, ни в чем не сомневающиеся, прямолинейные в выражении чувств и мыслей, решительные в поступках.

Неловкий, чуть смешной был его Вени, невезучий в любви и часто попадающий впросак. Мне очень нравился этот неудачник. Верилось, что именно человек, выстрадавший свое решение, выстоит в любой беде, будет мучиться, но не сдастся обстоятельствам... Может, это спустя годы и годы мне так видится герой Гердта, когда я знаю творческий путь артиста — трудный,

но увенчанный успехами и славой... Нас, первокурсников ГИТИСа, привел к арбузовцам однажды Кирилл Дорменко, один из участников и создателей постановки «Города на заре».

— Кирилла Дорменко я помню отлично, — говорит Зиновий Ефимович. — Добрый товарищ. Он был хорошим художником, очень изобретательным. А руки у него были просто золотые — всю нашу бутафорию творил... Веселый, заводной, любил шутку.

Шутить, кстати, умели все арбузовцы, и Гердт в том числе. Он мгновенно преобразился, стал похож на Кирилла... и рассмеялся, вспоминая:

— Кирилл что ни день являлся на занятия в немыслимо шикарных штиблетах. То в ярко-желтых, то в светлых. На пальцах — перстни — серебряные, золотые, с греческими геммами. Мы, конечно, позавидовали. Но почему-то он не показывал своих обнов вблизи, а уж тем более не давал их примерять. Только потом ребята раскусили, что все это блеф! Немного пластилина — и парусиновые тапочки Кирилл превращал в туфли на каучуке, хлебный мякиш, краска — и готовы перстни.

Мне и дочкам Михозлса он мастерил колечки, броши, всякие безделушки и был главным консультантом в их несколько небрежном хозяйстве. Целая куча студентов театральных заведений постоянно «паслась» в доме Михозлсов. У многих — у кого отец, у кого мать — оказались в те годы в лагерях, в ссылке. Мы были если не совсем беспризорны, то фактически предоставлены самим себе. Дом Михозлсов был «странноприимным» — двери его были открыты в любое время суток. На столе обязательная кастрюля с дымящейся картошкой и кофейник с горячим кофе. Здесь любили молодежь и знали все про всех, понимали, помогали чем могли. Соломон Михайлович Михозлс был человеком ярким, артистом замечательным. Его игрой в «Короле Лире» тогда просто бредила театральная молодежь. Мы почитали и любили его. Только много лет спустя я поняла, что он считал себя ответственным за судьбу каждого из нас и отнюдь не случайно привечал друзей своих дочерей, оставшихся полусиротами. Попросту он жалел нас и неназойливо, как бы «нечаянно» воспитывал.

Каждый вечер — в тот последний мирный год — новые впечатления. Премьеры во МХАТе, в театре Революции, у Таирова. И обязательно походы — к арбузовцам. Казалось, радостным дням не будет конца. Впереди — беспредельная жизнь, полная поисков, счастья.

А впереди была война.

9 июля 1941 года ушел на фронт Зиновий Ефимович Гердт. Воевал в саперной роте. В 1943 году был ранен. После ранения нога не сгибалась.

Дни и ночи он мучился, решая, как жить дальше. Без театра он не мог. Но что за актер, если ему трудно передвигаться по сцене? Надо стать мастером, и таким талантливым, чтобы публика ничего не заметила.

Пожалел ли он когда-нибудь, что не расстался со сценой?

— Пожалуй, нет. Определенно — нет... Хотя это только кажется, что Дело наше — так хочется мне назвать свою профессию — это вечный праздник премьер, свет ramпы, аплодисменты и цветы. Как бабочки летят на

свет — так стремятся в театр девушки, юноши. Поздно вставать, поздно ложиться спать, по стране разъезжать, а то и за рубеж. И сама жизнь богемная... Женщинам еще куда ни шло — хорошенькое личико, легкость движения всегда привлекают взоры, даже если нет больших способностей. Но вот молодые люди... Крепкие, фактурные, только этими качествами и отличающиеся, не годятся они для сцены. Даже если есть талант и желание работать — все равно путь актера труден, тернист. Работать надо упорно и долго. Иногда актер начинает понимать, как ему играть ту или иную роль, когда он уже слишком стар, чтобы ее играть. Наше дело требует терпения и несет с собой много разочарований. Успехи редки и преходящи.

Слушая его, я вспоминала, как сам Гердт начал работать в театре кукол. За ширмой. Кукла как бы стала его вторым «я» — он отдал ей свой талант, темперамент и ум.

Чтобы только услышать, как острит его Конферансье в «Необыкновенном концерте», а в других спектаклях — обаятельные черты, в образцовый театр ходили толпами, а мечтали попасть все.

За границей — в Японии, Франции, Германии, Италии — словом, во всех странах, где побывал театр кукол, артиста встречали с восторгом. Его Конферансье спокойно обращался к зрителям на их родном языке. Его остроты и шутки всегда были разными и основаны на глубоком знании особенностей и обычаев тех стран, где он побывал, а побывав он в двадцати шести странах. Гердту вообще свойствен своеобразный диалог со зрителем.

Когда голос Зиновия Ефимовича возникал «за кадром» в кино, даже самый посредственный фильм становился интереснее. Особенно если автором текста был сам Гердт. Текст отражал его мысли и чувства, о них он говорил проникновенно, с юмором, доверительно.

В первой же роли на экране развернулось во всем блеске комедийное дарование этого своеобразного артиста, который заставляет зрителя смеяться и думать.

На мой взгляд, вершиной творчества Гердта стал Мефистофель в великолепном телевизионном спектакле Михаила Козакова «Фауст».

Лучше всего об этой работе сказал сам артист:

— Со всякого рода нечистой силой мне уже приходилось встречаться. В Театре кукол я играл чертей разных мастей и рангов. Но Мефистофель Гете — это не обычный дьявол. В нем сосредоточились знания тысячелетий. Абсолютное знание давит его, ему становится скучно. Это и привлекло меня к образу: выявить тоску дьявола, увидеть в нем страдания мудрости, скуку оттого, что люди оказываются предсказуемыми и тривиальными.

Возраст не имеет к Гердту ровно никакого отношения: наверное, у человека, наделенного от природы талантом и интеллектом, наступает время, когда творческое воображение и умение приносят плоды. Мысль работает четко, а накопленный опыт дает возможность сделать то, что было намечено и ради чего он жил.

Он говорит о наблевшем — о театре, о молодежи, о новых временах...

— Поэт, писатель, живописец, ком-

позитор — когда творят, остаются один на один с бумагой, холстом. Писатель, поэт может до времени спрятать в стол свое произведение. Живописец картину — в чулан... А актер? Его творчество «сиюминутно», а жизнь коротка. Хорошо, что сейчас спектакль, концертное выступление снимают на пленку, и все же это не совсем то. Нет прямого общения со зрителем.

Сорок семь лет не выходил Гердт на сцену, если не считать маленькой роли в «Монументе» в «Современнике». Собственно, со времен арбузовской студии. Он словно бы ждал «Костюмера». Когда Гердту показали пьесу Харвуда, он сразу же согласился выступить.

— Я уже начал побаиваться, что ко мне прирастет «комическая маска», и хотел сыграть трагическую роль. Мечтал выйти на подмостки и в «едином потоке» зажить жизнью своего героя, — как бы отвечая на мой вопрос, говорит Зиновий Ефимович. — Кино, телевидение — это все другое, совсем разные импульсы рождают они в душе актера. Хотелось сыграть не «кусками», а целиком. И при этом видеть, слышать, чувствовать реакцию зрительного зала. Хотя с публикой я не расставался никогда и смею сказать — мы знаем и понимаем друг друга.

Не внешними атрибутами, а внутренним содержанием исполнение этой роли Гердтом сродни чаплинскому. Я не первая заметила родство этих двух художников. Но в этом спектакле оно просматривается особенно ярко.

О своих творческих планах Гердт говорит скупко. Он человек суверенный и потому не хочет загадывать. Сейчас телевидение снимает тот самый ермоловский спектакль «Костюмер». Как бы заново рождается образ Нормана. Зато о театре он готов говорить без усталости.

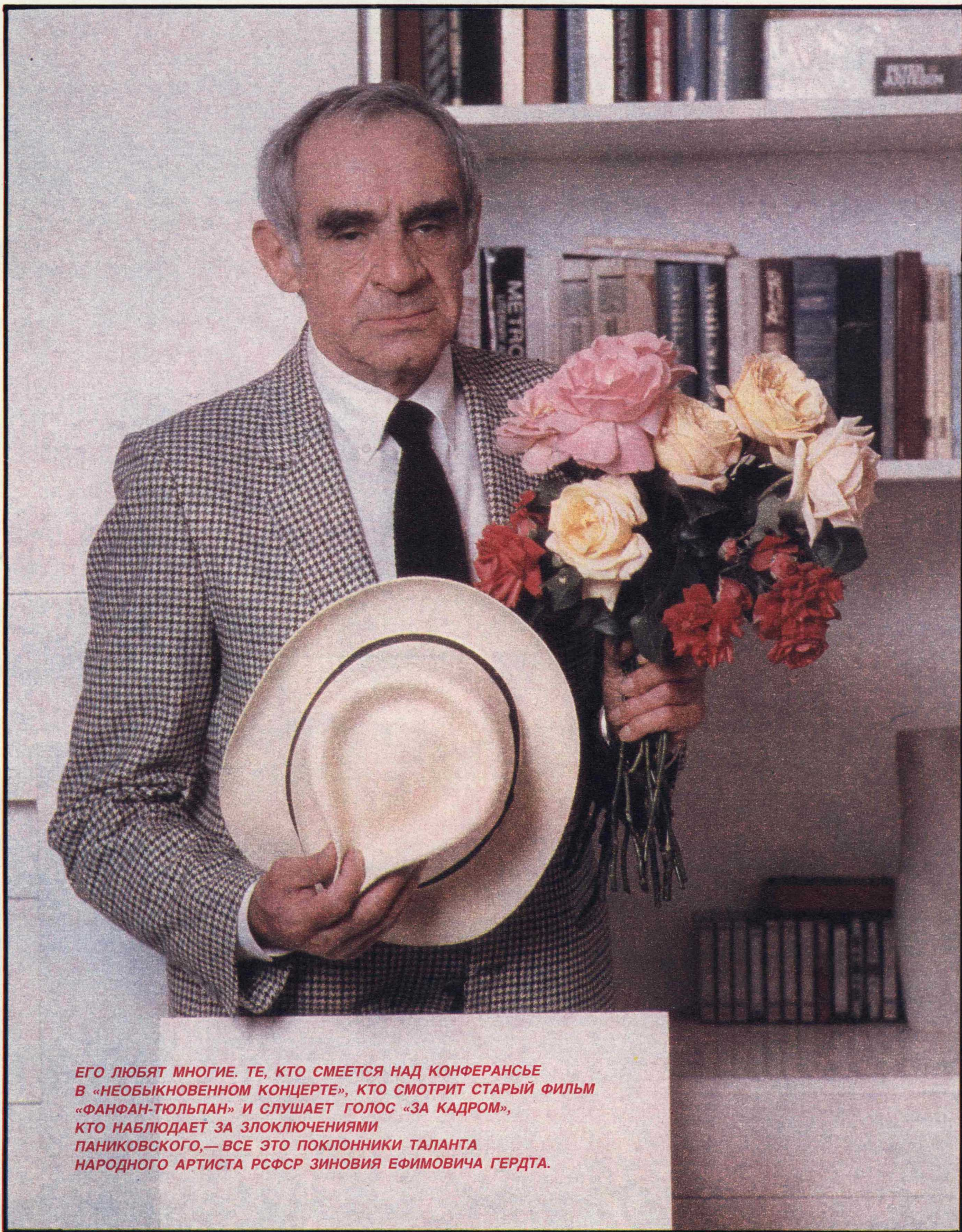
— Верю в то, что непременно будет новый театр, — размышляет Гердт буд-то сам с собой. — Может, им станет одна из многочисленных студий. Если будет не только взрастать с теми, чьи мысли и чувства выражает нынче, а перерастет интеллектуально, нравственно свое поколение. Поведет со зрителями откровенный диалог о самом насущном, диалог, которого мы долго ждали.

Уже поздно, я, верно, утомила хозяина своими воспоминаниями и вопросами. Стала прощаться. На столе у Зиновия Ефимовича газеты, журналы. Удивительный человек, он успевает прочитать все журналы и статьи, о которых говорят и спорят. И обо всем имеет свое мнение. Девятый номер журнала «Знамя», открытый на статье Карякина «Стоит ли наступать на грабли?». Рядом письмо Гердта в редакцию. Получила разрешение прочитать письмо. Там есть и такие слова:

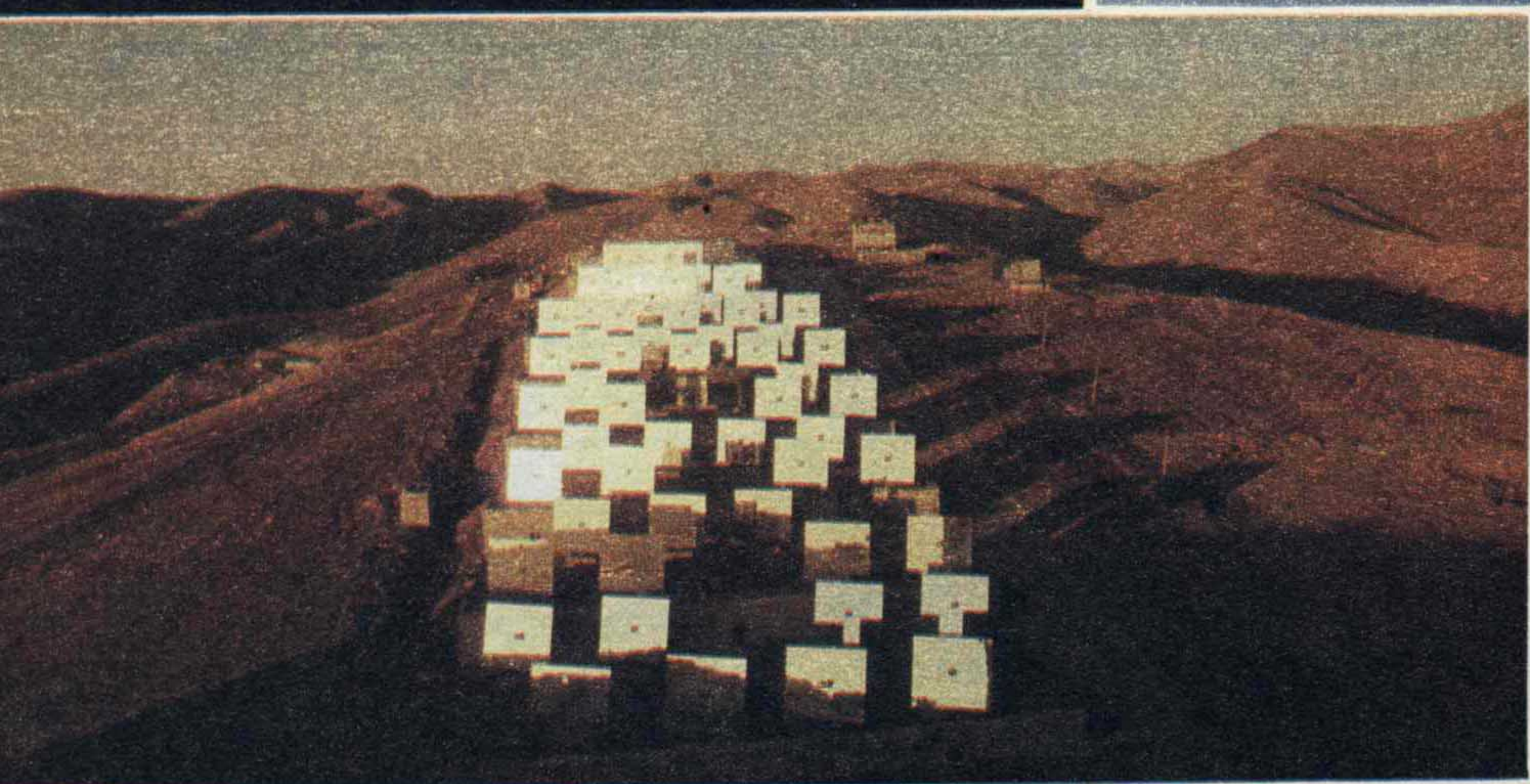
«Теперь — о приведенных местах из А. А. Жданова... Хорошо помню, как читал я эти документы во дни их появления на свет. Чувство было, что называется, смешанное: страх, жгучая жалость, еще раз страх, омерзение и, простите, опять он — страх».

— Что могу сказать напоследок?.. Я счастлив, что дожид до наших дней. Мечтаю о том, чтобы страх переселился в тех, кто несправедливо внушил мне это постыдное чувство. Надеюсь, наша жизнь к тому и идет...

И это тоже истинный голос Гердта, голос художника и гражданина. Человека моего фронтового поколения.

ЕГО ЛЮБЯТ МНОГИЕ. ТЕ, КТО СМЕЕТСЯ НАД КОНФЕРАНСЬЕ
В «НЕОБЫКНОВЕННОМ КОНЦЕРТЕ», КТО СМОТРИТ СТАРЫЙ ФИЛЬМ
«ФАНФАН-ТЮЛЬПАН» И СЛУШАЕТ ГОЛОС «ЗА КАДРОМ»,
КТО НАБЛЮДАЕТ ЗА ЗЛОКЛЮЧЕНИЯМИ
ПАНИКОВСКОГО,— ВСЕ ЭТО ПОКЛОННИКИ ТАЛАНТА
НАРОДНОГО АРТИСТА РСФСР ЗИНОВИЯ ЕФИМОВИЧА ГЕРДТА.

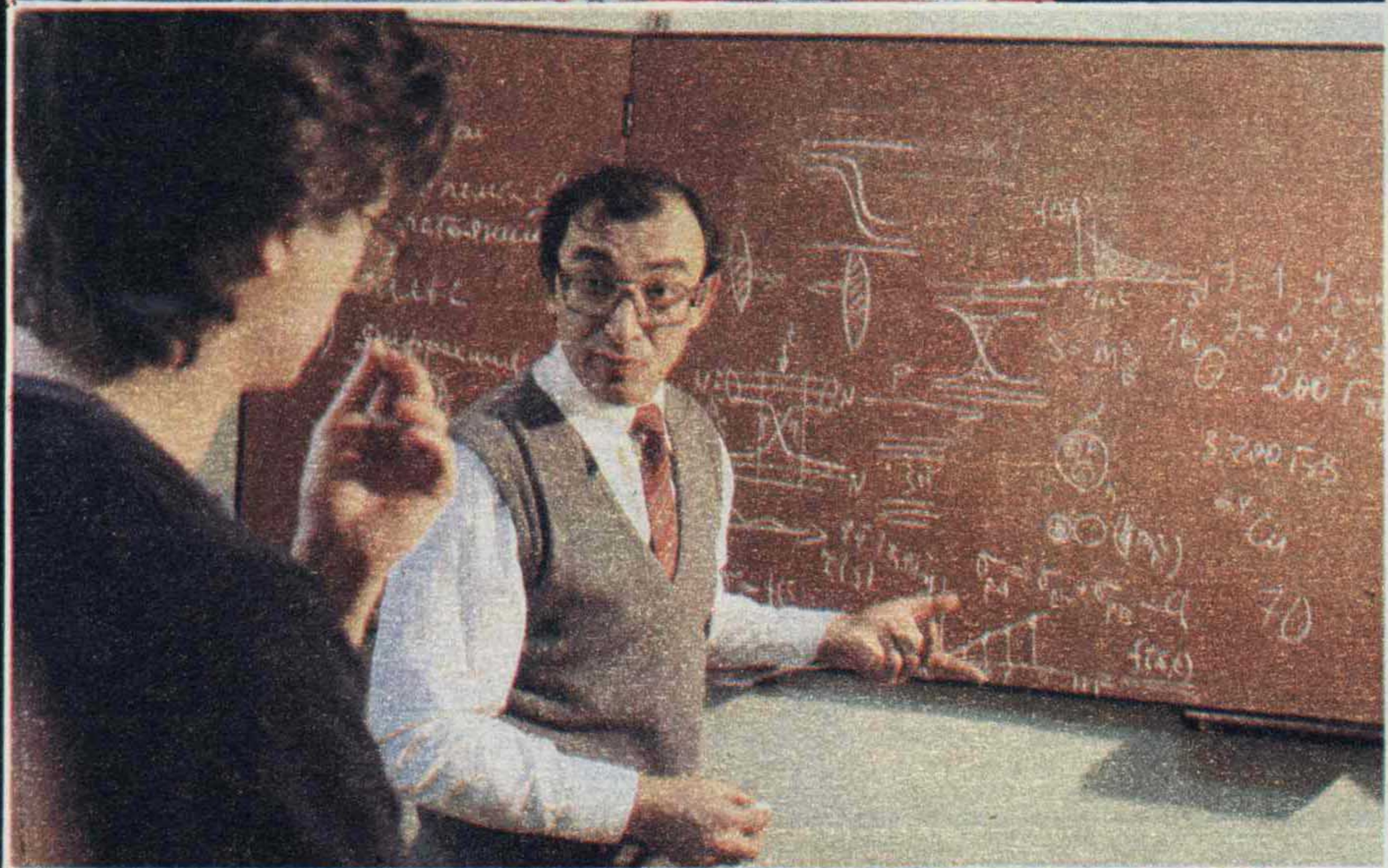

Сергей МАРКОВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

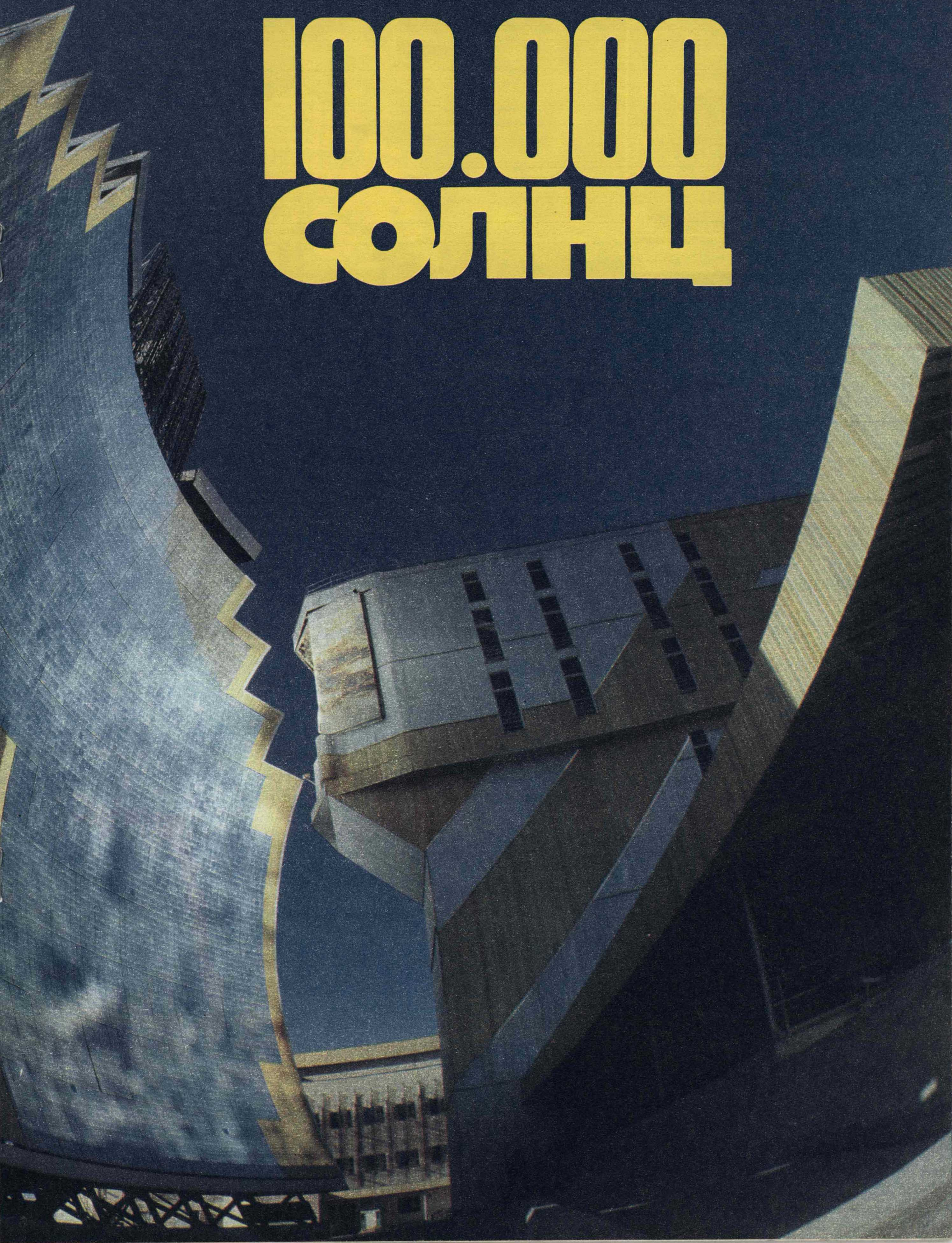
В Ташкенте влажный холодный туман. Мы молчим, глядя из окна машины на размытые кисеей измороси новые кварталы, а нам так необходимо солнце! Ведь мы едем на солнечную станцию.

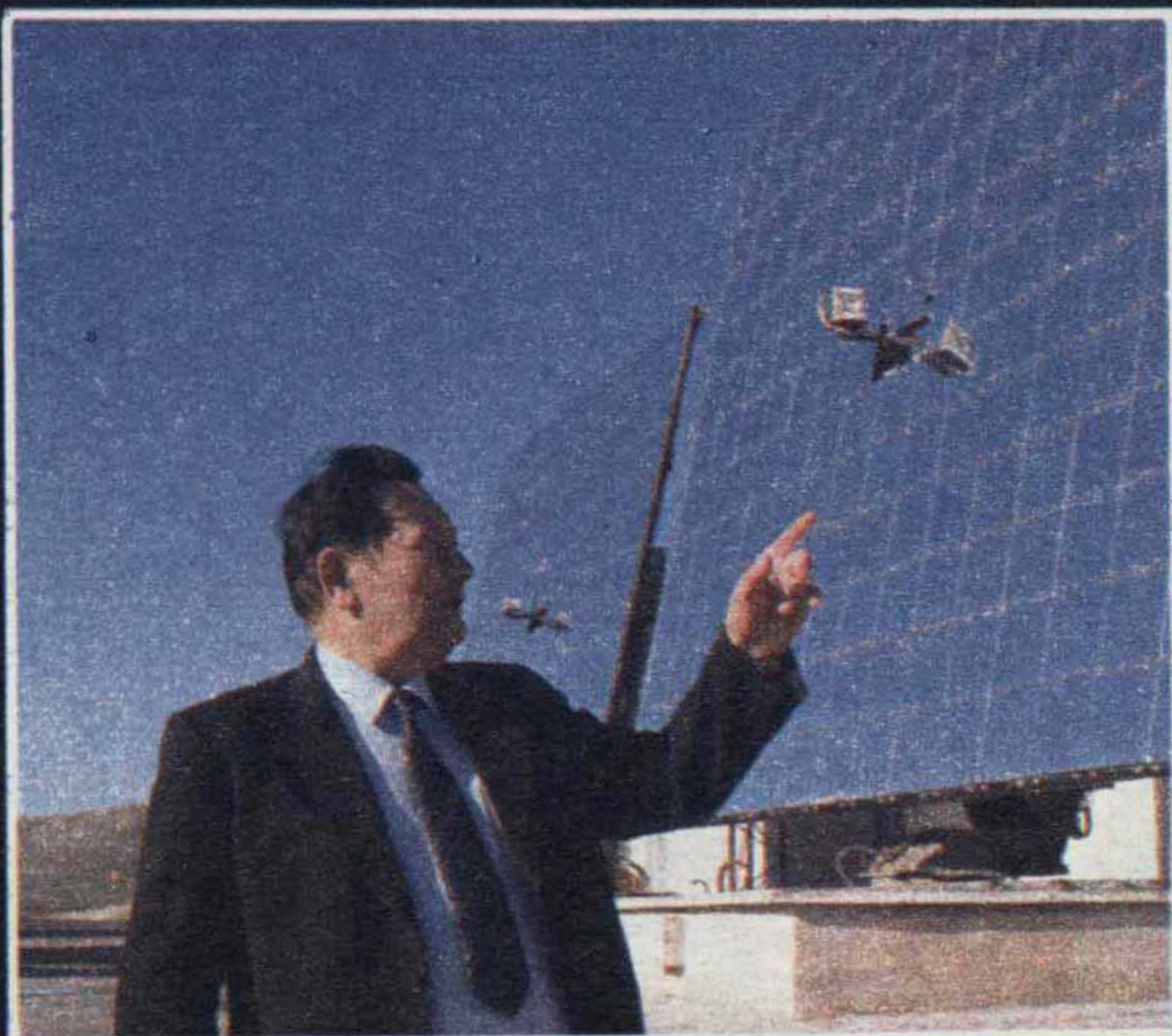
— Вы не унывайте, — обернувшись к нам, говорит академик АН Узбекистана Садык Азимович Азимов, генеральный директор научно-производственного объединения «Физика-солнце». — Там, в Паркенте, может быть, солнце светит. Хоть и час всего езды от Ташкента.

Дорога петляет. Хватаясь на крутых поворотах за ручки над дверьми машины, говорим с академиком об энергетике.

100.000 СОЛНЦ

Не будет нефти, газа, угля. Возможно, раньше, чем мы думаем. А если что-то где-то и останется на начало следующего тысячелетия, то будет чуть ли не на вес золота.

Бурное развитие атомной энергетики может привести к повышению радиационного загрязнения окружающей среды. Термоядерной — если удастся обуздать термоядерную реакцию — к тепловому загрязнению, а это чревато непредсказуемыми изменениями климата, таянием полярных льдов и подъемом уровня Мирового океана...

Так что рассчитывать человек может и должен на чистую энергетику, не загрязняющую. То есть использование энергии ветра, рек, морских приливов и волн, внутреннего тепла Земли. Но главная роль — за Солнцем, от которо-

го Земля получает энергии в тридцать тысяч раз больше, чем сейчас вырабатывается человеком, а годовой приток солнечной радиации во много раз превышает ресурсы всех ископаемых видов топлива.

С помощью Солнца уже опресняют, нагревают, добывают из-под земли воду, выращивают овощи, создают комфорт в домах... Но это начало. Термина «гелиофикация» еще не отыщешь в энциклопедиях. Хотя тысячелетия прошли с тех пор, как человек понял и испытал на себе могущество светила. Солнечным «зайчиком» Архимед поджег римские галеры.

— Наша станция, — говорит Садык Азимович, — действует по тому же принципу, что и орудие Архимеда. Думаю, мощность установки несколько больше, чем у него, — тысяча киловатт. Температура в фокальной плоскости превышает три тысячи градусов. Мы получаем с помощью Солнца высокоогнеупорные, сверхчистые материалы — на три-четыре порядка чище, чем полученные обычным, плазменным способом. А началось все с легкой руки Сергея Павловича Королева. Он ехал на Байконур, заглянул к нам. Познакомился с нашим институтом. Мы ему рассказали, над чем работаем. Он подарил нам трехметровое в диаметре зеркало. Мы его установили и в начале семидесятых годов получили первые материалы, очень чистые — титанат алюминия, окись алюминия, окись магния... И мы поняли, удивились, что в принципе можно будет получать с помощью Солнца и сотни тонн материалов, которые раньше ученые получали лишь в лабораторных условиях, в мизерных количествах.

Садык Азимович оказался прав — лишь только мы проскочили поселок Паркент, как перед глазами возникли золотисто-голубые заснеженные горы. Здесь больше трехсот солнечных дней в году, и мы приехали в один из них. Паркент недаром выбрали для строительства гигантской солнечной печи. В древности этот оазис носил имя Фарна — одного из самых почитаемых от Семиречья до Закавказья божеств, олицетворявших благодать высших сил природы. Стада здесь были особенно тучны и многочисленны, вода чиста и свежа, травы благоуханны, воздух целебен, сады обильны. Виноград из Паркента славился даже в Лондоне. И все это благодаря Солнцу.

Объект «Солнце» похож на декорацию из фантастического фильма об иных мирах. Еще будучи макетом, комплекс был удостоен золотой медали Союза архитекторов СССР. В строительстве принимали участие ученые, инженеры, строители Москвы, Ленинграда, Киева, Свердловска, Таллина, Еревана... На сорок пять миллионов рублей было выполнено работ — поднято по крутым склонам на плато сотни тысяч тонн конструкций, материалов, механизмов, взрывами и техникой перемещено больше миллиона кубометров грунта.

Гигантский, 54-метровой высоты парус-концентратор, а напротив него на поле — 62 гелиостата, зеркальных отражателя. Автоматически управляемые гелиостаты постоянно следят за солнцем, поворачиваются, подобно подсолнухам, и направляют солнечные лучи на вогнутое зеркало концентратора.

Если пройти по гелиостатному полю до конца и обернуться, то покажется, что в небе сияет сто тысяч солнц. Плавильная печь в технологической башне работает летом и зимой, с рассвета до заката. Степень чистоты получаемых материалов выражается шестой цифрой после запятой.

— Мы впервые применили теллурическое покрытие зеркал, — говорит С. А. Азимов. — Оно гораздо выгоднее покрытия из алюминия и других металлов. Теллур почти в десять раз дешевле серебра и значительно устойчивее к атмосферным воздействиям. Но чистить зеркала на высоте проблема. У нас в стране нет подходящих машин. Обещают прислать купленную за рубежом, но пока приходится действовать прадедовским способом: привязываться ремнями и... Сами понимаете.

У гелиофикации перспектива неубога. Уже закончены испытания автономной гелиоэнергетической установки. Ее двигатель разработан также в Ташкентском физико-техническом институте в рамках совместной программы советско-индийского сотрудничества в области практического использования солнечной энергии для нужд экономики. Рождается и еще один уникальный проект — строительства в Узбекистане, в Каршинской степи, первой в мире солнечно-топливной электростанции.

В Красном надо пожить. Остановиться, прислушаться, приглядеться. Белокаменные, бывшие купеческие да торговые дома, то тут, то там выступающие из деревянных улочек. Морозные узоры на окнах, голубые дымки над крышами. А вокруг спящие зимние леса, белым снегом укрытая Волга, вознесенный в небо древний храм Богоявления, построенный еще при Борисе Годунове.

Для сердца — радость, для глаз — утех

И дешь неширокими улочками, и празднично, светло на душе. То ли от белизны нетронутого снега, то ли от рябины красной, теплыми гроздьями повисшей на посеребренных морозцем ветвях, то ли от названия самого: любопытно поскорее узнать, откуда оно Красное и чем красно?

Стоит зайти в музей ювелирного завода, и готова отгадка: словно в сказку попал. Вот Емеля выхватил из Волги порядочную щуку, и дикует чудак, сейчас начнет ей приказы отдавать; будто живая плывет лебедь белая...

Чарки золоченые, кубки серебряные, чаши расписные, блюда узорные, кружевные. Не счесть украшений — колец, браслетов, серег... Ведь не из сказки же в самом деле все это?

— За каждой вещью, — говорит заведующая музеем Вера Васильевна Скворцова, — стоит мастер нашего знаменитого Красного села, издревле известного своими умельцами. Видите этого мальчишку, в большой, по самые брови, шапке, в валенках, сам с ноготок, а старается, тянет за собой серебристые саночки. Это работа Виталия Петровича Ощепкова. А вот это роскошное ажурное блюдо «600 лет Куликовской битвы» — фантазия Ивана Дмитриевича Орлова. Творец «Хоровода» — Рафаил Александрович Медведев.

Слушаю рассказ о ювелирах-художниках и вспоминаю, что и где раньше читала об удивительном мастерстве красноселов, откуда пошло оно. Считают, возраст здегнего серебряного ремесла — три столетия. А пошло откуда, споры до сих пор ведутся. Много легенд и преданий позади промысла.

Изначальные документальные сведения о костромских серебряниках восходят к XVI столетию. В переписных книгах 1565—1568 годов есть запись о костромине Рудяке Борисове. Имена красносельских мастеров, работавших в московской Серебряной палате, упоминаются в XVII веке. А в начале XVIII серебряники Красного берут в Оружейной палате «позволенные письма» на торговлю ювелирными поделками. Выходявшие из-под их рук рельефная чеканка и резьба несли на себе печать самобытности мастеров, и потому красноселам доверяли очень важные заказы для костромских церквей и Ипатьевского монастыря. К сожалению, до нас дошли лишь немногие образцы той поры.

Сегодня о красносельских домах не скажешь, что многие из них еще несколько десятилетий тому назад были маленькими фабричками, на которых работали семьи. В одном доме ковали серебро, в другом жили резчики по стали, в третьем — крепачи, вставлявшие в изделия драгоценные камни, в четвертом — полировщики, или, как их еще называли, поронильщики... Каждая семья вырабатывала свое: кто броши, кто браслеты, кто обручальные кольца, а кто те же кольца, но с камешками. Где бы ни устраивались ярмарки, на любой с удовольствием покупались украшения чародеев из Красного-на-Волге.

Многое сейчас видится в поселке другими глазами. Давно исчезли кустарные фабрички на дому. Теперь на одном квадратном километре по улице Советской разместилось производственное объединение «Ювелирпром» и музей ювелирного народно-прикладного искусства. На заводе колдуют над золотом, медью и сталью умельцы. В музее выставлены лучшие образцы: радость для сердца и для глаз утех.

Ближе к Волге — единственное в Союзе училище художественной обработки металлов. К делу отцов и матерей приучают в Красном с первого класса. Правда, на заводе — головном предприятии объединения мне сказали, что каждый год сюда приходит не больше десятка выпускников средней школы, да и те не все остаются верны серебряным делам ремеслу: оно усидчивости и терпения требует. А потребность в рабочих руках большая. Двести человек могли бы взять уже сегодня.

— Средний возраст работающих сорок пять лет. Пенсионеров много. К концу пятилетки еще четверть мест будут свободны, — вздыхает секретарь парткома Николай Викторович Барашков.

— Почему же не задерживается молодежь на предприятии? — поинтересовалась я.

— Причин тут несколько. Работа наша тонкая, кропотливая. Возьмите чудо серебряное — скань! Вологодским кружевам сродни она. Только сканщица вьет кружево из медной и серебряной проволоочки. Не быстро продвигается узор, а оплата идет, к сожалению, не от сложности рисунка, а за сантиметр. И еще сложность: не может завод сразу предоставить квартиру, нет и молодежного общежития.

Предприятие испытывает нужду в рабочих руках. А у училища свои заботы-хлопоты. «Проучившись четыре с половиной года, многие ребята садятся за рабочие места, «на поток», — говорит директор училища Валентина Николаевна Корытина. — Им, познавшим уже тайны творчества, это, знаете, неинтересно. И государству невыгодно. Рабочей специальностью можно овладеть в более короткий срок. Об этом давно стоило бы подумать...» Искусные творения красноселов: и украшения, и сувениры, и настенные декоративные панно, и посуда. Всего не перечислить. Более семисот наименований.

На первый взгляд все буднично и просто. Сидят за обычным столом художники и карандашиками что-то рисуют. Но волшебству сродни их занятия: вписывают в колес или колечко крылатых коней из золоченой скани, жар-птиц, волшебных рыбок из синего моря... Это лишь несведущему кажется, что нема речь узора.

— Только вот и на творчество дан нам план, — говорили мне художники. — Придумываем все новые и новые украшения, разные. Нужные в быту вещицы, а своими руками очень редко (разве чтобы не забыть!) воплощаем образцы в материал и форму.

Это волнует многих художников, а среди них ведь немало людей незаурядных. Мечтают они о творческой секции ювелиров при Союзе художников. Такая секция очень нужна для сохранения и развития традиционного наследия.

— Ювелирное искусство в Красном могло бы развиваться комплексно. По примеру творческих секций в Болгарии, где художники работают в тесной связи с искусствоведами, научными сотрудниками музеев, — сказал мне директор сельского музея ювелирного и народно-прикладного искусства Евгений Юрьевич Жуков. — Кстати, в сентябре прошлого года вышло специальное постановление Художественного фонда РСФСР, разрешающее художникам индивидуальную творческую деятельность. Дело за организацией секции.

...А пока рисуют художники Красного бумажные образцы, которые проходят очень долгий путь через рабочие комиссии, художественные советы. И когда, наконец, возвращаются на завод, случается, что кое-что уже изменено ради простоты исполнения, облегчения веса изделия, дешевизны. Изменение спроса на ювелирную продукцию, мелкосерийность ее заставляют завод ежегодно обновлять ассортимент более чем на треть. Неплохо бы сократить горы ненужной переписки, количество комиссий на пути образцов к прилавку, дать возможность самому предприятию утверждать новинки, выпускать их в торговлю.

Год работают красносельские ювелиры по-новому, на хозрасчете. Получают немалые прибыли, появились свободные деньги. Жилье строят. В этом году 120 квартир прибавилось. Намечают строительство нового многоквартирного дома.

...Перед отъездом из Красного я зашла в «Сувениры». Яркостью праздника веяло от красносельских изделий. Представилось, как узорчатая ладья «Кострома» с развевающимися парусами плывет вниз по Волге. И чарует та ладья города и села, мимо которых проплывает. Так же, как покоряет искусство серебряных дел мастеров многие страны мира, куда наяву летят и плывут прекрасные сувениры из Красного, даря радость встречи с удивительным мастерством.

Красное значит красивое. Гордятся жители родным селом. А красно оно искусной работой, руками умелыми. Не о них ли пословица молвится: не то дорого, что красно золото, а то, что доброго мастерства?

Зоя КРЯКВИНА,
фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Писательница из Парижа. 1973 г.

ПОРТРЕТЫ

ФОТОВЕРНИСАЖ

ИНГИ МОРАТ-МИЛЛЕР

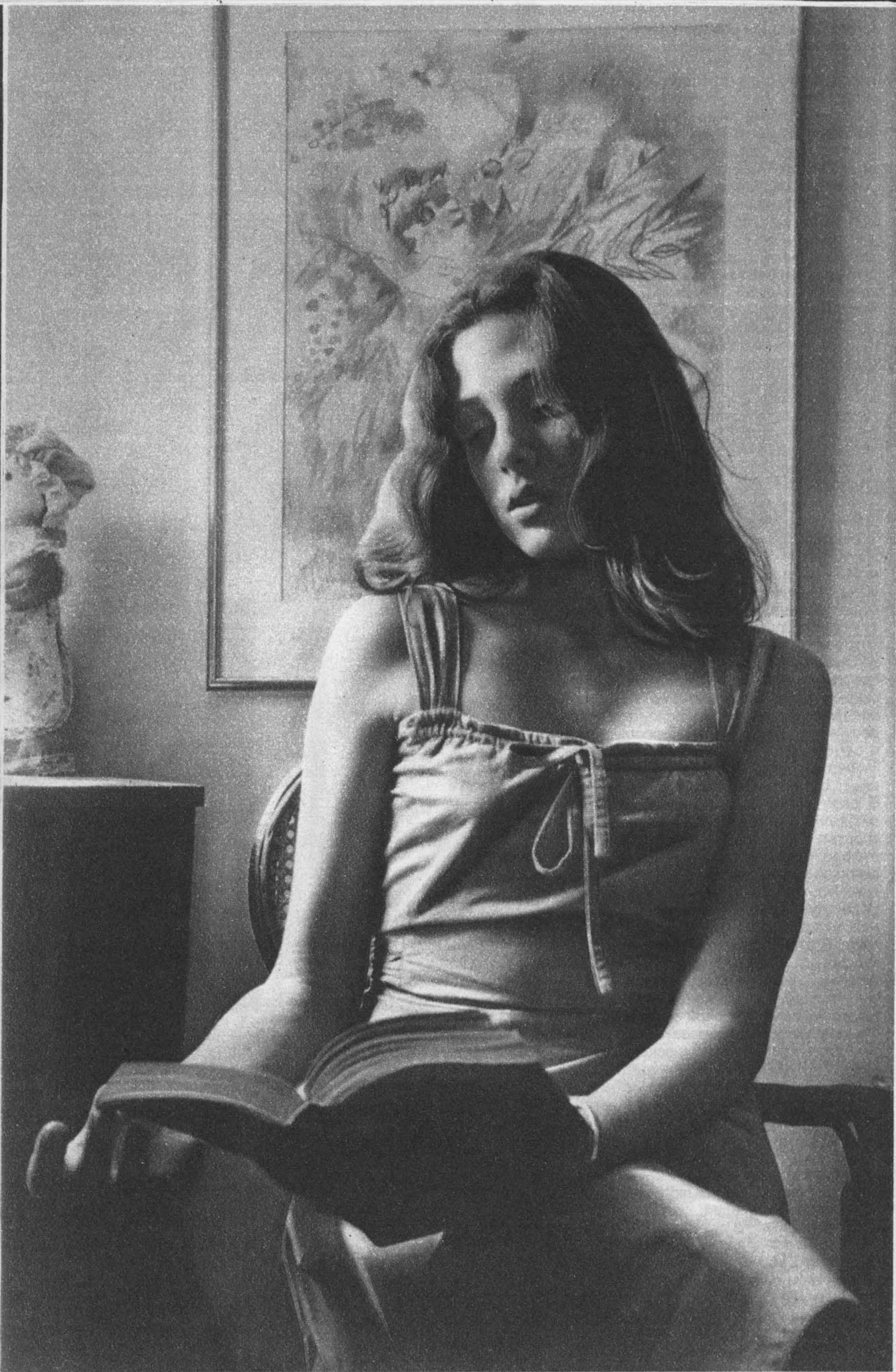

Артур МИЛЛЕР

Портрет — это всегда совмещение двух точек зрения: художника и его модели. Здесь неизбежно напряженное творческое сотрудничество, во многом определяющее результат. Так, сатирическое изображение, взорвав привычное представление о человеке, может разрушить его образ, тогда как отсутствие личности фотографа может, в свою очередь, по-

Профессор Михаил Герасимов. Москва 1965 г.

Художница Р. Миллер. Коннектикут 1977 г.

губить портрет, сделав его невыразительным и аморфным снимком, ценность которого будет заключаться лишь в ассоциациях по поводу самого объекта.

Взгляд на портреты Инги Морат говорит о том, что они порождены тонким сопряжением двух подходов. В ее работах есть строгость композиции, хотя они полны неожиданности и экспромта. Ее формальное присутствие становится не вмешательством, но открытием. И хотя многие из работ могли послужить хорошим материалом для живописных портретов, в них отсутствует какая-либо атмосфера заданности. Взглядом художника она точно опреде-

ляет, как человек выражает себя через окружающие его предметы и сколь многозначителен при этом его жест.

Независимо от того, насколько сознательно это происходит, художник, держащий в руках кисть или камеру, вынуждает человека как-то по-особому вести себя в его присутствии. Поэтому, когда по прошествии времени оказывается, что все работы несут на себе некий отпечаток, можно с уверенностью сказать, что это и есть личность художника. В то же время эта особенность здесь никогда не переходит в противоположную крайность, становясь всеподавляющей волей художника, парализующей личность изображае-

мого. Сдержанная нежность и отсутствие агрессивности в отношении к модели — вот отличительные черты ее почерка. Она всегда приглашает человека перед объективом быть самим собой, таким, каков он есть, каким он хочет быть.

И это не просто дань правилам хорошего тона или уважение к внутреннему миру человека, но признание факта, что мы всегда кого-то изображаем. Говорят, с годами каждый получает лицо, которого достоин. Значит, по мере того как мы проживаем жизнь, мы в какой-то степени своею волей претворяем себя в нашей внешности. Инга позволяет этому свершиться. Она никогда

не обращается к неподготовленной натуре, хотя броская, подчеркнуто выпяченная деталь в случае, когда отринуты все условности самозащиты, могла бы выглядеть правдивее. Но самозащита — это тоже способ выразить себя, и, возможно, намного социально более значимый, чем любые пикантные подробности, которые всегда старается подчеркнуть исполнительный фотограф.

Работы Инги — это, бесспорно, портреты людей, живущих напряженной духовной жизнью. Большинство из них — художники высокого профессионального мастерства. Здесь они представлены не столько людьми исключительной

природы, обладающими особой нервной организацией, каковыми являлись и являются, но творцами, живущими иногда пускай и скрыто, в своем особом мире. Так, Мальро изображен на фотографии делающим то, чему посвятил большую часть своей жизни — он объясняет, Мур демонстрирует свои последние работы и т. д.

В определенном отношении эти портреты необыкновенно выразительны, ибо люди на них выглядят не столько достойными своих воплощений. В конце концов почему один из нас носит усы, другой позирует как одалиска, а третий хочет выглядеть общественным обвинителем, китайским мандарином или добрейшим в мире врачом, сам будучи художником, писателем или критиком? Почему мы вечно играем в самих себя? Портреты, подобные этим, выявляют личность, позволяя ей воплотить себя в том образе, в котором она сама хотела бы себя видеть, поскольку для фотографа-художника перевоплощение личности есть бесконечный творческий процесс.

В портретах Инги всегда незримо присутствует социальное начало как неотъемлемая часть бытия. Причем это никогда не выглядит своего рода комментарием или пропагандой, но естественным условием человеческого существования. Отсюда — легко уловимое в ее работах ощущение истории, которая в данном случае охватывает послевоенный период. При этом редко где можно найти конкретные исторические реалии: историчность тех, кого она запечатлевает, выражается скорее в их внутреннем мироощущении и взглядах.

Инстинктивно Инга не столько размыкает, сколько интегрирует реальность. В свое время она стала жертвой излюбленных развлечений века — диктаторства и войн, со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде иссушающей умы пропаганды и культа насилия. Поэтому Инга всегда помнит, что существует возможность его возрождения, что насилие не исчезло, но затаилось. В этом контексте чувства и вкус художника уже есть точка зрения, которая в данном случае лишена иллюзии: в мире, где узаконены худшие из унижений человеческой личности, она отказывается использовать свою фотокамеру как метафорическое орудие агрессии, как средство, «вытягивающее» из объекта то, что он хотел бы скрыть. Напротив, камера Инги всегда восторженно замирает перед неповторимостью человеческой индивидуальности, будь то художник или первооткрыватель.

За одним-двумя исключениями все это портреты людей, которые были и остаются ее друзьями, включая мужа и дочь. Французские портреты — результат давней влюбленности в страну, где Инга провела не одно десятилетие. То же самое можно сказать об американских и английских фотографиях. Однако работы Инги запечатлевают неслучайные моменты жизни той или иной страны, увиденные взглядом стороннего наблюдателя, но являются результатом глубокого погружения в своеобразие той или иной культуры. При этом Инга никогда не забывает о своем средневропейском происхождении, что позволяет ей тонко подчеркивать чисто французское, английское или американское очарование своих моделей.

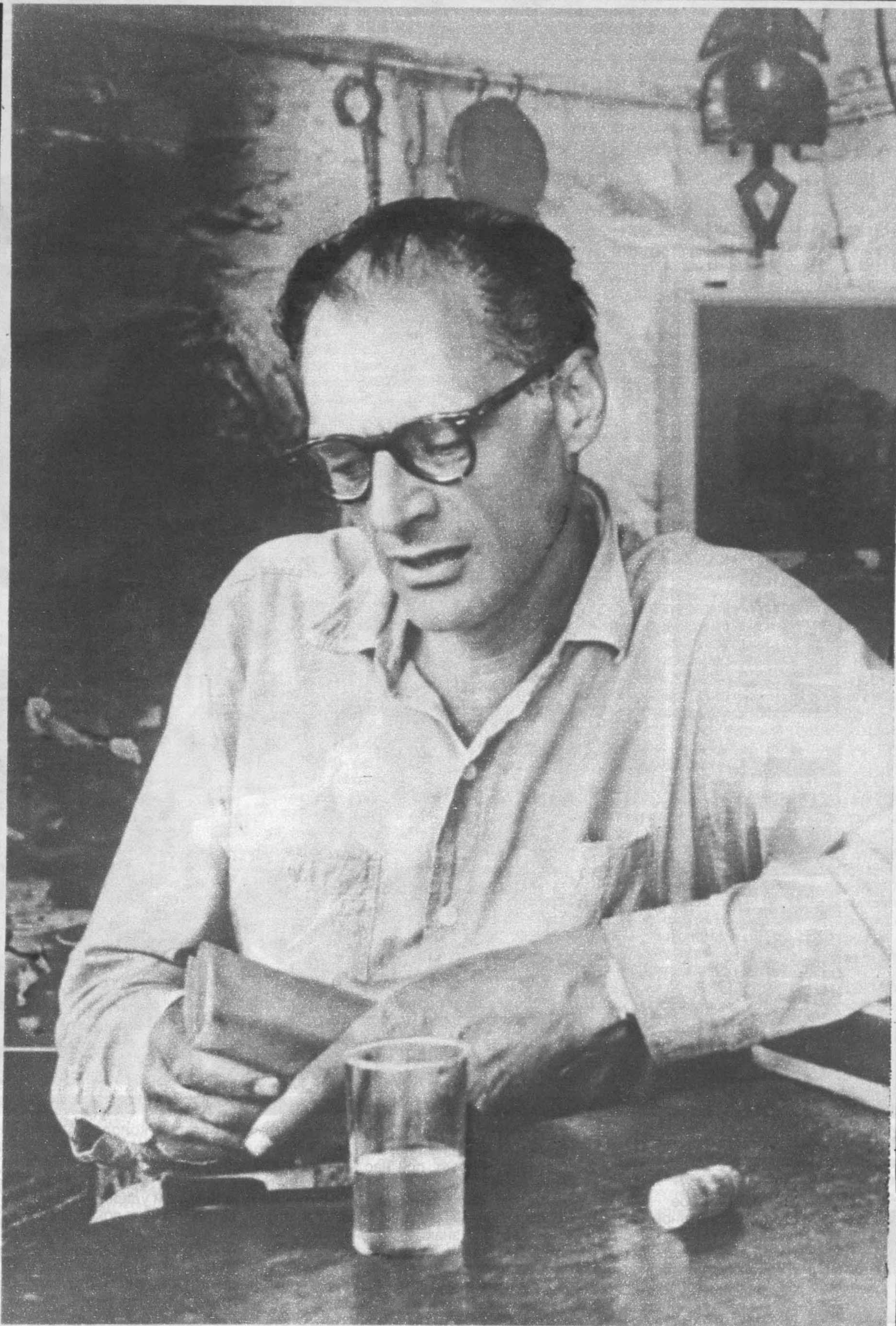
Будучи близко знакома со многими художниками и хорошо зная их работу, Инга не сразу соглашается с тем, что фотография — это искусство. Сколь бы утонченным приспособлением не являлась фотокамера, все же это не рука человеческая, и чудеса, творимые ею, иного порядка. Не впадая в долгую дискуссию по этому поводу, хочется оттенить одну мысль. Сколько бы мы ни вглядывались в старые полотна, будь им десять, пятьдесят или сотни лет,

Писатель Андре Мальро.
Париж 1956 г.

Поэтесса.
Англия 1961 г.

Лола Руиз Вилате,
сестра Пабло Пикассо.
Барселона 1954 г.

Драматург
Артур Миллер.
Коннектикут
1963 г.

Из серии
«Маски художника
С. Стеинберга».
Нью-Йорк 1966 г.

они не теряют для нас своей притягательной силы, чего нельзя сказать о все нарастающем потоке фотографий. На старых фотографиях мы скорее ищем историю, чтобы насладиться тем, чем были, наблюдая лица людей среди машин устаревших марок, людей, одетых в старомодные купальные костюмы и одежды, с каким-то странным гримом на лице и редко теперь уже встречающимися жестами. Совсем иное в отношении старых живописных полотен. Возможно, это оттого, что некоему скрытому в подсознании началу легче воплотиться сквозь кисть, чем сквозь линзы. Если это так, то, значит,

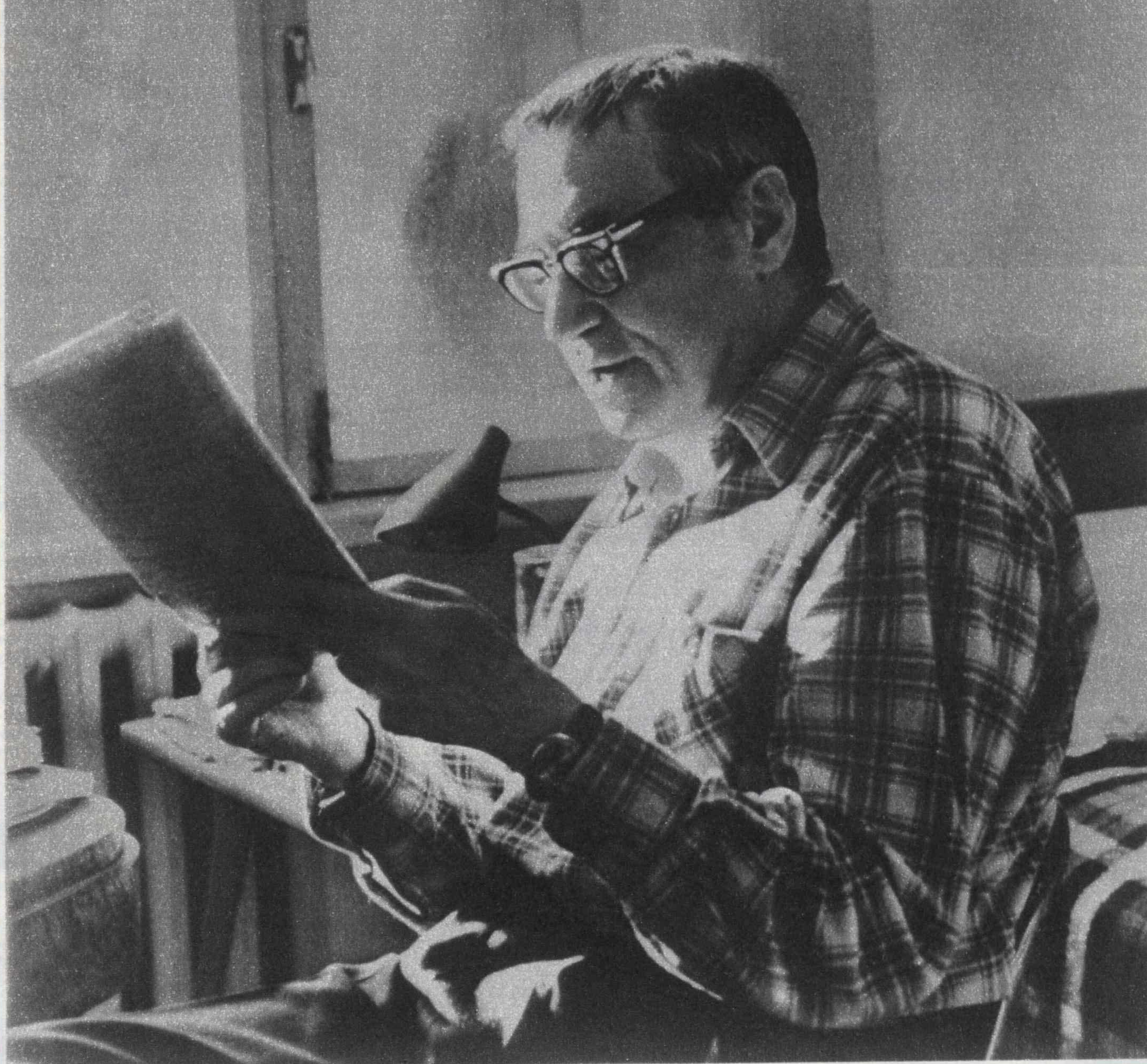
фотография служит более «объективным» средством отображения реальности с иными, своими собственными законами. Большинство представленных здесь фотографий являются результатом осознанного и осмысленного как фотографом, так и его моделью процесса, что позволяет говорить в этом конкретном случае о некоем совпадении с портретной живописью. Модель говорит здесь: «Вот такой бы я хотела быть», — и фотограф отвечает: «Отлично, ваше пожелание прекрасно!»

Подготовка публикации и перевод с английского Светланы МАКУРЕНКОВОЙ

ДАВАЙТЕ МЧАТЬ БОЛТАЯ...

Валентин Петрович Катаев.
Декабрь 1971 года.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Борис ГАЛАНОВ

Мое мимолетное знакомство с Валентином Петровичем Катаевым состоялось давно, в годы первой пятилетки, когда я носил пионерский галстук и был деткором «Пионерской правды». В ту пору со страниц газеты часто раздавались призывы к писателям создавать романы и поэмы о пионерах и школьниках, по ударному овладевающим школьными знаниями. Увы, писатели отмалчивались. На призывы газеты поэты и прозаики не откликались. В конце концов деткоры решили отправиться к писателям и поговорить лично, с глаза на глаз: что ж это вы, товарищи писатели! Мы стараемся хорошо учиться, а вы про нас ни слова! Пионерские рейды были у редакции в чести — на предприятия, в колхозы, в рабочие общежития. Организовали рейд домой к писателям Демьяну Бедному и Всеволоду Иванову, Асееву и Багрицкому, Ильфу и Петрову. Дошла очередь до Катаева, молодого, еще не написавшего «Парус». «Парус» приплыл позднее, когда я давно уже вышел из возраста Пети и Гаврика, но все равно он стал спутником и моего поколения.

Бригаду пионеров Катаев принял, слегка изумившись, но, в общем, весьма радушно. Тут же, при нас, сочинил коротенький ответ, пообещав написать книгу о своем детстве. «Писать же о современных детях не могу. Я просто-напросто знаю их очень поверхностно. Пусть лучше они подрастут и сами о себе напишут. Ждать недолго!»

Прочитав эти строки, мы горестно переглянулись. Ну и ну! Пусть лучше они подрастут... Ждать недолго! Очень даже долго, Валентин Петрович, подумали мы тогда, по наивности и не предполагая, как стремительно летит время.

Теперь и впрямь кажется, все это было не так давно. Вот я, пожилой уже человек, задумавший писать книгу о творчестве Катаева, вновь сижу в его кабинете, донимая докучливыми вопросами о том, как возникают сюжеты, о степени биографичности, типах, прототипах и прочих вещах, которые обычно приходят в голову критику. Мы беседовали иногда под крышей зеленого дачного дома в поселке Переделкино, иногда прогуливаясь мимо оград писательских дач по улице, официально именуемой Серафимовича, а неофициально Аллеей классиков и больше известной под этим названием. Были еще дальние маршруты к маленькой церкви, времени Ивана Грозного, по соседству с полотном железной дороги, иногда

к Святому колодцу, маленькому живописному пруду, куда из железной трубки стекала тоненькая струйка родниковой воды, а возле старой сосны, расщепленной ударом молнии или порывом ветра, стояла покосившаяся от времени скамья. «Ну, что ж,— говорил Валентин Петрович, давно уже раскусивший мои корыстные замыслы.— Будто бы вода,— так, кажется, у Маяковского? — давайте мчать, болтая...»

У него была своя манера гулять, быстро, энергично, «по-катаевски». А если разговор получался, то и подолгу.

Отчетливо запомнил его внешний облик. И никогда не мог поверить, что ему восемьдесят... потом восемьдесят пять... Господи, почти девяносто.

Ворот просторной клетчатой рубашки распахнут. На шее повязан пестрый шелковый платок. Белая полотняная кепка смотрится как-то по-особенному. Элегантно. Парижская! Хотя скорее всего куплена дочерью Женей в сельской переделкинской галантерее. Все дело в том, как надеть. Как носить! С годами маршруты прогулок сокращались. Быстрее уставал. Хуже слышал. Но по-прежнему бодр, подтянут, ходит прямо, почти не сутулясь. Под глазами мешки, но в глубине глаз, несмотря на почтенный возраст, полыхают опасные озорные огоньки.

В конце Аллеи классиков возникает

внушительная фигура с корявой сучковатой палкой в руках. Это известный прозаик, редактор толстого литературно-художественного журнала. Он шествует к нам навстречу в сопровождении небольшого почетного эскорта — прозаики, поэт, критик.

Катаев иронизирует:

— Да, писательские авторитеты, что и говорить, сильно измельчали. Таланты упали в цене. Отношения стали другими. Теперь нужно знать писателя — редактора журнала. Если повезет, погулять с писателем — директором издательства. Кроме авторитета писательского таланта, возникают, знаете ли, куда более важные авторитеты — должностные, секретарские. А когда-то мы с Олешей, бескорыстно, как о самой большой радости, мечтали увидеть Александра Блока. Просто увидеть...

У себя на даче он обычно встречал меня на полдороге, спустившись по скрипучим деревянным ступенькам на площадку между вторым и первым этажами. Здесь весь простенок занимала превосходная репродукция с картины очень чтимого Катаевым Альбера Марке. Тончайшим чувством природы, свойственным мастеру, в соединении с грубоватым реализмом Валентин Петрович всегда восхищался.

— Когда в тридцатые годы,— говорит мимоходом Катаев,— Марке приез-

жал в Союз, он был у меня в гостях. Разумеется, я не мог удержаться, показал «своего» Марке. Он удивился:

— Откуда у вас эта вещь? Она висела в Онфлере.

Представляете мою гордость. Копию принял за оригинал. Стал рассматривать холст, придираться. То-сё. Потом сказал:

— В левом углу облако не такое. Не мое. Копия.

Но картину авторизовал. Видите — внизу синей краской подпись: MARQU-ET.

В кабинете втискиваюсь между узкой тахтой, покрытой пледом, и письменным столом, на котором разложены картонные папки, тетрадки и сложены горкой книги. — на этот раз Карамзин «Письма русского путешественника», Данте, пьесы Михаила Рошина, Сэллинджер, «Золотой горшок» и «Повелитель блох» Гофмана и не исчезающий со стола Гоголь (в который раз Катаев перечитывает Гоголя всего подряд). Валентин Петрович спрашивает:

— Хотите чаю? — и, загадочно улынувшись: — Или, может быть, бурду?

Простодушно выбираю бурду. Наверное, марка французского вина. И, похоже, редкого. Никогда не слышал такого названия.

На столе появляется кофе. Отхлебнув глоток, Валентин Петрович болезненно морщится.

— Разве ж это кофе? Какая-то паршивая бурда. Чистейшее бурду. В переводе с хорошего русского на плохой французский.

Отведав бурду, я сообщаю ему, что собираюсь писать о нем монографию для издательства «Художественная литература». Большую, листов на двадцать.

— Ого! — И добавляет предостерегающе: — Только имейте в виду, меня много ругали: Фриче, Ермилов. Первая реакция была однозначной — ругань. Страшно поносили рапповцы. Был критик Машбиц-Веров. Он глаз с меня не спускал. Чуть что — хлоп! Потом раздели в пух и прах первый вариант романа «Катакомбы». «Маленькую железную дверь», говорили, трудно читать. Дальше пришла пора «Святого колодца» и «Алмазного венца». Знаете, тут недавно приехал студент из Оксфорда, пишет обо мне диссертацию. Посидел несколько дней в Ленинке. Взял библиографию, стал изучать и просто руками развел: «Послушайте, мистер Катаев, оказывается, вы плохой писатель. Вас всегда ругали». Черт возьми, я почувствовал себя глубоко виноватым. Действительно, выходило, никакой я не писатель. Ввел в заблуждение симпатичного юношу.

— Валентин Петрович, ведь защищали и хвалили.

— Да, Горький писал о «Растратчиках» Роллану. Мандельштам одобрял. «Время, вперед!» поддержал Фадеев... «Парус» вообще безоговорочно принял все.

А я подумал: принимали, не принимали. В 1928 году Федор Гладков упрекнул Горького за то, что, перечисляя имена Катаева, Толстого, Сергеева-Ценского, Пришвина и пр. писателей, которые, по мнению Гладкова, менее всего характерны для нашего времени, Горький не назвал писателей, куда более достойных. На этот упрек Горький ответил словами, которые и сейчас не грех вспоминать почаще: «Есть писатели плохие и есть хорошие... поэтому плохие писатели должны учиться у них, как надо писать».

Но сам Катаев не канонизировал ни старые приемы, ни новые. Не было для него ничего скучнее повторения однажды найденного. Ведь творчество — процесс вечно движущийся, обновляющийся. «Нельзя загнать в сарай кирпичи на всю жизнь», — повторял Катаев. — Не выйдет!»

Однажды заговорили о «Растратчиках». Вообще он часто возвращался к этой книге. Быть может, оттого, что она стала его литературным дебютом,

приобрела широкую известность у нас и за рубежом.

— «Растратчиков», — рассказывал Валентин Петрович, — перевели в Англии. Был такой издатель Бэн. Потом этот Бэн напечатал их в Америке, там книга стала бестселлером.

— Знаете, сколько вы получите? — спросил меня знакомый английский журналист и вывел на листке бумаги длинную колонку цифр. — За разными там вычетами четырнадцать тысяч долларов чистыми. Как за бестселлер.

— Увы, скупердяй-издатель предложил мне всего десять фунтов, выговорив себе право издания «Растратчиков» в странах английского языка. Не слишком шикарно. Но я был неопытен, честолюбив. И торговаться не стал. «Валайте», — ответил я Бэну. — Если страны английского языка так бедны, что все вместе не в состоянии предложить большую сумму, согласен на десять фунтов». Одним словом, пошутил. А шутка обошлась недешево. Издатель здорово меня облапошил. Прошло много лет. Я выступал перед студентами и преподавателями Оксфорда, вспомнил злополучную историю и не удержался. Решил потрепать воображение слушателей: вот, мол, как бессовестно надул молодого автора их соотечественник.

— Могу вас утешить, мистер Катаев, — услышал я невозмутимый голос из зала. — В свое время Джон Мильтон получил за «Потерянный рай» всего пять фунтов.

— Короче говоря, — смеется Катаев, — англичане дважды умыли меня с «Растратчиками».

В другой раз вспоминал постановку «Растратчиков» во МХАТе. Немирович-Данченко побывал в Америке и привез в Москву новость об успехе каких-то неведомых ему «Растратчиков». С этого все началось. Автора попросили познать театр с повестью, сделать инсценировку.

— Представляете, в фойе сидел весь МХАТ. Как будто собрались на читку «Чайки». Увенчанные, маститые, популярные. Москвин, Качалов, Леонидов, Лилина. Из молодых Хмелев, Баталов. Помню, Книппер недоуменно пожимала плечами. Она никак не могла запомнить название пьесы. Кажется: какие-то «Распутники». Читать я уговорил Булгакова. Знал, что мой неистребимый одесский акцент может оказать плохую услугу. А Булгаков читал здорово, с настоящим актерским талантом, — это мне недавно рассказывал один из старейших мхатовцев, присутствовавший на той читке, М. И. Прудкин.

Увы, даже мастерская читка Булгакова не помогла. Пьесу встретили сдержанно. Спрашивали: что это такое? Драма? Комедия? Но все сходилось на том, что пьесу надо еще привести в христианский вид. Однако Станиславский буквально загорелся ею.

Когда мне в первый раз позвонил Павел Марков, завлит МХАТа, и предложил зайти побеседовать, я спросил: «А где вы помещаетесь? Ага, в Камергерском переулке. Хорошо, теперь буду знать». Вот до чего доходило дело. Мы ведь тогда все были страшными леваками. И МХАТ за театр вообще не считали. Луначарский, помню, изумлялся: «Я давно мечтаю у них погостить. И вот который уже год не могу проникнуть. А вы! Даже адрес МХАТа не знаете».

О себе он говорил, что в своих книгах частенько становился магнитным полем, собирал вокруг себя и притягивал к себе иголки, давал им рисунок, как мороз на стекле. Он был магнитным полем и на людях — в редакции «Юности», на семинарах молодых писателей, дома, в кругу близких и родных, отнюдь не стремясь к этому. Он не любил долго и красноречиво говорить и, сколько я помню, не владел талантом «держателю стол», хотя как истый одессит (а он навсегда остался одесситом, давно уже сделавшись москвичом) хорошо

знал цену веселой шутке и при случае не прочь был козырнуть ошеломляющим «одессизмом». Но присутствие его незаурядной личности ощущалось всегда.

Где-то я прочитал, что время оставляет будущим поколениям своих стражей. Вот я сижу рядом с Катаевым за столом. Когда же начиналась повесть его жизни? «Боже мой, я еще помню лучину!» — воскликнул он в «Траве забвенья». — А ведь только что по телевизору с нашего искусственного спутника передавали панораму Луны!». Приметы целой эпохи, ОТ и ДО. Такими впечатляющими масштабами мерил Катаев свой век. И в то же время множество крошечных, но всегда «отыгрывающихся» подробностей запечатлелось в уголках его удивительной памяти.

Однажды я привез ему из Варшавы привет от Галины Аудерской, известной польской писательницы и общественной деятельницы. «Спросите Валентина Петровича, помнит ли он в Одессе на Маразлиевской улице дом Аудерских?» «Еще бы, — ответил Катаев. — Маразлиевская, четыре. Там мы жили с папой и тетей. Шикарный дом». И стал описывать лепнину на фасаде, балконы с балюстрадами. Длинный, как туннель с полукруглыми воротами, вход во двор... «Захотите — проверьте, если будете в Одессе. Я могу побрехивать как беллетрист, но в подробностях всегда точен».

В другой раз заспорили, как выглядел немецкий бомбардировщик «фокке-вульф». Спор решил Валентин Петрович. Он помнил лучше всех. И потом, чего уже не помнил никто, стал описывать аэропланы первой мировой войны — громадный русский летательный аппарат «Илья Муромец» и маленький немецкий разведчик «таубе» («Голубка») — механическую птичку с неподвижными крыльями, загнутыми кончиками назад. А иногда он вдруг забирался в «Очевидное — невероятное» — первые автомобили с ярко начищенными медными фарами и резкими сигналами рожками, поднимающими лошадей на дыбы, или катание гимназиста Вали на одесском городском автобусе — трамкарете с кучером на высоких козлах.

Курьезы! Курьезы!

Но главное, конечно, его живые, без «хрестоматийного глянца» штрихи к портретам замечательных деятелей молодой советской литературы, у истоков которой он стоял с ними бок о бок.

Друзей юности он часто называл по-домашнему, уменьшительно: Илья — Ильф, Эдя — Багрицкий, Юра — Олеша. Подбил Илью и Женю писать роман о сокровищах, запрятанных в стулья, а сам махнул на юг. Бросил соавторов на произвол судьбы. Даже перестал отвечать на их отчаянные телеграммы...

В такие минуты эффект присутствия был столь велик, что оклики рассказчика с улицы веселые голоса: «Валюн, вы дома?» (и может быть, даже фамильярнее — по одному из псевдонимов молодого фельетониста Катаева — «Старик Саббакин, к вам можно?») и в дверь вошли бы авторы «12 стульев», — честное слово, я бы не удивился.

Очень неоднозначно формируется язык писателя, множество речевых потоков в себя вбирает.

Катаев загибает пальцы.

— Влияние родителей, семьи. У нас дома был культ Пушкина. Это первое. В гимназии хрестоматийные стихи Жуковского, Кольцова, Никитина и чьи-то безымянные, благонамеренные. Это второе. Но, может быть, гораздо раньше мы подхватывали язык одесской улицы — торговки рыбой с Привоза и портовых грузчиков, частушки, пошлые романсы, «Пой, ласточка, пой», песенки кафешантанных куплетистов, шуточные студенческие застольные: «Ели картошку, пили квас, что с нами будет через час?» На фронте я слышал солдатскую речь, позже увлекся Маяковским, намагничивался фразеологи-

ей ревлакатов и лозунгов ЮГРОСТА, сам их сочинял.

Все это так или иначе сделалось частью моего языка. Однако, став профессиональным писателем, я пришел к убеждению: какие бы речевые пласты мы ни вбирали, писать надо общедоступно, ясно, понятно, литературную речь соединять с бытовой, а главное, слушать язык своего времени, обогащенный революцией.

В другой раз по поводу недавно прочитанной книги Катаев недовольно сказал:

— Написано старательно. Такое решительно не приемлю. Впрочем, буйство размашистой речи тоже не терплю. Писатель должен повелевать языком, научиться его укрощать. И очищать. Очищать от всего наносного, случайного, как фрески, записанные дурными ремесленниками. Но не выколачивать, не препарировать, всегда добираться до чистой воды.

Восхищаюсь языком классической русской литературы. Однако слепо подражать не стану. Язык выражает свою эпоху. В девятнадцатом веке не говорили и не писали языком восемнадцатого. А в двадцатом веке нельзя говорить на языке девятнадцатого. Попробуйте слогом «Обыкновенной истории» Гончарова Ивана Александровича написать современную «Обыкновенную историю»! Ничего не получится. Перестали существовать не только архаизмы. Многие слова умирают, как жемчуг. Их заменяют новые. Не будем строить на этот счет иллюзий. Художник живет в ритмах современной жизни, а не прошедшей. Они определяют и нашу речь, словарные запасы, ритм, синтаксис. Язык романа «Время, вперед!» был языком эпохи первых пятилеток, ее ударных строев, ее передовиков, первооткрывателей. Но языком этого романа писать больше не пробовал. И не потому, что лучше, искуснее владею тайнами слова. Время подсказывало новый речевой строй.

Кстати, в ту пору мне была близка живопись Дейнеки. Я увлекался кинематографом Эйзенштейна, театром Мейерхольда. Все это оказывало определенное влияние на форму, стилистику и язык романа «Время, вперед!».

— Валентин Петрович, а ваши нынешние привязанности?

— Не стану делить на периоды. Привязанности более или менее постоянные. Хотя иногда может нравиться одно, иногда другое. Вот на днях по радио читали странички из моей «Разбитой жизни», посвященные маме: черный месяц март, острый весенний ветер. Мама в черном на фоне голых деревьев парка. Тут что-то блоковское. От «Незнакомки». В духе времени. А музыкальный строй мне подсказан музыкой Дебюсси, тогда я много ее слушал, пейзаж — тревожным, грустным колоритом левитановских «Скольников». По настроению эти вещи мне были близки, «звучали» во мне. И я немного под них стилизовал. Наверяд ли я мог написать в ином ключе. Но если бы не Левитан, не Дебюсси, все-таки чуточку по-иному. И слова подобрались бы другие.

— Знаете, я довольно часто приводил в смятение своих интервьюеров. На традиционный вопрос «Как вы пишете?» отвечал: «Бессознательно». «То есть как это бессознательно?». Им чудилась какая-то мистификация, что-то пахнущее идеализмом. А я еще подливал масла в огонь: «Я не кокетничаю. Вот так, товарищи, в бессознательном состоянии и пишу. Меня воодушевляет шариковая ручка. Она водит моей рукой». Но если говорить серьезно, я действительно не всегда знаю, что через несколько страниц мне вспомнится, куда заведут пришедшие в голову ассоциации. Особенно после того, как перестал быть «сюжетником». Когда писал «Время, вперед!», на листе бумаги нарисовал циферблат, зараннее по часам и минутам распланировал, где, когда, в какое время окажутся герои

романа. Теперь меня не так тяготит вопрос, что им предстоит сделать в ближайшие полсутки. Теперь я не всегда заранее просчитываю все частности. Но, как мне кажется, мое видение жизни — а оно определяет по большому счету мои гражданские и творческие позиции, мои убеждения — подсказывает мне такие решения, к которым, начиная книгу, я, может быть, бессознательно стремился.

Как завязывался «Святой колодец»? Довольно неожиданно. В глухом китайском городке мне встретился старик. Он продавал в хрустальной мисочке рыбку. Одну-единственную. Золотую. На обед. Меня поразила эта встреча, и захотелось при случае ее описать. Я тогда еще не предполагал, что сложится книга, где будет столько странных встреч, а сон и явь непрерывно будут меняться местами. Мой лирический герой чуть не погиб под ножом хирурга и чудом возродился для новой, прекрасной жизни. Но неужели только для того, чтобы погибнуть от атомного взрыва? Я видел картину распада прекрасной земной материи, видел моих детей Женю и Павлика, мою жену Эстер, напрасно старающуюся спастись от странного пламени, лижущего со всех сторон планету. Никогда я не был ни агитатором, ни проповедником, а тут захотелось стать и тем, и другим, чтобы еще раз напомнить людям о трагедии всеобщего уничтожения. Могу ли я предсказать, начиная книгу, к чему приведут меня сны и явь? Наверяд ли. Но, пройдя со своим героем через все испытания, я уже знал, чем ее закончить: нет для человечества важнее задачи, чем сберечь жизнь на земле, все сущее, вплоть до золотой рыбки в хрустальной мисочке.

Так более обстоятельно я мог бы ответить на вопрос интервьюера: «Как вы пишете?»

28 января 1977 года — 80-летие Валентина Петровича. Днем в Союзе писателей прием. Во второй половине дня и допоздна у Катаевых в Переделкине гости — с официальными поздравлениями, адресами, друзья и близкие. В Союзе он очень волновался и, хотя говорил недолго, раз или два прерывал себя: «Кажется, я заболтался. Прошу дать сигнал, когда надоест».

В своей речи он сказал, что в семнадцатом пошел с большевиками скорее по внутреннему убеждению, чем сознательно. Но он был на фронте, знал настроения солдат и в окопах остро ощутил необходимость коренных перемен. В партию вступил в пятидесятые годы. Но свою партийную биографию вел с девятнадцатого, когда записался в Союз сочувствующих. «Моя жизнь складывалась по-разному», говорил он, — часто нелегко. Но я сам и мои ближайшие друзья — Олеша, Багрицкий всегда выверяли себя по компасу Советской власти».

Из Союза мы с женой Ириной отправились в Переделкино. В центре стола — Валентин Петрович, по случаю знаменательной даты в темном, вечернем костюме, оглядывал всех присутствующих хитрым, ироническим взглядом. С нашим появлением разговор заходит о «Юности». Катаев был ее первым редактором, основателем. «В часы одинокие ночи», во время бессонницы придумал ей название. А моя жена Ирина Боброва была первым сотрудником, зачисленным в штат журнала. За столом еще несколько человек, вместе с Катаевым затевавших «Юность». Наперебой вспоминают, сколько хлопот и забот было связано с выходом первых номеров журнала и какая особая атмосфера «студийности» с самого начала установилась в редакции. Валентин Петрович купил сахар, связку баранок, самовар. Посылать официальные бумаги в разные учреждения тогда еще не научились, и редакционную курьершу временно прикомандировали к самовару. За чаем обсуждали макеты будущих обложек, рукописи дебютантов —

молодых прозаиков и поэтов, вскоре шагнувших со страниц «Юности» в большую литературу. Катаев объявил: «Будем искать фантастику не только в космосе, там многое уже известно, а здесь, вокруг себя, в центре земли».

Так получилось, что обложку первого номера украсил парус. Несколько парусных яхт на глади небольшого озера, с силуэтами высоковольтной передачи вдали. Старый парус и новое — вольная или невольная переключка...

Валентин Петрович растроган, ведь дорога его «Юность» продолжает расти и развиваться, увеличивать тираж. Он говорит нам на прощание:

— Кажется, к восьмидесяти годам я становлюсь сентиментальным. А скажите, как определить, что мне восемьдесят? Черт его знает! Трудно сказать — как! Время ведь не материально.

Он достает с книжной полки «Святой колодец» и, молодо, весело улыбаясь, пишет на титульном листе: «Ирочке Бобровой от Валечки Катаева».

— Своими первыми художественными наклонностями я обязан маме. Это была настоящая творческая натура. Великолепная музыкантша. Отец часто играл с мамой на рояле в четыре руки. Наверное, мамин музыкальный талант унаследовал мой младший брат Женя — Евгений Петров. На память мог проигрывать целые оперы. Я постоянно жил в атмосфере искусства. Мама читала мне стихи, придумывала для меня сказки, рисовала в тетрадке разные предметы и зверей, сочиняла к ним веселые пояснения. Ей хотелось расширить мой детский кругозор.

Многим я обязан папе. Он был учителем, в университетские годы учеником знаменитого историка византийского и древнерусского искусства академика Кондакова. Папа хорошо знал и любил русскую классическую литературу. С детства я слышал имена Пушкина, Гоголя, Толстого, Лескова. В книжном шкафу стоял двенадцатитомный заветный Карамзин, которого пришлось загнать в голодные годы.

В своих книгах я часто описывал русские интеллигентные семьи. Пробразом для меня служила наша семья — папа и мама, тепло семейных отношений, царившее в нашем доме, глубочайшая порядочность, бескорыстие. Мои герои могли быть далеки от революционных идей, но с неизменным сочувствием, пониманием и уважением относились к тем, кто боролся против царизма.

Очень мне хочется успеть еще кое-что написать о русских интеллигентах, их влиянии на духовную жизнь общества. Сложить коллективный портрет.

...Тогда Катаев задумывал или, может быть, начал писать свою последнюю вещь — «Сухой лиман».

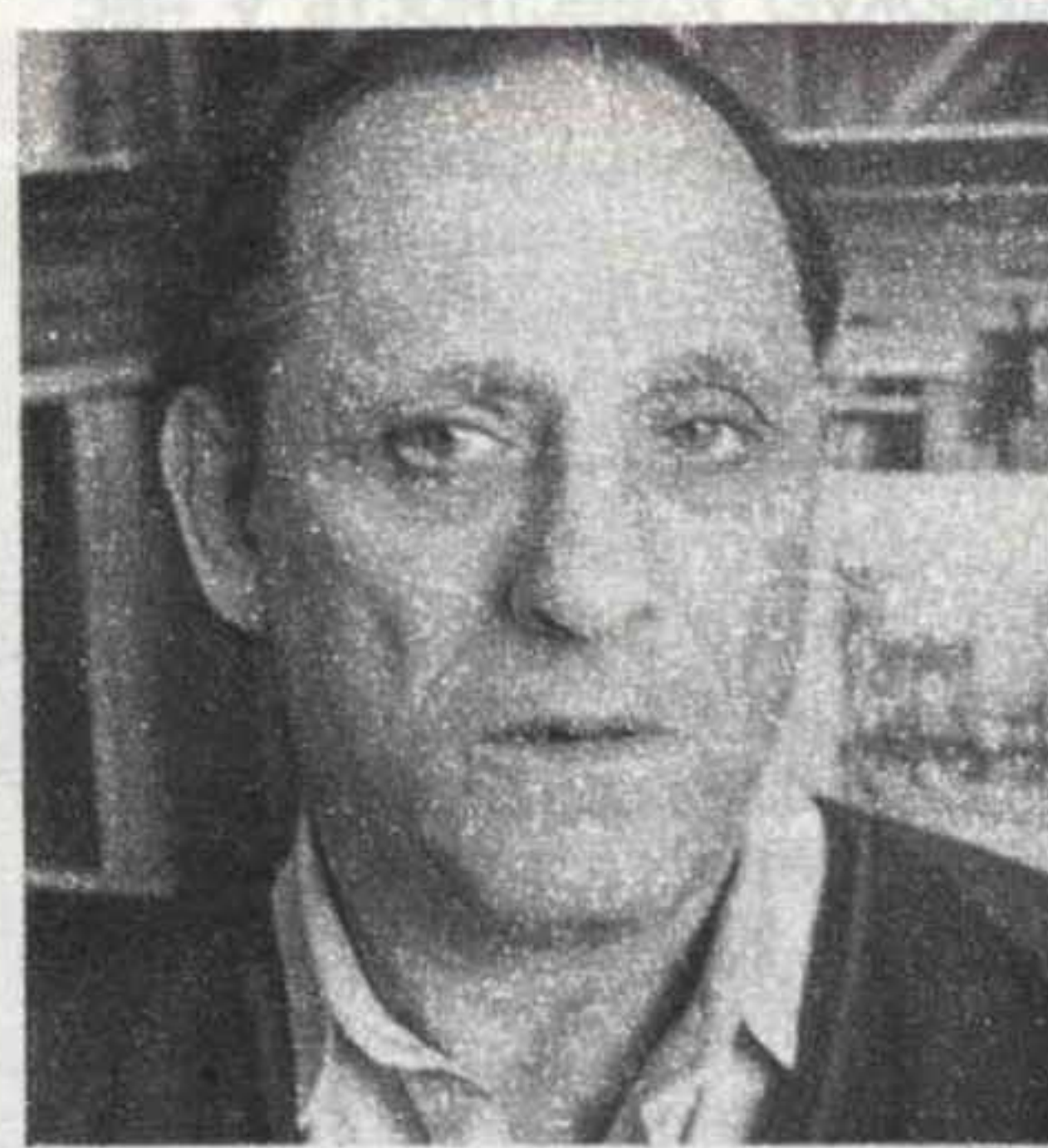
Во время одной, уже недолгой прогулки, до поворота на шоссе и обратно к дому, Валентин Петрович сказал:

— Недавно написал рассказ «Спящий». Дважды переписал. Теперь осталось чуть больше листа. Хотелось еще короче, переписать, как обычно, в третий раз, но сил не хватило. А я ведь теперь одержим манией краткости. У Бунина есть рассказы в пять-шесть строк, и какая мощь!

Помолчал и добавил: — Моя наблюдательность не ослабела. Вот только огорчают потери слов. Забываю и не сразу могу вспомнить. А врачи говорят: пишите! Ваше главное теперь лекарство — писать. Пишите все, что приходит в голову. А я и сам это знаю. Что мне еще остается? Писать целые дни.

В глазах полыхнул знакомый озорной огонек:

— Цыпленок тоже хочет жить.

Александр РЕВИЧ

НАДЕЖДЫ, ДОРОГИ И ДАЛИ

Александр Ревич, поэт-фронтовик, широко известен как мастер перевода. Автор ряда сборников. Стихи пишет с юности, постоянно живет в атмосфере поэзии и глубоко предан традициям русской поэтической классики. В его творчестве соединяются неподдельный лиризм, стремление к гармонии и драматичность современной темы.

ОБЛАКА

В распахнутом окне моем
затмили ветви окоем,
полнеба, полземли закрыли,
но с синевой вплыло в окно
кудели светлой волокно,
подобье ангельских воскрылий.

Так возникают облака,
плывущие издалека,
на солнце золотясь сквозь хвою,
сквозь листья, — к далям голубым
плывущий пар, лучистый дым,
формотворение живое.

Все дальше, выше, все вольней.
то парус, то волнистый змей.
всегда, как сон, всегда впервые,
в российском небе без границ
осенними путями птиц
плывут небесные, земные.

СОБАЧЬЯ ПЛОЩАДКА

В тот год здесь исчезал за домом дом,
работа шла в жару и на морозе:
сперва крушили стены, а потом
трудились экскаватор и бульдозер,
затем возникли краны, блоки стен,
бетонной просекой вели дорогу,
возник проспект просторный,

а затем
что было, позабылось понемногу,
но где-то здесь, в арбатских
закутках,

дома недавно площадь обступали,
в листве звенела переключка птах
и памятник стоял на пьедестале,
фонтан с литьем собачьей головы,
теперь такого не найдешь, увы,
а мы здесь мимоходом пробегали,
не замечая шумной детворы,
поскольку было нам не до игры,
поскольку было нам не

до прогулок,
и все исчезло — окна и дворы,
но этот разоренный закоулок —
в тебе не потому, что был велик,
а просто в память врезались

фасады,
собачья морда и чугун ограды
и так живут, пока душа велит.

ВЕЧЕРНЕЕ КИНО

Кино начинается рано,
и тени цветные скользят
по плоским пространствам экрана
вперед и, как волны, назад.
Кино начинается в восемь,
когда в затухание зари
темнеет прозрачная осень
и тускло горят фонари.
Кино начинается в зале,
и луч вырывает из тьмы
надежды, дороги и дали,
в которых мерещимся мы,
где мимо проносятся тени
вагонов, столбов и людей,
где роем летят сновиденья
о жизни твоей и моей,
которая прочих не хуже,
но кончилась эта игра...
Выходим. И светятся лужи,
и, видимо, дождь до утра.

ПАРИЖ. МАРК ШАГАЛ

Над Эйфелевой башней облака,
прозрачные, как переплеты башни,
в гранитных берегах течет река,
и тут же, как из пропасти

вчерашней,
на набережной, там, где берега
протяжный ряд фасадов подпирали,
растут домишки, ветхих крыш

стога,
как будто смерч принес их

на спирали
из юношеской витебской поры,
и отраженные рекой дворы
на этих берегах навечно встали,
и, заслоня башню и Париж,
столпотворенье площадей и крыш,
большой петух из невозвратной

дали
провинциальную тревожит тишь.

ЛЕДОХОД

Сны из детства: солнце, вёсны,
серый снег и скрип колесный,
колеи на глине,

путь надежный, путь окольный,
звон далекий колокольный
в поднебесной сини.

По велению природы
с громом лед ломают воды,
силою исходят,
рвут припай седобородый,
водят, водят хороводы,
разводя разводят.

А потом идет долиной
паводок, стальной лавиной
падает, играя,
берега и перекаты
размывает сероватый
паводок без края.

Это было, как сегодня:
тал затопленный и сходни,
лужицы, болотца.
Дальше, дальше год от года
гул речного ледохода...
Скоро ли вернется?..

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

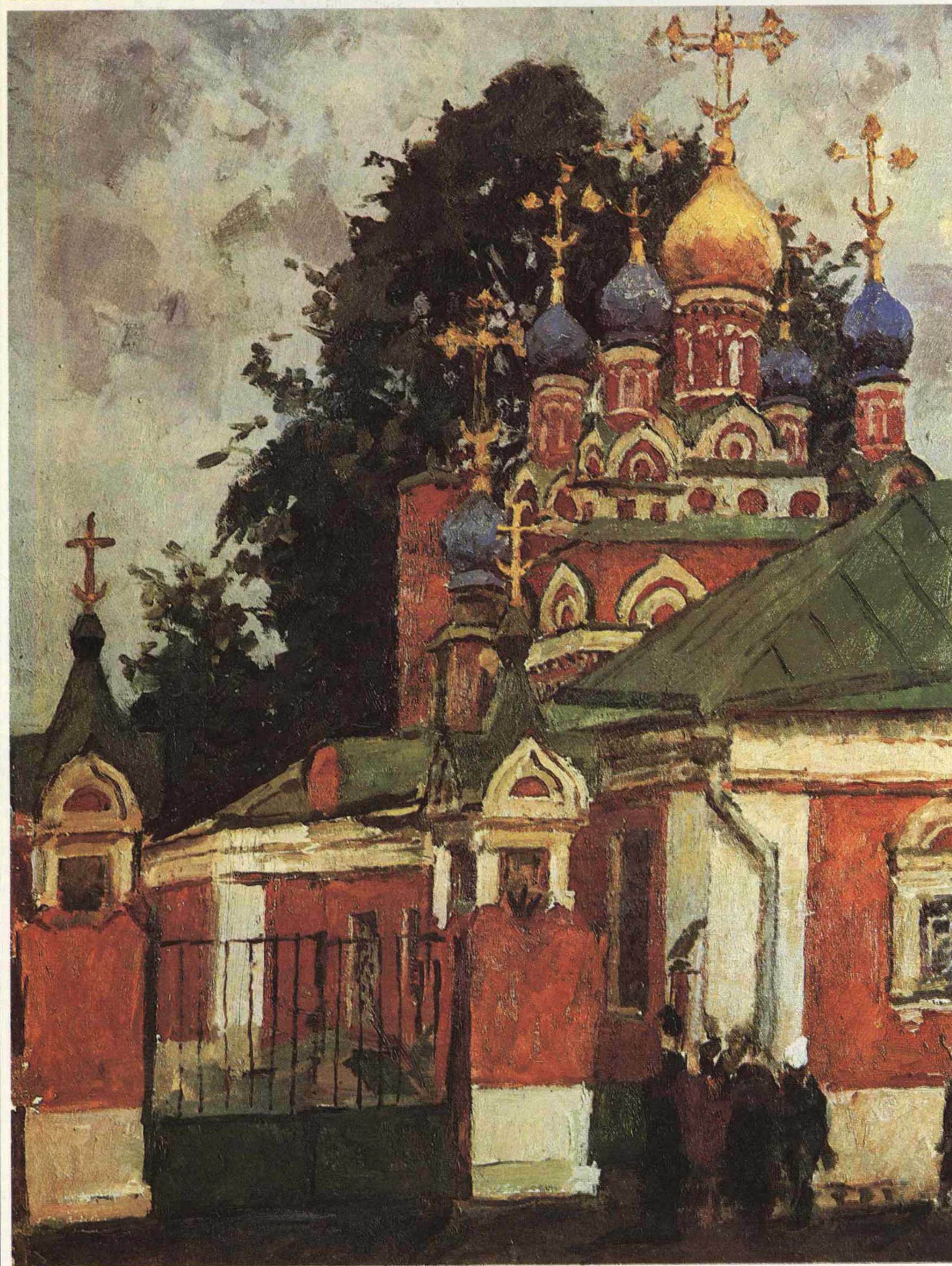
Не жили мы в тот век старинный:
в жеманный давний век, когда
звучали в ветре окарины,
струилась струнами вода.

Все это стало так туманно,
как будто не молил хорал,
не плакал голос Себастьяна
и Амадей не умирал.

Мы чудом выжили в столетье,
когда металл, огонь и страх
не призывали жить, как дети,
свистать, как птицы на ветвях.

Но мы не птицы и не дети,
все слишком далеко зашло,
не хватит нот и междометий,
чтоб выразить добро и зло,
порывы сердца и причуды...

Ведь даже серебро Иуды,
подумать, ох, как тяжело.

С. А. КОЛЯДА.
Род. 1907 г.

ПАЛИТРА

РУССКАЯ ИЗБА.
ОСОБНЯК А. А. ПОРОХОВЩИКОВА.
СТАРОКОНОЮШЕННЫЙ ПЕРЕУЛОК. 1982

ХУДОЖНИК И ЕГО ГОРОД

Встреча с подлинной архитектурой — это всегда встреча с культурой, с духовным миром предков. Архитектура — душа, образ. Образ детства, Родины.

Как-то в самолете довелось услышать радостное сообщение стюардессы: «Пролетаем город, который неизменно изменился». Зачем же неизменно? Не разрушить бы, не сломать звено, которое может быть безвозвратно утеряно. Об этом болит сегодня душа художника Сергея Авксентьевича Коляды. Представитель старшего поколения, ученик Н. П. Крымова, работающий в разных жанрах, он начал писать картины о старой Москве свыше 20 лет назад. Кирпичик к кирпичику сложилась серия, поэма о любимом городе.

Радостное чувство овладело нами на выставке Коляды, когда мы разглядывали картину за картиной. Чем это вызвано? Отмечаешь необычность выставки. Здесь нет ансамблей архитектуры, нет отдельных памятников. Есть главное — образ Москвы. Двух-трехэтажная, с замысловатыми переулками, тупичками. Каждый дом неповторим. Любовно, бережно и красиво написанные. Многого, увы, не сохранилось. Есть картины большой художественной ценности, например «Улица Кирова», да и другие.

Со временем значение этого собрания будет возрастать, как одного из наиболее полных воспроизведений вот-вот готового исчезнуть, неповторимого образа старой Москвы. Москвы светлой, доброй, соразмерной человеку.

XIX век, детство, пережитые трагедии, вера в человеческое начало питали создание этих пейзажей-исповедей. Они очень разные: добродетели старой провинциальной Москвы и жесткость казарменных сооружений николаевского времени, и совершенно противоположна толпа на Кировской, из почти сегодняшней жизни. Серия получилась полифоничной по содержанию, в которой не меньше, чем дома говорят пустые мостовые...

Художник делал историю зданий, а получилось поэтика непредсказуемого. Его руку вела жизнь со всеми ее перипетиями.

Уходит старая Москва. Уходит эпоха. Душа кричит, что культура без прошлого пуста.

Виктор КУДРИН, Юрий ЗЛОТНИКОВ,
художники

СТАРАЯ МОСКВА. 1979

КЛИМЕНТОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК. 1973

Наконец-то создан
союзно-республиканский
Государственный
комитет СССР
по охране природы.
Каким ему быть?

ПОКА НЕ ПОЗДНО

Все с большей тревогой следим мы за экологическими катастрофами разных масштабов, преследующими нашу страну. Только совершенно невежественный человек может полагать, что они результат сцепления случайных факторов. Днестр, Ладога, Арал, Кириши — все это рукотворные трагедии, авторы которых известны.

Разработка крупных месторождений, многие всесоюзные стройки идут по экологически наименее подходящим вариантам и тоже рано или поздно оборачиваются бедрами. Наш Крайний Север осваивается бесхозно. А ведь Арктика вместе с бассейном Ледовитого океана является генератором современного климата Земли и стабилизирует уровень Мирового океана.

Уже сейчас мы живем за счет природы наших внуков и правнуков — дышим их воздухом, пьем их воду, рубим их леса, добываем их полезные ископаемые. Что мы оставим потомкам, если грубейшие нарушения природопользования ежегодно вырывают из хозяйственного оборота нашей страны громадные территории, если потеряны исходные свойства половины площадей черноземов (или четверти черноземов всей планеты).

При остром и нарастающем дефиците воды погублены сотни и тысячи малых рек. Подорваны восстановительные способности лесного фонда, включая горные и водоохранные леса. Навсегда исчезли многие виды растений и животных, еще большее их число находится на грани вымирания. Атмосфера, почва, природные воды, а через них и продукты питания загрязнены химическими веществами, опасными для здоровья ныне живущих и еще не родившихся поколений.

Не может не тревожить, что сегодня при жестком централизованном планировании всей нашей экономики, природопользование ведется исключительно на ведомственном уровне, стихийно, без экологического прогнозирования. Интересы всех ведомств без исключения поставлены выше сбережения ландшафтов, растительного и животного мира, старинных городов и деревень.

Нам, научным работникам, связанным так или иначе с вопросами охраны природы, хотелось бы поделиться некоторыми из своих соображений по поводу нового комитета.

Деятельность Комитета по охране природы несопоставима по своим масштабам с деятельностью ни одного другого комитета или министерства. Она должна охватить не только всю территорию страны, но и все сферы взаимоотношений человека и общества с природой. Мы глубоко убеждены, что новый комитет должен не контролировать природопользование, а управлять им, опираясь на Советы народных депутатов. Экологическая программа комитета нам видится как важнейшая и неотъемлемая часть внешней и внутренней политики, дальнейшего экономического развития нашего государства.

Основа основ успеха всей деятельности комитета — разработка правовых норм природопользования и охраны и сведение их в общесоюзный и республиканские кодексы. При этом необходимо учитывать различия в поражае-

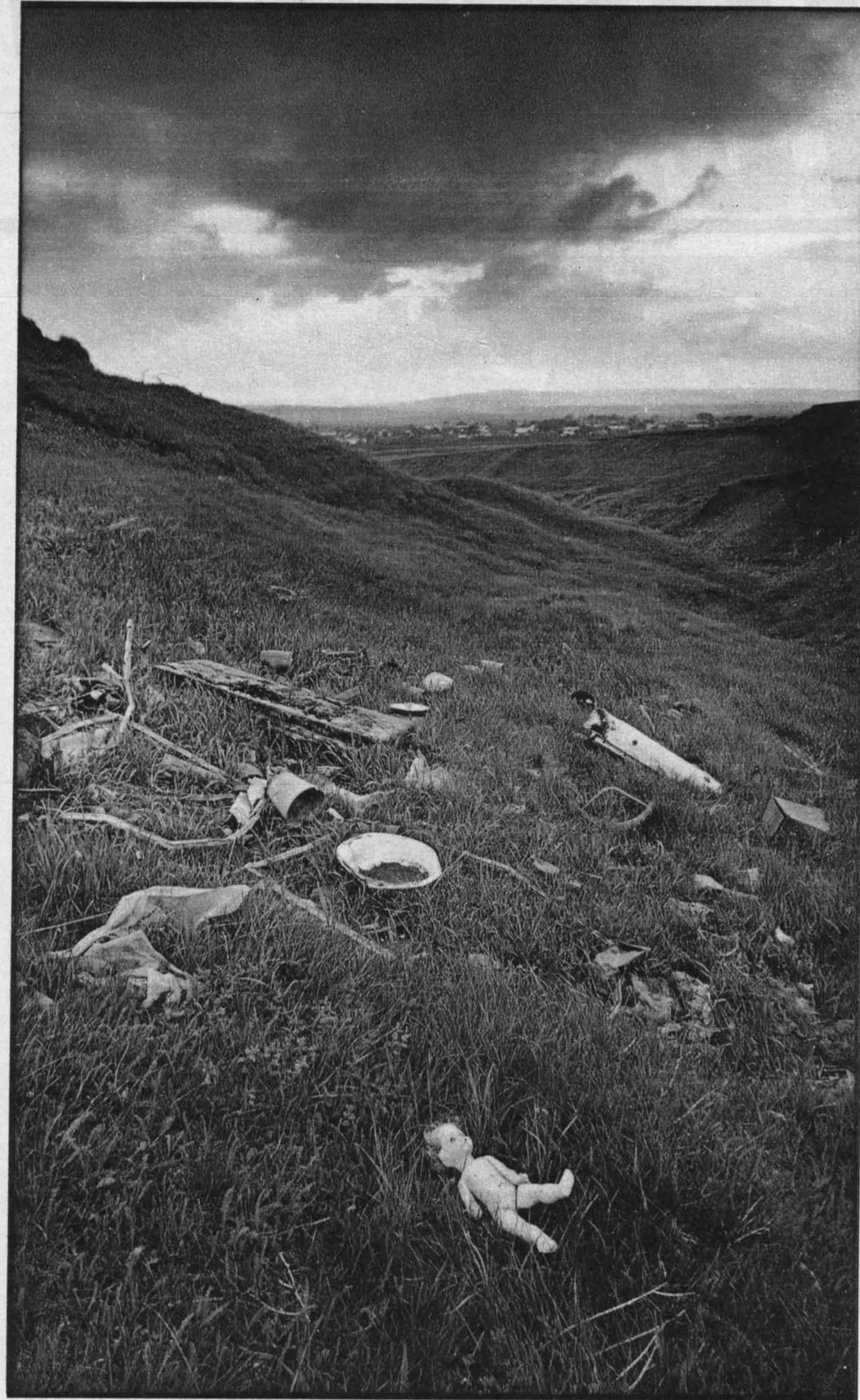

Фото Павла КРИВЦОВА

мости и восстановительных способностях природы разных регионов.

Природоохранная политика должна быть гибкой, избегать жесткого централизма, неизменяемых типовых положений по охраняемым территориям и акваториям для всех регионов нашей страны. Но одно должно быть единым — заповедные территории и акватории священные! Их земли и воды являются эталонами природы, а следовательно, вечной и самой драгоценной собственностью народа. Ни при каких условиях они не должны отчуждаться или даже частично использоваться ведомствами на сиюминутные нужды.

Наши неисправимые ошибки показывают, что принимать решения по преобра-

зованию природы, связанному с крупномасштабным строительством, нужно только после общественного обсуждения, на основе вневедомственной экспертизы и ее опубликованного заключения.

Следует юридически обеспечить приоритет традиционного природопользования всех малых народов и этнических групп СССР на их исторической территории проживания. Это вопрос особой важности для коренных жителей Севера, Сибири и Дальнего Востока. Огромный поток приезжих серьезно затруднил их жизнь в исконных местах обитания. Одна за одной исчезают и деревни поморов Белого моря, иные — ровесницы наших старых городов. Не просто люди куда-то уходят со

своей родной земли. Это уходят, растворяются и навсегда исчезают из культуры и генофонда всего человечества неповторимые национальные черты характера, этнический облик, язык, уклад жизни...

Убеждены: в вопросах масштабного и местного строительства, эксплуатации подземных недр и других природных богатств и даже в деле охраны природы законодательное слово принадлежать должно и коренному населению. Без природы малым народам не выжить!

Считаем, что необходимо пересмотреть систему публикации всех сведений о природе и нарушениях природопользования.

У нас ничтожно мало научно-популярной литературы, кинофильмов и телевизионных передач по проблемам экологии. А все это надо было создавать, как говорится, еще вчера. Человек — биосоциальное существо, и биологическим в нем пренебрегать опасно. Люди должны знать, что никакая медицина не спасет их от все растущего числа болезней, если больна природа.

Люди должны знать, что без сохранения природы немислима преемственность поколений, их культурное и этическое благополучие. Чтобы обеспечить длительное и устойчивое взаимодействие человечества с природой, от каждого из нас требуется определенный уровень нравственного сознания и чувства личной ответственности за совершаемое вокруг. По нашему отношению к природе, равно как к старикам и детям, определяется социальное здоровье общества.

Ясно, что большое значение в деятельности комитета будет иметь личность его председателя. На этом посту уместен ученый-гражданин, но не чиновник. Считаем, что ввиду чрезвычайной важности задач Комитета по охране природы председатель должен ежегодно отчитываться перед народом и раз в пять лет переизбираться на сессии Верховного Совета СССР.

Разумеется, правильная постановка природопользования и охраны природы в государственных, а не ведомственных масштабах требует серьезных экономических затрат, но вряд ли надо скупиться на это. Ведь экологически сбалансированному природопользованию разумной альтернативы нет!

Хочется верить, что деятельность комитета будет максимально гласной, а сам комитет — открытым для широчайшего сотрудничества с общественностью всей страны. Только в этом мы видим гарантию эффективности создаваемой государственной системы охраны природы.

Старший научный сотрудник
Института эволюционной
морфологии и экологии животных
имени А. Н. Северцова АН СССР
доктор биологических наук
Людмила БОГОСЛОВСКАЯ

Старший научный сотрудник ВНИИ
охраны природы
Госагропрома СССР
кандидат биологических наук
Владимир КАЛЯКИН.

У КОГО БОЛИТ ГОЛОВА?

ПРОШУ СЛОВА!

Один московский инженер, вполне приличный человек, передовой производственник и семьянин, начальник цеха на Ростокинской меховой фабрике № 2, решил стать изобретателем. Ему изобретать захотелось и двигать технический прогресс, поскольку он не предвидел всех возможных последствий этого своего, согласитесь, неосторожного желания. Он был не в курсе. Ему говорили, но что говорить, если у человека свербит. Не внял.

Рисунок И. КОПЕЛЬНИЦКОГО

Евгений ДОБРОВОЛЬСКИЙ

А был бы, как все... — будь, как все, и тебя поймут, не высовывался бы, не выпендривался, не выдрючивался, одним словом, не возникай, — таков закон дороги, а значит, всякого движения, и это самое главное — не возникай! — жил бы себе и жил. Но он молодой, горячий, махал руками, заметку написал в стенную газету, говорил: я всех в меха одену! Я! Я... И в конце концов в какой-то роковой момент его душа выскальзывает из-под контроля, как кусок мыла из мокрых рук. Он конструирует такое приспособление, эдакий шаблон, состоящий из двух профильных, пружинящих пластин, два конца которых соединены жестко, а два других — как-то иначе, что позволяет начать производство в ином режиме. И возникают перед инженером, начальником цеха удивительные возможности и перспективы. Дело в том, что испокон веку меховые воротники кроили, обшивали тесьмой, увлажняли, правили волосняным покровом вниз, их набивали гвоздями на специальный щит сразу по сколько-то там штук, предварительно мелом означив место для каждого, щит ставили в сушильную камеру, затем, по прошествии установленного времени, согласно тех-

нологии, выкатывали назад, гвозди отдирали, тесьму спарывали, очищали волос от мела, от пыли, расчесывали щеткой, накладывали контрольное лекало, обрезали лишнее и так далее. Там много операций. Метод этот назывался «гвоздевым», и счет был на каждый воротник по 100—150 гвоздей. Но вот наш инженер, а зовут его Д. В. Раксин, решает, что поскольку меньших наших братьев мы давно уже не отстреливаем по лесам свинцовой дробью, а тихо, культурно выращиваем в железных клетках, так нам удобней, и снимаем с них шкуру «чулком», то и нужда в гвоздевом методе со всей его многоступенчатостью отпадает. Меховые вещи, воротники в том числе, запросто можно формовать, но этого никто в мире не делал в силу инерции мышления. И вот наш начальник цеха делает умный чертеж, и с этим умным чертежом идет к столярам А. Д. Бурдакову и И. Е. Новикову и говорит: ребята, будьте добры, не бесплатно, конечно — о чем речь! — за нами не станет, отметим и стимулируем. О, кэй! — говорят столяры. А пока наш инженер тихо, скромно оформляет возникшую идею и подает заявку в отдел предварительной экспертизы в институт ВНИИГПЭ. Далее события развиваются в сногшибательном варианте, потому что оказывается вдруг — и кто бы мог подумать? — что сделано не одно, а сразу два изобретения! Во-первых, новый способ: никто никогда прежде меховые изделия не формовал, прецедентов нет, а во-вторых, изобретено приспособление, шаблон или лекало, которое и было доблестно сработано

двумя нашими столярами в перспективе обещанного стимулирования из наличного фонда в полном соответствии с полученным чертежом. Отличная вышла вещь. Идем дальше.

Можно предположить, что инженер находится в эйфорическом состоянии. Ему разные технические горизонты рисуются, почетные грамоты, цветы, женщины, может, ордена и медали, я не знаю, и он приходит, его можно понять, к тонкому выводу. Он понимает — его вся наша жизнь к этому подготовила, школа и комсомол и фотографии лауреатов в газетах для того, чтобы широко двинуть свой замысел, — надо взять соавторов, желательно людей с определенным общественным весом, ибо дело у тебя никогда не стронется с мертвой точки зрения, пока ты один. Единица — вздор, единица у нас форменный ноль на постном масле, мы сильны, когда плечо к плечу. И потому Раксин, подумав, приглашает к себе в соавторы директора фабрики (от директора многое зависит), главного инженера (главный инженер определяет техническую политику предприятия, станет поперек — и внедряйся у себя на кухне), главного технолога (то же самое) и передового рабочего, чтоб был социальный спектр. Знающие люди говорят, что он очень правильно поступил, ну просто очень даже прекрасно, молодой-молодой, а сделал все, как надо, и ходит наш изобретатель по своей меховой фабрике № 2, как Эдисон или отец и сын Черепановы, и все ему улыбаются.

Между тем постепенно выясняется, что новый способ гораздо удобней ста-

рого, «гвоздевого», он технологичней, позволяет улучшить условия труда, обеспечивает высокое качество, его внедряют на московском меховом объединении «Труд», Бельцком меховом комбинате, Харьковской меховой фабрике, чуть позже — на меховой фабрике «Белка» и меховой фабрике «Электра», а потом — на Татарском меховом производственном объединении в Казани, и тогда же определяют, что только за первый год экономия от внедрения составила больше одного миллиона рублей, точнее — 1 167 525 рублей, и, значит, авторам положено вознаграждение в размере двадцати тысяч. Но пока все тихо, никто ничего, не ссорятся, не шумят, разговоры о банкете в «Праге» сменяются дружескими шуточками и подтруниванием в адрес изобретателя: вот, мол, товарищ Раксин, так дело пойдет, мы (мы!) государство разорим.

За второй год экономический эффект определяется уже суммой более двух миллионов — 2 миллиона 517 тысяч, — соавторы, скромно потирая руки, кто с портфелем, кто с чем, нестройной группой в затылок устремляются к открытой кассе, откуда сквозит запахом иной жизни, получают 20 тысяч на всех, и тут выясняется, что по второму изобретению — ведь изобретений-то два! — тоже положено 20 тысяч, но Раксин в заявку почему-то вписал только себя одного. Это как же так? Вместе работали, так все хорошо получилось, и не вписал... «Он нас всех вокруг пальца обвел», — с мрачным достоинством говорит директор.

Любопытный феномен для науки психологии: человек верит, что сделал то, чего вовсе и не делал. Его вписали, а он верит, что сам. Что все по-честному. Причем верит неколебимо. Или это присуще человеку как виду? Ты воду носил, он кашу варил, я тоже что-то делал, а уже потом ел. Человеку, видимо, надо думать, что он не просто так получил деньги, которые уже успел истратить. У директора prerogative руководящей должности, он себе в заслугу ставит понимание общей линии, нацеленность коллектива, накал энтузиазма — самые непроверяемые вещи; главный инженер уверен, что определял техническую политику, и раз все так удачно получилось, то правильно определял; главный технолог — то же самое; передовой производственник вкалывал. Иди проверь, денежное же вознаграждение почему не считать чем-то вроде «тринадцатой зарплаты» или «лечебных» в конце года? «Я ему покажу, — говорит директор, — только, понимаешь ли, себя создали, сработались... Он у меня попляшет!» Но изобретателя на фабрике уже нет, он откомандирован в Научно-исследовательский институт меховой промышленности (оказывается, в Москве есть и такой, ВНИИМП) и там с января по август, за

неполных восемь месяцев, подает заявки еще на три изобретения. У него задумки были...

И вот удивительные слухи ползут по меховой фабрике №2 под гулками ее закопченными потолками, по всем ее чetyрем этажам старинной, еще купеческой кладки, по крутым стоптанным лестницам, пропахшим мездрой и табачным дымом, по цехам — подготовительному скорняжному, портновскому... — и все про изобретателей, что вот, мол, есть на свете ловкачи, эдакие ловчицы, не сеют их, не жнут, плюнул — двадцать тысяч! Плюнул еще раз — и снова. И вот тут-то в действие вступают наши столяры, помните, Бурдаков и Новиков? Они заявляют: «Мы сами все делали! Он только идею дал». Идея что? Трепыхание стрекозиных крыл, философ Кант, идеализм какой-то, и не больше того. Но компетентные инстанции в лице Всесоюзного объединения меховой и овчинно-шубной промышленности разъясняют: мы вас понимаем, но в данном контексте идея — это и есть самое главное. Жалоба меняется: «Мы сами все делали! Он нам только выкройку дал». Выкройку, то есть чертеж. Идея больше не упоминается. Теперь дается разъяснение, что по закону лица, оказавшие изобретателю техническую помощь, авторами не считаются. Но на одной стороне логика, а на другой — живые 20 тысяч! Да там еще три изобретения светятся, тоже надо посмотреть. Пусть нас вписывает в соавторы! — требуют столяры. — Почему он директора вписал, тот вообще ни хрена не делал! Почему им все можно, а нам нельзя? Вопрос приобретает социальную заостренность. И в самом деле, почему одним можно, другим нельзя? Почему на нашей фабрике закон не для всех? Почему? Потому только, что их меньше, а нас больше? Так ведь, наверное, уже и не так: их больше. Нас меньше. Все руководить хотят! Вынь и положь человеку должность!

Столяры довольно сильно шумят на эту тему, однако никто на них не обижается, напротив, директор вступает с ними в контакт, и они под его диктовку пишут: «Мы люди рабочие и всех тонкостей не знаем, но директор фабрики нас просветил, сказал, что Раксин получил за изобретение большие деньги...» Ни «идея», ни «выкройка» больше не фигурируют. Деньги! И при этом большие! Официальные соавторы уходят в зыбкую тень, выставив вперед Бурдакова и Новикова, и борьба приобретает затяжной, изматывающий характер, и происходит все это не где-нибудь в притонах Сан-Франциско или в зланных портовых тупиках Гонконга, где ого-го, а у нас, в Москве, в Первомайском районе, по месту жительства изобретателя — первое исковое заявление в нарсуд, будьте любезны! На пережитки капитализма в нашем сознании не сошлешься, ни на родимые пятна, ни даже на бородавки — все неубедительно, что-то тут мы проморгали, какая-то классовая ненависть в нас к тем, кто больше нашего получает или лучше нашего живет. Мы требуем сей секунд отнять и разделить! А то, что, отняв и разделив, все-таки надо работать и головой тоже, об этом как-то забывается. Мы к творчеству, донельзя затаскав это высокое слово, стали относиться как к учрежденческой нашей самодеятельности: получил удовольствие, мы тебе похлопали, поблагодарили, и отвали со сцены. Будет с тебя.

Бурдаков и Новиков требуют признать их соавторами, в дело включаются народный суд, сослуживцы и домочадцы, изобретатель получает письма: «Давайте вписывайте, вам же хуже будет!» Ему звонят какие-то люди и тоже о том же, но наш изобретатель уперся, как бычок, всегда такой разумный,

а тут замкнуло у него, и ни в какую. «Давишите же вы их! Не отстанут иначе. Что вам стоит? Директора вы вписали? И их впишите. Неразумно как-то из себя невинность строить в таком раскладе», — вполне дружески советует заведующий отделом легкой промышленности ВНИИГПЭ тов. Блинников. «Не впишу!» — кричит изобретатель. — Не впишу!» И, может быть, даже топает ногами. Ему, видите ли, обидно. «Вот так, — говорит директор или он этого совсем не говорит, а только думает, но мысль его точно улавливается, — вот так будет со всеми, кто идет вразрез!»

В общем, пишутся заявления, идут судебные разбирательства, инженера берут «на поняль», его в подъезде кто-то небритый встречает и, дыша в лицо чесночным перегаром, требует вписать. «Ты меня понял?» Стекла пока не бьют, этого не было, но близко к тому, и вот в самый разгар борьбы выясняется вдруг, что делить-то нечего: авторские свидетельства, оба разом, отменены. То ли где-то решение состоялось, чтобы не платить, то ли в Комитете по делам изобретений скопили эти надоели. Но все это догадки — выяснить, кто конкретно и почему аннулировал, до сих пор не представляется возможным. Концов не найти.

Инженеру приходит официальная бумага по домашнему адресу, из которой следует, что авторские свидетельства выданы ошибочно, кто-то ошибся, ибо есть норвежский патент, опубликованный в 1955 году, и там описана расплочка для сушки меховых шкурок, и она очень похожа. Инженер торопливо идет в библиотеку, достает норвежский патент и через неделю доказывает, что его изобретения ничего общего с расплочкой не имеют. Ах, верно, рассматрив его доводы, охотно соглашается Комитет, ну что ж... и предлагает ознакомиться с книжкой «Словарь-справочник по меховому сырью» 33-го года издания, там есть правилка для правки шкурок и, сдается, тоже очень похожая. Автор идет в библиотеку, достает указанную книжку-словарь и через некоторое время доказывает, что ничего общего с той правилкой его изобретения не имеют. Проходит год... Верно, в очередной раз добродушно соглашается Комитет и предлагает взглянуть в книгу «Введение в скорняжное производство», там одна форма есть... Инженер, нервно всхлипывая, идет в библиотеку (а шел бы он куда подальше!), и еще год проходит, а там у Комитета в запасе переписка по вопросам полезности, качества, местах внедрения... Все отработано, и это надолго.

А как же наш изобретатель, мы оставили его откомандированным в научно-исследовательский институт меховой промышленности? Он там не ужился среди докторов и кандидатов наук. И я не стану их судить. Как могут относиться ученые люди к человеку, который один сделал больше изобретений и принес пользы больше, чем весь их институт? Пусть он даже святой или глухонемой, он все равно молчаливый укор. И мы тех научных сотрудников готовы понять, но кто-то другой запросто может подумать, что они бездельники. Изобретатель хочет вернуться к себе на фабрику, но не тут-то было, его место ликвидировано. Он устраивается на работу не по специальности, здоровье его подводит, попадает в больницу...

И вот работает изобретатель в тихой конторе, перебирает бумажки и вовсю переписывается с Комитетом. А в это самое время в Москву поступают сведения, что в Париже французская фирма «Жан Келиз» — магазины, ателье, залитые светом манекенщицы зябко кутаются в меха — патентует наш родной метод, и, значит, мы, не защищенные авторским свидетельством, за-

хоти продать за границу меховые предметы, сделанные не «гвоздевым», а новым, теперь, как оказывается, французским, методом, должны будем платить Келизу. И не в рублях, разумеется.

В Комитете по делам изобретений пытались нам что-то объяснить, но невнятно. Двадцать тысяч, со вздохом говорили в Комитете. Но это не сразу, это чуть погодя, когда прониклись доверием, то ли размышляя, то ли мечтая о сокровенном. Двадцать тысяч... И еще двадцать. И в одни руки. «А вам какое дело?» — так не скажешь: мы ж за все в ответе. А потому сидишь и слушаешь.

— Вам долго надо работать, чтоб получить такие деньги?

— Нам долго...

Но, по-нашему, оценивая всякую работу, надо бы учитывать, кроме затраченного времени, еще и принесенную пользу.

Так-то оно так, умно щурится собеседник, а нравственность? И начинается разговор о понятиях моральных, будто в первую очередь надо беспокоиться о том, что, получив такие суммы, человек первым делом непременно оставит семью, кинется ходить по ресторанам и вообще вести паразитический образ жизни. И все это, честное слово, на полном серьезе! Помню круглое лицо нашего собеседника, все в каких-то рытвинах, серое и плоское, как лунная поверхность, его тихий голос, в котором сквозит государственная прозорливость, сокрушающаяся о том, как это нехорошо, если человеку заплатят за одно, потом за второе, потом за третье изобретение. Много получится, а много — это нетрудовые доходы. Трудовые — это когда мало.

Мы ходим по ответственным кабинетам. Мы за наш приоритет во всем, нам обидно, что французы нас обскакали. Платить же придется! Лучше б мы на свое это изобретение лицензию продали, глядишь, и с Келиза бы взяли, и еще со многих. «А это пусть у Патолочева голова болит», — отвечает другой собеседник, нетерпеливо барабаня пальцами по столу. Патолочев в те поры был министром внешней торговли, и сама интонация предполагала, будто министр из своего кармана расплачивается, это его министерские, высокие заботы, а мы люди маленькие, наше дело сторона.

Я написал тогда фельетон. Я назвал его «Сумму пишите прописью», и он был опубликован, и было это десять лет назад. Тогда было много откликов, читательских писем, и товарищи из Комитета наперебой радостно объясняли, что можно не волноваться: никаких денег французу платить не станем, пусть оботрут, все равно ихний патент нам не указ и вообще как-то там не так, не страшно складывается для нашей стороны. Ну вот и хорошо. А как же наш инженер, наш изобретатель через десять лет после того фельетона и через восемнадцать после того, как неосторожно решил изобретать (теперешний свой фельетон хотелось назвать «Двадцать лет спустя», мне двух лет не хватило)? Как обстоят его дела, и зачем снова возвращаться к нему? Он все так же сражается с патентной экспертизой, он опровергает их возражения, они соглашаются, а потом выдвигают что-нибудь новое. И ощущение у него, точно он сражается с драконом: срубил одну голову, на ее месте вырастают две новые. Авторских свидетельств не восстанавливают. Платить не платят, и нет груди, к которой бы мог припасть наш изобретатель и пролить горькую слезу. Нет такого учреждения, которое бы ставило себе целью защищать его интересы. Он для всех чужой, вроде кустарь-одиночка или хуже того, технический авантюрист, инженер Гарин, мечтающий разбо-

гатеть за наш с вами счет. Впрочем, никаких денег ему уже и не надо. Он о них забыл. И изобретать никогда не станет. Отучили его. Он требует: «Восстановите мое честное имя!» Ну что с ним поделаешь... По-нашему, в таком разе гори оно все ясным пламенем, а он сражается, пишет жалобы на Комитет, только все они почему-то туда же, в Комитет, и возвращаются вроде для принятия мер, и заинтересованные люди отвечают по трафарету, единственно дата каждый раз меняется. И с каждым новым ответом на жалобу такой подтекст просматривается: изобретатель должен понимать, что давно попал в разряд склочников и терпение у руководящих товарищей, отвечающих за изобретательское дело в стране, вот-вот лопнет со всеми отсюда вытекающими...

Тем не менее недавно была создана высокая комиссия, чтоб в конце концов разобраться, и для начала решено было сравнить старый и новый способы, и выяснилось, что старым, «гвоздевым», уже никто у нас в СССР не работает, все перешли на новый, а экономия за эти годы перевалила будто бы за миллиард! Но в ходе выяснения — это самое главное — обнаружили, что до сих пор невозможно найти того товарища, который отменил авторские свидетельства, чтоб узнать, какие у него были на то основания. Подпись на бланке есть, а чья она подпись, до сих пор неизвестно. Персонально чья? С кого спрашивать? «Подпись не расшифрована. Чья это подпись, установить не представляется возможным», — так говорится в официальных ответах, а раз «не представляется возможным», все идет на следующий круг, и конца края этого заколдованного движения не видно. Такая вот карусель! И это при том, что наш инженер работает рядом с Комитетом, почти дверь в дверь. А если б он жил не в Москве, а во Владивостоке или Тюмени, был бы совсем хворым, не имел бы бойцовских качеств характера? Кого это волнует...

Не нужно, конечно, отчаиваться. Жизнь бурлит. Такие перемены кругом! Но временами обидно: с мехами плохо, меховых шапок нет, уши мерзнут. В синтетике голова потеет, и мысли в ней разные. Ладно, что дубленок нет, они не в моде уже, и утешаться можно — их нет, но ведь зато есть у нас институт меховой промышленности, целое научное учреждение, люди диссертации пишут, от этого как-то теплей. Супруга тут достала себе воротник из крашеной кошки. «Смотри, — говорит, — как норочка». Научились. Говорят, специальные люди ходят с мешками по лестницам, отлавливают мушек и барсиков. Приспособились. Мы ко всему приспособимся, но обидно. Временами. И мысль такая возникает, кто ж будет двигать нашу технику, науку, ту же металлургию, радиохимию, электронику, в которой я ничего не понимаю, тонкую химическую технологию и разные другие, как теперь говорят, интеллектуально емкие, вещи? Кому все это нужно, для чего и зачем?

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Грэм ГРИН

РОМАН

Рисунки
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

Руководители британской разведки подозревают, что в одном из ее отделов работает двойной агент. Во время проверки у сотрудника этого отдела Дэвиса нашли в кармане секретный документ, который он хотел прочесть во время обеда. Спустя несколько дней Дэвис пригласил Касла поужинать в кафе с ним и с доктором Персивейлом. Они проводят вечер втроем, а когда расстаются с доктором, Касл недоумевает: зачем это понадобилось Персивейлу? Дэвис признается, что до прихода Касла доктор рассказывал о совершенно секретных работах над каким-то смертоносным препаратом, которые ведутся в одном из центров. Касл говорит Дэвису, что это похоже на продолжение проверки. История, рассказанная Персивейлом, может быть правдивой, но уже рассекреченной. И тот агент, которого подозревают, должен передать полученную информацию по своим каналам связи. Касл понимает, что могут проверять как Дэвиса, так и его самого.

Совещание не показалось Каслу таким уж важным. Присутствие представителя контрразведки, которого Касл видел впервые, объяснялось тем, что главным вопросом в повестке дня было более четкое, чем в прошлом, разграничение полномочий МИ-5 и МИ-6. До второй мировой войны МИ-6 никогда не действовала на территории британской империи, где все вопросы были вверены МИ-5. Однако установившаяся система была нарушена в Африке после поражения Франции, когда потребовалось руководить работой агентов в колониях правительства Виши с территории Англии.

После войны старая система так и не была восстановлена до конца. Танзания и Занзибар официально объединились в одно государство, которое являлось членом Британского содружества. Тем не менее нелегко было рассматривать практически изолированный Занзибар в качестве территории Англии при наличии там военных лагерей, которыми управляли китайцы. Проблемы возникали и из-за того, что в Дар-эс-Саламе находились резидентуры как МИ-5, так и МИ-6, и отношения между двумя секретными службами нельзя было назвать ни тесными, ни дружескими.

— Соперничество, — заявил «С», открыв совещание, — имеет свои преимущества до определенных пределов. В целом ряде случаев мы перестали доверять друг другу, не всегда обменивались информацией об агентах, иногда дело доходило даже до того, что и разведка, и контрразведка оплачивали услуги одного и того же агента.

После такого вступления «С» сел, дав возможность высказаться представителю МИ-5.

Из присутствующих Касл знал лишь немногих. В зале находился, например, худощавый седой мужчина с выпирающим кадыком. Его звали Чилтон, поговаривали, что он дольше всех работает в конторе. В разведку Чилтон пришел до войны, и поразительно, но не нашёл себе врагов. Теперь же он главным образом курировал Эфиопию. Кроме того, Чилтон считался крупнейшим из ныне здравствующих специалистов по нумизматике восемнадцатого века, поэтому его довольно часто приглашали для консультации в аукционную фирму «Сотби». На совещании присутствовал и бывший гвардеец Лейкер. Он выделялся рыжеватыми волосами и пышными усами, а занимался Лейкер арабскими странами Северной Африки.

Представитель контрразведки закончил разговор о дублировании деятельности спецслужб. «С» подытожил дискуссию:

— Итак, подведем итоги. Назовем это соглашением, достигнутым в конференц-зале 121. Убежден, что мы намного лучше стали понимать друг друга. Было очень любезно с вашей стороны, Пуллен, что вы посетили нас.

— Пуллен.

— Прошу прощения, Пуллен. А теперь, если не возражаете, нам бы хотелось обсудить кое-какие наши проблемы...

Когда дверь за Пулленом закрылась, «С» продолжил:

— Мне обычно немного не по себе от общения с ребятами из МИ-5. От них почему-то всегда отдает неким полицейским душком. Это, впрочем, естественно, ведь им приходится ворошить грязное белье. А вот разведку я всегда считал более интеллигентным занятием. Но я неисправимо старомоден.

Голос Персивейла послышался откуда-то из дальнего угла зала. Касл вначале не заметил его на совещании.

— А мне всегда больше импонировали люди из МИ-9.

— А чем занимается МИ-9? — переспросил Лейкер, поглажив свои пышные усы. Он прекрасно знал, что на фоне сотрудников спецслужб он один из немногих обладал настоящей военной выправкой.

— А это я уже давным-давно запомнил, — сострил Персивейл, — тем не менее они намного симпатичнее.

Чилтон хмыкнул.

— Полагаю, что они занимаются вопросами эвакуации агентов во время боевых действий, или это сфера компетенции МИ-11? — добавил Уотсон. — Мне казалось, что их уже распустили.

— Да, действительно я тоже их давненько не видел, — обнадеживающим, как и подобает доктору, голосом заметил Персивейл. Он словно рассказывал о симптомах гриппа. — Наверно, их уже пустили в расход.

— Кстати, — вспомнил «С», — Дэвис здесь? Я хотел обсудить с ним один документ. Мне так и не удалось пока познакомиться с ним, хотя я изучал работу сектора 6.

— Он пошел к зубному, — ответил Касл.

— Меня об этом он не предупредил, — пожаловался Уотсон.

— Ничего страшного, это не срочно. Вообще в Африке никогда нет ничего срочного. Если перемены и случаются, то их приходится долго ждать, и, как правило, они недолговечны. Жаль, что в Европе все по-другому.

Сэр Харгривз сложил документы и незаметно вышел из зала. Так обычно поступает хозяин дома, понимая, что гостям будет намного лучше без него.

— Странно, — заметил Персивейл, — я на днях осматривал Дэвиса, и на зубы он не жаловался. Наоборот, он сказал мне, что с зубами у него никогда проблем не было, в кино даже можно сниматься. Кстати, Касл, вас не затруднит сообщить мне фамилию его дантиста? Мне как врачу это пригодится. Если Дэвиса действительно беспокоят зубы, мы порекомендуем ему нашего специалиста. Так будет надежнее.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава I

Доктор Персивейл пригласил сэра Джона Харгривза на ленч в свой клуб «Реформ». У них вошло уже в привычку раз в месяц, по субботам, когда большинство членов клуба уезжало за город, поочередно обедать то в «Реформе», то в «Травеллерзе». Улица Пэлл-Мэлл, отливавшая, подобно викторианской

гравюре, стальным блеском, была обрамлена высокими окнами.

Бабье лето почти кончилось, часы перевели на зимнее время, и легкий холодный ветерок говорил о приближении настоящих заморозков. Трапеза началась с копченой форели, что побудило сэра Джона рассказать Персивейлу, что он серьезно подумывает над тем, чтобы запустить рыбу в ручей, отделяющий парк от плодородных угодий.

— Мне потребуется твой совет, Эммануил, — сказал Харгривз.

Они обращались друг к другу по имени, лишь оставаясь наедине. Довольно долго мужчины обсуждали, как ловить форель, точнее, говорил больше доктор Персивейл, поскольку познания Харгривза в данной области были весьма скудными, и он был уверен, что доктор без особого труда может вот так болтать до самого ужина. Разговор тем временем непроизвольно перешел на другую излюбленную тему — какой клуб лучше.

— Если бы меня мучили угрызения совести, — заметил доктор Персивейл, — я бы непременно вышел из клуба. Но мне очень нравится здешняя кухня, и копченая форель, которую тут готовят, — прости, Джон, — лучшая во всем Лондоне.

— Ну, а мне не меньше нравится, как готовят в «Травеллерзе», — вставил Харгривз.

— Да, но ты забываешь их фирменный мясной пудинг с почками. Знаю, тебе будет не очень приятно, но мне он нравится даже больше мясного пирога, приготовленного твоей женой. Любая выпечка не сочетается с мясным соусом, а вот пудинг впитывает соус и, можно сказать, стимулирует усвоение пищи.

— А с какой стати ты заговорил об угрызениях совести, Эммануил, словно она у тебя есть, в чем я искренне сомневаюсь?

— Ты, вероятно, знаешь, чтобы стать членом этого клуба, я должен был подписать декларацию в поддержку закона 1832 года о реформе парламента. Закон на самом деле был не хуже многих других, принятых впоследствии. Например, закона, дающего право голоса с восемнадцати лет. Однако именно закон 1832 года дал дорогу в жизнь ущербной доктрине «один человек — один голос». Даже русские в пропагандистских целях стали теперь использовать эту формулировку, хотя они достаточно умны, чтобы выносить на всенародное обсуждение мало-значные вопросы.

— Однако реакционер же ты, Эммануил. Хотя, мне кажется, есть что-то в том, что ты говорил о пудинге и выпечке. Ну, а пудинг мы обязательно попробуем на будущий год, если сможем позволить себе охоту.

— Если это будет не по силам, благодари тогда пресловутую доктрину «один человек — один голос». Будь до конца честен, Джон, и признай, к чему привела в Африке эта дурацкая затея.

— Полагаю, нужно время, чтобы подлинная демократия заработала в полную силу.

— Такая демократия никогда не заработает.

— А ты что же, предпочел бы вернуться к системе, при которой право голоса имеет только глава семьи? — спросил Харгривз.

Он никогда не мог сказать, насколько серьезен был Персивейл.

— Вот именно, а почему бы и нет? Уровень дохода, необходимый для получения права голоса, можно соответствующим образом скорректировать, естественно, с учетом ежегодной инфляции. Например, сейчас оправдано было бы установить уровень дохода в размере четырех тысяч фунтов в год. Это позволило бы горнякам и докерам участвовать в голосовании и решило бы многие наши проблемы.

После кофе они, не сговариваясь, вышли из клуба и окупились в прохладе Пэлл-Мэлла. Старая кирпичная кладка Сент-Джеймского дворца поблескивала как затухающий костер, и лишь страж у ворот выде-

лялся ярко-красным одеянием, однако и этой искре суждено было погаснуть в серых осенних сумерках. Мужчины перешли через дорогу и углубились в парк.

— Если ненадолго вновь вернуться к форели... — заговорил Персивейл.

Они выбрали скамейку, с которой можно было наблюдать за утками, легко и плавно скользившими по поверхности пруда. Оба мужчины были в тяжелых твидовых пальто, которые носят люди, избравшие эту страну своим местожительством. Мимо прошел человек в котелке, он размахивал зонтиком и хмурился, погрузившись, очевидно, в свои мысли.

— Это Броунз, с «э» на конце, — заметил доктор Персивейл.

— А ты многих знаешь, Эммануил.

— Один из экономических советников премьер-министра. Каким бы он там ни был, но голосовать за него я никогда не стану.

— Итак, давай немного, если не возражаешь, поговорим о делах. Сейчас мы с тобой одни. Полагаю, ты опасаясь, что в клубе полно подслушивающих устройств.

— Еще бы... Не опасаться, когда находишься в окружении фанатиков, одержимых идеей «один человек — один голос»? Если бы им позволили дать право голоса всяким там каннибалам...

— Не стоит в таком тоне говорить о каннибалах, —

возразил Харгривз. — Некоторым из моих близких друзей довелось быть каннибалами. И все же теперь, когда этот Броунз с «э» на конце уже не в состоянии услышать нас...

— Джон, я внимательно изучил все материалы вместе с Дейнтри и убежден, что Дэвис — именно тот человек, которого мы ищем.

— Дейнтри тоже так думает?

— Нет. Все построено на косвенных уликах, как в таких случаях и бывает. А у Дейнтри несколько иной, сугубо правовой подход. Мне трудно притворяться, что я ему симпатизирую. У полковника совершенно отсутствует чувство юмора, зато, само собой разумеется, он весьма добросовестен. Пару недель тому назад я как-то провел вечер вместе с Дэвисом. Он не такой заядлый пьяница, как Бургесс и Маклин, но пьет он много. И парень стал пить еще больше после того, как мы начали проверку, так мне кажется. Как и те двое, как, впрочем, и Филби, он явно находится в каком-то напряжении, скажем, в состоянии маниакальной депрессии, а такое состояние часто близко к шизофрении, когда двойной агент считает себя центром внимания. Он рвется за границу, — видимо, догадывается о слежке за собой, а попытаться уйти ему скорее всего запретили. В Лоренсу-Маркише мы, конечно, не сможем контролировать его действия, ну, а для них это весьма выигрышное местечко.

— Так как же насчет улик?

— Здесь тоже не все так гладко, но разве мы можем себе позволить сидеть сложа руки и ждать классических улик, верно, Джон? Так или иначе, но мы не собираемся устраивать судебный процесс. Итак, остается еще Касл (ты ведь согласен со мной, что Уотсон — вне подозрений?). Касла мы тоже хорошенько проверили. Благополучный второй брак, первая жена погибла при бомбежке. Выходец из приличной семьи. Отец был врачом, эдаким старомодным районным доктором, и состоял в либеральной партии, причем, заметь, не в реформистской. Он вел своих пациентов с первого и до последнего дня и зачастую забывал присылать им счета. Мать Касла еще жива, в войну она работала в госпитале и награждена медалью Георгия. В общем, патриотка, посещает митинги консерваторов. Согласись, с родственниками у него все в порядке. Пристрастия к спиртному за Каслом не отмечалось, к тому же он не сорит деньгами. Дэвис же довольно много тратит на портвейн, виски и свой «ягуар». Регулярно играет на тотализаторе — делает вид, что разбирается в лошадях и поэтому много выигрывает, — как известно, классический предлог для того, чтобы тратить больше, чем зарабатываешь. Дейнтри рассказал, что Дэвиса однажды поймали на том, что он вынес из кабинета доклад агента 59800. Парень объяснил, что собирается почитать его за ленчем. И еще,

помнишь, когда было совещание с МИ-5 и ты хотел переговорить с Дэвисом. Он тогда якобы пошел к зубному врачу, так вот, ни у какого дантиста он не был. Зубы у него в прекрасном состоянии, я сам его осматривал. А двумя неделями позже нам стало известно еще об одной утечке информации.

— Удалось тогда выяснить, где он был?

— К тому времени Дейнтри установил уже за ним наружное наблюдение. Дэвис направился в зоопарк. Вошел туда через вход для обладателей абонементов. Парню из наблюдения пришлось отстоять очередь, чтобы попасть в зоопарк через обычный вход, и, конечно, он упустил Дэвиса. Красиво сработано.

— Известно, с кем он встречался?

— Дэвис проявил сообразительность. Видимо, знал, что за ним следят. Потом стало известно, как он признался Каслу, что не собирался идти к дантисту, а хотел встретиться со своей секретаршей (в тот день она брала отгул) в зоопарке у вольера с пандами. Но доклада, о котором ты хотел с ним побеседовать, в сейфе не оказалось. Дейнтри проверил.

— В документе ничего особенного не было. И все же, должен признаться, дело запутанное. И веских улик тоже ведь нет, Эммануил? Дэвис встретился, кстати, с секретаршей?

— Да, он виделся с ней. Из зоопарка они вышли вместе, но кто поручится, что было до этого?

— А ты пробовал этот трюк с крапленой банкнотой?

— Я под большим секретом рассказал ему об исследованиях в Портоне, но он пока никак не среагировал.

— Не представляю, что нам делать в данной ситуации?

— Ну, а если он запаникует и решит уйти?

— Тогда нужно будет действовать без промедления. Ты уже решил, как мы поступим в таком случае?

— Я разработал один хитроумный план. С земляными орешками.

— Орешками?

— Ну да, соленые орешки, которые обычно подают к коктейлям.

— Можешь мне не рассказывать про земляные орешки, Эммануил. Я ведь как-никак был верховным комиссаром в Западной Африке.

— Так вот, все дело именно в земляных орешках. Когда они портятся, то покрываются плесенью. Платыни это называется ASPERGILLUS FLAVUS, но можешь не запоминать. Это не так важно, и, насколько мне известно, ты никогда не отличался знанием латыни.

— Продолжай же ради бога.

— Чтобы тебе было понятнее, остановлюсь на плесени. Плесень вырабатывает высокотоксичные вещества, которые обычно называют афлатоксинами. Так вот именно афлатоксин и разрешит нашу маленькую проблемку.

— А каково воздействие препарата?

— Точных данных относительно его воздействия на человеческий организм пока нет, однако опыты показали, что у животных нет на него иммунитета, так что человек, видимо, тоже не исключение. Афлатоксин поражает печень. Для отравления достаточно трех часов. Симптомы заболевания у животных проявляются в потере аппетита и в сонливости. Пораженные птицы, например, уже не могут летать. Ну, а вскрытие — прости медицинскую терминологию — показывает кровоизлияние, цирроз печени и отек почек. Смерть обычно наступает где-то через неделю.

— Черт тебя побери, Эммануил. Я всегда любил соленые орешки. Теперь никогда к ним не притронуся.

— Не стоит беспокоиться, Джон. Твои соленые орешки тщательно обрабатывают вручную, хотя, конечно, всякое может случиться. Но ты так быстро съедаешь баночку орешков, что они просто не успевают испортиться.

— Ты, видимо, просто в восторге от своих научных открытий. И все же, Эммануил, иногда от твоих рассказов у меня мурашки по коже бегут.

— Согласись, это — довольно безболезненное решение нашей проблемы. Вскрытие же покажет поражение печени, а коронер, думаю, предостережет общественность о неблагоприятных последствиях злоупотребления портвейном.

— Мне кажется, ты уже поработал и над тем, как получить этот аэро...

— Афлатоксин, Джон. Ничего сложного. Мне помогает один приятель из Портон. Требуется ведь совсем немного этого вещества — всего шестьдесят три десятитысячных миллиграмма на килограмм веса. Я ведь осматривал и взвешивал Дэвиса. Полмиллиграмма будет достаточно, ну, для полной гарантии, скажем, три четверти миллиграмма. Можно, конечно, начать с гораздо меньшей дозы. Преимущество этой процедуры состоит еще и в том, что мы получим весьма ценную информацию о том, как

афлатоксин действует на человеческий организм.

— Эммануил, ты никогда не боялся самого себя?

— Джон, здесь нет ничего ужасного. Представь только, ведь Дэвиса можно отправить на тот свет и другим способом. От настоящего цирроза печени погибают гораздо медленнее, а от дозы афлатоксина он вообще вряд ли будет долго страдать. Усилится сонливость, могут заболеть немного ноги, ведь у него в отличие от птиц нет крыльев, ну и тошноту не стоит исключать. Мучиться перед смертью всего лишь неделю — легкая участь, учитывая страдания других больных.

— Ты говоришь так, словно он уже приговорен.

— Честно говоря, Джон, я вполне убежден, что Дэвис — именно тот человек, которого мы ищем. Я жду от тебя только команды.

— Если бы Дейнтри был так же уверен...

— О, Дейнтри... Мы, Джон, так и не дождемся доказательств, которых добивается Дейнтри.

— Ну так дай мне хотя бы одну настоящую улику.

— Пока у меня таковых нет, однако не стоит так долго их ждать. Помнишь, ты сам сказал вечером после охоты: снисходительный муж всегда находится во власти любовника. А нового скандала в нашей конторе, Джон, мы себе позволить никак не можем.

Мимо прошел и скрылся в осенних сумерках джентльмен в котелке, с поднятым воротником пальто. В окнах министерства иностранных дел стали зажигать свет.

— Давай еще потолкуем о разведении форели в ручьях, Эммануил.

— О, форель. Пусть тебе что угодно говорят о лососе — об этих неповоротливых, заплывших жиром созданиях, которые стремятся забраться вверх по течению, где отловить их не составляет никакого труда. А для ловли форели нужны высокие сапоги, сноровка и опытный помощник. И что касается форели, то она, поверь мне, само совершенство.

Полковник Дейнтри жил в двухкомнатной квартире на Сент-Джеймс-стрит. Квартиру в свое время ему помог найти один из сослуживцев. Во время войны МИ-6 использовала ее для встреч с целью вербовки возможных агентов. В доме было всего три квартиры, за которыми присматривала пожилая экономка, обитавшая где-то на чердаке. Дейнтри жил на втором этаже прямо над рестораном; обычно он не мог заснуть до глубокой ночи, пока внизу не стихало веселье и последние клиенты не разъезжались по домам на такси. Этажом выше проживал отошедший от дел бизнесмен, который некогда был связан с одной из конкурирующих служб военной разведки, да отставной генерал, отличившийся в свое время в военных операциях в Западной Африке. Генерал был настолько стар, что уже редко появлялся на лестнице, а вот бизнесмен, страдавший подагрой, выбирался иногда в клуб «Карлтон», что располагался через дорогу.

Дейнтри готовить не умел и обычно экономил на ужине, покупая себе что-нибудь из холодных закусок в «Фортнуме». К клубам полковник всегда относился сдержанно и, если чувствовал голод, а это случалось довольно редко, всегда мог спуститься этажом ниже в ресторанчик «Овертонз». Спальня и ванная окнами выходили в маленький старинный дворик, в котором сохранились солнечные часы и серебристых дел мастерская. Лишь не многие из прохожих знали о существовании этого дворика на Сент-Джеймс-стрит. Одним словом, квартира полковника находилась в весьма укромном местечке и очень устраивала одинокого жильца.

Дейнтри третий раз за день полировал подбородок «реммингтоном». И чем тщательнее он выбривался, тем более одиноким себя ощущал. Ему нечасто приходилось ужинать с дочерью. Сначала он предложил ей пойти в «Овертонз», где его по соседски хорошо знали, но она заявила, что хочет на ужин ростбиф. Тогда Дейнтри предложил поужинать в «Симпсонсе», но дочь снова отказалась (хотя там тоже неплохо знали полковника), сославшись на то, что в ресторане посетительницы женского пола — редкие гости. Девушка настояла на том, чтобы они пошли в «Стоунз» на Пэнтон-стрит, где она будет ждать его в восемь вечера. Дочь так ни разу и не была у него на квартире, поскольку это могло бы истолковано как предательство по отношению к матери, хотя ей прекрасно известно, что чужих женщин она там никогда не встретит. Из-за близости «Овертонза» к квартире отца она, видимо, и отказалась там ужинать.

Дейнтри всегда раздражало, что при входе в «Стоунз» швейцар в немалом цилиндре спрашивал, заказан ли у него столик. Находившийся здесь раньше ресторанчик, куда он наведывался в молодости, разбомбили во время войны, и помещение реставрировали совершенно безвкусно. Дейнтри с грустью вспоминал, как официанты во фраках носились по залу, как на пол насыпали опилки и какое здесь

подавали крепкое пиво, сваренное по особому рецепту. Теперь же лестницу обрамляли огромные панели, на которых были намалеваны карты разных мастей, что было бы более уместно для игорного дома. В глубине зала у зеркальной стены бил фонтан, струйки воды окатывали белые оголенные статуи. Казалось, что в ресторане холоднее, чем на улице. Дочь ждала его за столиком.

— Извини, Элизабет, за опоздание, — сказал Дейнтри, хотя знал, что пришел на три минуты раньше.

— Все в порядке. Я уже заказала себе аперитив.

— Тогда и я закажу вишневый ликер.

— У меня есть для тебя новость. Пока об этом знает только мама.

— Ну, а как поживает твоя матушка? — для вежливости поинтересовался Дейнтри. При встрече с дочерью он всегда спрашивал о матери и с облегчением вздохнул, задав этот вопрос.

— У нее в принципе все благополучно. Недельку или две она проведет в Брайтоне, чтобы подышать свежим воздухом.

Казалось, что они говорят о какой-то случайной знакомой. Странно было даже представить, что когда-то они с женой были близки, и на свет появилась хорошенькая девочка, которая теперь грациозно сидела рядом и попивала марочный портвейн.

Грусть, которая никогда не покидала Дейнтри при встрече с дочерью, вновь овладела им. Грусть, схожая с чувством вины... «Но почему вины? — спросил себя мысленно полковник. — Ведь я всегда оставался, как говорится, преданным».

— Надеюсь, погода не подведет, — вслух заметил Дейнтри.

Он знал, что жена не переносит его. Но почему он должен чувствовать себя виноватым? В конце концов она согласилась выйти за него замуж, понимая, на что идет. Она добровольно окунулась в этот ледяной мир молчания. Полковник искренне завидовал людям, которые, придя домой, могли без угрызений совести запросто болтать о своей работе.

— Так тебе неинтересно узнать, что у меня нового, отец?

Чуть сзади Элизабет Дейнтри заметил Дэвиса; тот сидел один за столиком, накрытым на двоих. Дэвис явно кого-то ждал, постукивая пальцами по столу и сосредоточенно рассматривая салфетку. Дейнтри надеялся, что Дэвис его не заметит.

— Нового?

— Я сказала, об этом знает только мама. И, конечно, еще один человек, — добавила она и от смущения засмеялась.

Дейнтри оглядел столики по соседству с Дэвисом. Он втайне надеялся увидеть там «сопровождающего» Дэвиса, но рядом с Дэвисом расположились две пожилые пары, которые уже заканчивали свою трапезу и которых никоим образом нельзя было заподозрить в принадлежности к спецслужбе.

— Тебе это совершенно безразлично, папа. Ты думаешь о чем-то своем.

— Прошу прощения. Я просто увидел одного знакомого. Так какие же у тебя секреты?

— Я выхожу замуж.

— Замуж! — воскликнул Дейнтри. — И твоя мать знает об этом?

— Я же только что сказала, что она в курсе.

— Ну, извини.

— С какой стати ты извиняешься за то, что я выхожу замуж?

— Да я не это имел в виду. Я... Конечно, извинения тут неуместны, лишь бы этот человек был достоин тебя. Ты ведь такая прекрасная девушка, Элизабет.

— Но меня пока не выставляют на продажу, папа. Это, наверное, в твои времена за хорошие ножки набавляли цену.

— И чем он занимается?

— Он работает в рекламном агентстве. Сейчас он рекламирует детскую присыпку фирмы «Джеймсон».

— Ну и как, хорошая присыпка?

— Очень. Они вложили в ее рекламу огромные средства, чтобы потеснить фирму «Джонсон». Колин подготовил чудный ролик для телевидения. Даже сам написал для него музыку.

— Он тебе очень нравится? А ты совершенно уверена в?..

Дэвис тем временем заказал себе еще виски. Он читал меню, но, по всей вероятности, уже выучил его наизусть.

— Мы проверили свои чувства, папа. Так или иначе, но мы ведь живем с ним уже год.

— Прошу прощения, — снова повторил Дейнтри. («Видимо, весь вечер придется извиняться», — подумал он.) — Я же не знал. Надеюсь, мать-то была в курсе?

— Она, конечно, догадывалась.

— Ты же с ней встречаешься чаще, чем со мной.

Полковник вдруг ощутил себя человеком, которого надолго отправляют в изгнание и который с палубы корабля вглядывается в едва различимую поло-

ску родного берега, что вот-вот скроется за горизонтом.

— Он хотел прийти сегодня, чтобы познакомиться с тобой. Но я сказала, что этот вечер мы проведем вдвоем.

«Этот вечер» прозвучало для него, как последнее «прощай», и теперь земля окончательно скрылась из виду и остался открытый горизонт.

— Когда же у вас свадьба?

— В субботу, двадцать первого. Мы распишемся в мэрии, никого не приглашаем, будет только мама и несколько друзей. У Колина родителей нет.

«Колин? Кто такой Колин?» — подумал он. — Ну, конечно, так зовут жениха».

— Ты тоже, если захочешь, можешь прийти. Но меня не покидает ощущение, что ты боишься встречи с мамой.

Дэвис потерял, видимо, последнюю надежду. Он расплатился за виски, огляделся и только тогда увидел Дейнтри. Они оба напомнили сейчас двух изгнанников, поднявшихся на палубу с одной и той же целью, чтобы в последний раз взглянуть на родной берег, неожиданно заметивших друг друга и замерших в нерешительности, не зная, заговорить им или нет. Дэвис предпочел отвернуться и направился к выходу. Дейнтри с сожалением посмотрел ему вслед, но все же им не было особой нужды знакомиться сейчас, ведь предстояло еще долгое плавание на одном судне.

Дейнтри резким движением поставил рюмку, пролив немного ликера на стол. Он вдруг почувствовал, насколько раздражал его Персивейл. У доктора не было против Дэвиса веских улик, которые мог бы принять во внимание суд. Полковник не доверял Персивейлу. Он вспомнил, как Персивейл вел себя на охоте. Персивейл никогда не страдал от одиночества, разбирался в живописи, с легкостью улыбался и непринужденно общался с незнакомыми людьми. И еще у него не было дочери, которая жила с незнакомым парнем в квартире, которую он, ее отец, ни разу не видел и даже не знал, где она находится.

— А потом можно будет отпраздновать это событие: немного выпить и закусить в отеле или на квартире у мамы. А затем мама вернется в Брайтон. Но если ты решишь прийти...

— Вряд ли у меня получится. На выходные мне надо будет уехать, — солгал он.

— У тебя все заранее расписано.

— Приходится, — вновь отчаянно соврал полковник. — Столько дел, я ведь довольно занятой человек, Элизабет. Вот если бы я знал раньше...

— Мне хотелось приятно удивить тебя.

— Пора, пожалуй, сделать заказ? Ты хотела ростбиф, а может, выберешь седло барашка?

— Лучше ростбиф.

— А как насчет медового месяца?

— Ну, на этот уик-энд останемся просто дома. А весной, может быть, придумаем что-нибудь... Сейчас Колин так занят рекламой «Джеймсона».

— Нужно отметить это событие, — предложил Дейнтри. — Закажем шампанское? — Он сам не мог терпеть шампанское, но положение обязывало.

— Я предпочла бы просто бокал красного вина.

— Нужно подумать и о свадебном подарке.

— Лучше всего чек, и забот меньше. Ты ведь не станешь ходить по магазинам. Мама подарит нам прелестный коврик.

— Досадно, что я не захватил с собой чековую книжку. Ну, ничего, пришлю чек в понедельник.

После ужина они попрощались на Пэнтон-стрит. Полковник предложил подвезти дочь домой на такси, но она ответила, что хочет пройти. Дейнтри не представлял себе, где находилась квартира, в которой она жила теперь не одна. Элизабет, как и он сам, свою личную жизнь держала в тайне, с той лишь разницей, что ему и скрывать-то особенно было нечего. Дейнтри редко бывал доволен встречами с дочерью, поскольку говорить им практически было не о чем. Но когда полковник понял, что они никогда уже больше не останутся наедине, чувство неизгладимой утраты охватило его, и он произнес:

— Возможно, мне удастся отложить поездку.

— Колин будет очень рад познакомиться с тобой, отец.

— А я могу прийти с приятелем?

— Конечно. С кем хочешь. Ты уже знаешь, с кем?

— Пока нет. С кем-нибудь из сослуживцев.

— Замечательно. И знаешь, не стоит так переживать. Мама хорошо к тебе относится.

Полковник посмотрел дочери вслед. Она направилась в сторону Лестер-сквер. «Интересно, — подумал он, — а куда ей дальше?» Этого он не знал. Сам же Дейнтри свернул налево, к Сент-Джеймс-стрит.

Глава II

Бабье лето подарило еще один погожий день, и Касл согласился устроить пикник. Сэм маялся после продолжительного карантина, и у Сары возникла навязчивая идея, что после прогулки

в осенней буковой рощице окончательно пройдет затянувшаяся болезнь. Она приготовила термос горячего лукового супа, взяла половину жареной курицы, несколько булочек, мясную кость для Буллера и второй термос с кофе. Касл прихватил для себя фляжку виски. Они приготовили два одеяла, на которых собирались сидеть в лесу, и даже Сэм согласился взять пальто на случай, если поднимется сильный ветер.

— Просто смешно устраивать пикник в октябре, — заметил Касл, весьма, впрочем, довольный этим спонтанным решением.

Пикник позволял забыть о всех условностях работы, говорить, что захочешь, и не оглядываться по сторонам. И, конечно, как назло, пронзительно, словно полицейская сирена, зазвонил телефон, именно тогда, когда они укладывали вещи на велосипеды.

— Снова неизвестные, — заметила Сара. — Так нам весь пикник испортят. Теперь я все время буду волноваться, не залез ли кто к нам домой.

Касл мрачно ответил ей, прикрыв трубку ладонью:

— Не беспокойся, это Дэвис.

— Что он хочет?

— Он сейчас проезжает Боксмор. Сегодня такой чудный день, что он решил по дороге заехать к нам.

— Черт принес Дэвиса, когда мы уже собрались. У нас дома есть нечего. Осталось только кое-что на ужин, но этого на четверых не хватит.

— Можешь поехать на пикник с Сэмом. А мы с Дэвисом пообедаем в «Суоне».

— Без тебя не имеет смысла устраивать пикник, — возразила Сара.

В разговор вмешался Сэм:

— Это мистер Дэвис? Я хочу, чтобы он приехал. Мы тогда поиграем в прятки. Нам как раз его не хватает, чтобы сыграть в прятки.

Касл предложил:

— Мне кажется, можно взять Дэвиса с собой.

— Полкурицы на четверых?..

— Зато булочек хватит на целый полк.

— Только сумасшедший может радоваться пикнику в октябре.

Оказалось, что Дэвис — такой же чокнутый, как они все. Он заявил, что любит пикники даже летом, в самую жару, когда от мух и ос житья нет, однако все же предпочитает лес осенью. Поскольку они не поместились бы в двухместном спортивном «ягуаре» Дэвиса, то договорились встретиться у Коммона.

За ленчем Дэвису повезло, он отломил себе лакомый кусочек курицы. Затем он предложил новую игру. Все должны были отгадать задуманное Дэвисом желание, задавая ему вопросы. Желание могло исполниться в том случае, если никто его так и не отгадает. Сара интуитивно быстро разгадала желание Дэвиса: в один прекрасный день он хотел стать «самым популярным певцом».

— Честно говоря, надежды мало, что моя мечта когда-нибудь осуществится. В нотах я вообще ничего не смыслю.

Когда доели последнюю булочку, солнце потихоньку стало заходить за горизонт и подул легкий ветерок. Бронзовые листья, кружась, падали на землю, усыпанную прошлогодними желудями.

— А теперь сыграем в прятки, — предложил Дэвис.

Касл заметил, с каким восторгом воспринял эту затею Сэм, буквально не спускавший глаз с Дэвиса.

Они потянули жребий, чтобы решить, кто будет прятаться первым. Жребий пал на Дэвиса. Он устремился в глубину леса, лавируя между деревьями. В длинном коричневом пальто из верблюжьей шерсти Дэвис чем-то напоминал медведя, убежавшего из зоопарка и заблудившегося в лесу. Сосчитав до шестидесяти, отправились на поиски Дэвиса. Сэм двинулся к окраине Коммона, Сара в противоположную сторону — в направлении Остриджа, а Касл углубился в лес, туда, где вначале скрылся Дэвис. Буллер последовал за хозяином, надеясь, видимо, напасть на след кошки. Негромким свистом Дэвис дал знать, что спрятался в небольшом овражке, поросшем папоротником.

— Холодно прятаться в тени, — пожаловался он.

— Ты сам предложил поиграть. Мы уже готовы были собираться домой. Лежать, Буллер, лежать, черт тебя побери!

— Понятно, но я же видел, как хочется поиграть маленькому чертенку.

— Кажется, в детях ты разбираешься лучше меня. Наверно, надо крикнуть им, а то мы тут до смерти продрогнем...

— Подожди. Я так надеялся, что ты пройдешь мимо. Мне хотелось переговорить с тобой наедине. О важном деле.

— А до завтра подождать не можешь? Поговорим на работе.

— Нет. Как и ты, я стараюсь теперь не очень болтать в кабинете. Касл, мне на самом деле кажется, что за мной установили слежку.

— Ведь я же говорил тебе, что, по-моему, твой телефон прослушивают.

— Тогда я тебе не поверил. Зато потом... В четверг я пригласил Синдру в «Скоттс». Когда мы спускались вниз на лифте, с нами ехал мужчина. Затем я увидел его в ресторане за стойкой бара. А сегодня на дороге в Беркампстед, проезжая Марбл-Арч, я заметил сзади машину, причем случайно, так как мне показалось, я знаю водителя. Я ошибся, однако машина следовала за мной и в Боксмооре. Это был черный «мерседес».

— Тот же человек, что и в «Скоттсе»?

— Да нет, конечно, другой. Они все же не дураки. Я прибавил газа, к тому же движение на трассе было оживленное — сегодня ведь выходной — и оторвался от него на «ягуаре» перед самым Беркампстедом.

— Нам, Дэвис, просто не доверяют, никому вообще не доверяют. А разве кого волнует, что мы ни в чем не виноваты?

— Верно. Я все это знаю. Не хуже, чем в той старой песенке, помнишь, «Им-то что?» называется: «Им-то что, если ты ни при чем, говори хоть что...» Видишь, у меня есть еще шанс выбиться в популярные певцы.

— И тебе действительно удалось от него оторваться перед Беркампстедом?

— Да, насколько я могу судить. Но что за чертовщина, Касл? Обычная проверка, как тогда за Дейнтри? Ты же намного дольше, чем кто-либо из нас, играешь в эти игры. Ты-то ведь должен знать.

— Я уже объяснял тебе в тот вечер, когда мы виделись с Персивейлом. Мне кажется, что где-то имеет место утечка информации, и они подозревают, что работает двойной агент. Поэтому они и устраивают проверку по полной катушке, причем их не смущает, что ты заметишь слежку. Расчет на то, что у тебя могут сдать нервы, если ты виновен.

— Это я-то — двойной агент? Но ты ведь, Касл, так не считаешь?

— Нет, конечно, нет. Просто не стоит волноваться. Наберись терпения. Пусть они закончат свою проверку и во всем разберутся сами. Думаю, и меня они досконально просвечивают. И Уотсона тоже.

Вдалеке послышался возглас Сары:

— Мы сдаемся, мы сдаемся.

Но тонкий голосок Сэма возразил ей:

— Нет, нет, не сдаемся. Мистер Дэвис, прячьтесь, пожалуйста, мистер Дэвис...

Буллер залаял, а Дэвис закашлялся.

— Дети иногда беспощадны, — заметил он.

Раздался шелест папоротника, и появился Сэм.

— Нашел! — воскликнул он и только тогда заметил Касла. — Да, но ты играешь не по правилам.

— Это не так, — возразил Касл. — Я просто не смог позвать тебя. Дэвис не разрешал и угрожал мне пистолетом.

— А где пистолет?

— У него в нагрудном кармане.

— Здесь только авторучка, — разочарованно заметил мальчик.

— Нет, это газовый пистолет, — объяснил Дэвис, — замаскированный под авторучку. Видишь кнопку. Ручка выстреливает вроде бы чернилами, а на самом деле это не чернила, а парализующий газ. Даже Джеймсу Бонду никогда не разрешали таким пользоваться. Сверхсекретное оружие. Руки вверх!

Сэм поднял руки вверх и спросил:

— А вы настоящий шпион?

— Я двойной агент и работаю на русских, — ответил Дэвис. — И если тебе дорога жизнь, ты должен дать мне убежать вперед на пятьдесят метров.

С этими словами он бросился бежать, неуклюже пробираясь в своем тяжелом пальто через кустарник и папоротник к буковой роще. Сэм же вприпрыжку устремился за Дэвисом.

Дэвис достиг пригорка у дороги на Остридж, где оставил свой ярко-красный «ягуар». Он направил авторучку в сторону Сэма, и так же путано, как Синдра в своих телеграммах, прокричал:

— Пикник... с любовью... Сара...

С этими словами он сел за руль, взревел мотор, и машина умчалась вдаль.

— Попроси его приехать, — сказал Сэм. — Попроси, пожалуйста, его снова к нам приехать.

— Конечно, почему бы и нет? Вот наступит весна.

— До весны еще очень далеко, — возразил Сэм. — И мне надо ходить в школу.

— Но ведь будут выходные, — не совсем уверенно произнес Касл.

Он прекрасно помнил, как медленно в детстве тянется время. Мимо в сторону Лондона промчалась черная машина, возможно, это был «мерседес», но Касл плохо разбирался в марках.

— Мне нравится мистер Дэвис, — заявил Сэм.

— Мне тоже.

— Никто так здорово не играет в прятки, как он. Даже ты.

Перевела с английского Мария ОСИНЦЕВА.

Продолжение следует.

СТОИТ ЛИ ТАК?

Наверное, потому что мои собственные отношения с армейской печатью складывались и складываются непросто, о чем я уже имел возможность рассказать на страницах «Огонька», я стараюсь следить за тем, что пишут в военной периодике о работах моих товарищей по литературному цеху. Прочитал я и статью полковника В. Филатова «Белые», «серые», «черные» («Красная звезда» от 16 января 1988 г.). Большая, обстоятельная работа военного журналиста. Мысль автора о том, что нельзя писать про «темные» пятна нашей истории, не зная этой самой истории, а руководствуясь исключительно отрицательными эмоциями и негативистской интуицией, мне понятна и близка.

Но что касается оценки рассказа Владимира Крупина «С наступающим!» («Огонек» № 49, 1987 г.), тут хотелось бы поспорить. Писатель не в первый раз обращается к трагедии человека, погубленного алкоголем. Герой рассказа, Коля, даже судя по его хмельным речам, прибауткам, словечкам, — человек незаурядный, но что-то сломалось в нем, сломалось непоправимо. Рассказ заканчивается короткой, с абзаца, фразой: «До армии Коля не пил. Служил за границей».

«Может быть, такое? — спрашивает в своей статье В. Филатов и отвечает: — Да сколько угодно. Кто-то не пил, например, до десятого класса, а кто-то до СПТУ. Я, например, знаю и таких писателей, которые до вступления в творческий союз в рот хмельного не брали, а сейчас пьют, как тот Коля после армии. Как говорится, смерть причину найдет. При чем здесь рассказ Крупина? А вот при чем. Прочитал его, и показалось, что кто-то мне когда-то уже прокручивал эти сюжеты. Я был во Вьетнаме, когда там шла война. Довелось побывать и в Сайгоне. И вспомнилось теперь: да ведь этакими байками наводнялись в свое время американские газеты и журналы. На эту тему было снято множество фильмов... Но Крупину-то зачем надо было писать то, что он написал? Может, будто кто-то поверит, что между американцем во Вьетнаме и нашим в Афганистане нет никакой разницы? Но это неоригинально. «Голоса из-за бугра» давно уже из кожи лезут вон, чтобы доказать именно это...»

Стоит ли так? Ведь писатель В. Крупин рассказал о трагедии конкретного человека, запившего горькую после

службы за рубежом, а полковник В. Филатов по этому поводу развернул эпическое полотно, вобравшее в себя все: от бесчинств, которые творили американские солдаты во Вьетнаме, до 5 миллионов интернационалистов, сражавшихся за нашу революцию. Однако при чем тут рассказ В. Крупина?

Когда-то поэт-фронтовик Александр Межиров написал о нравственной драме человека, вернувшегося с войны:

*Он от голода умирал.
На подбитом танке сгорал.
Спал в болотной воде. И вот
Он не умер. Но не живет...*

*Он дотла растрочен в бою.
Он не видит, не слышит, как
Тонут лилии и поют
Птицы, скрытые в ивниках.*

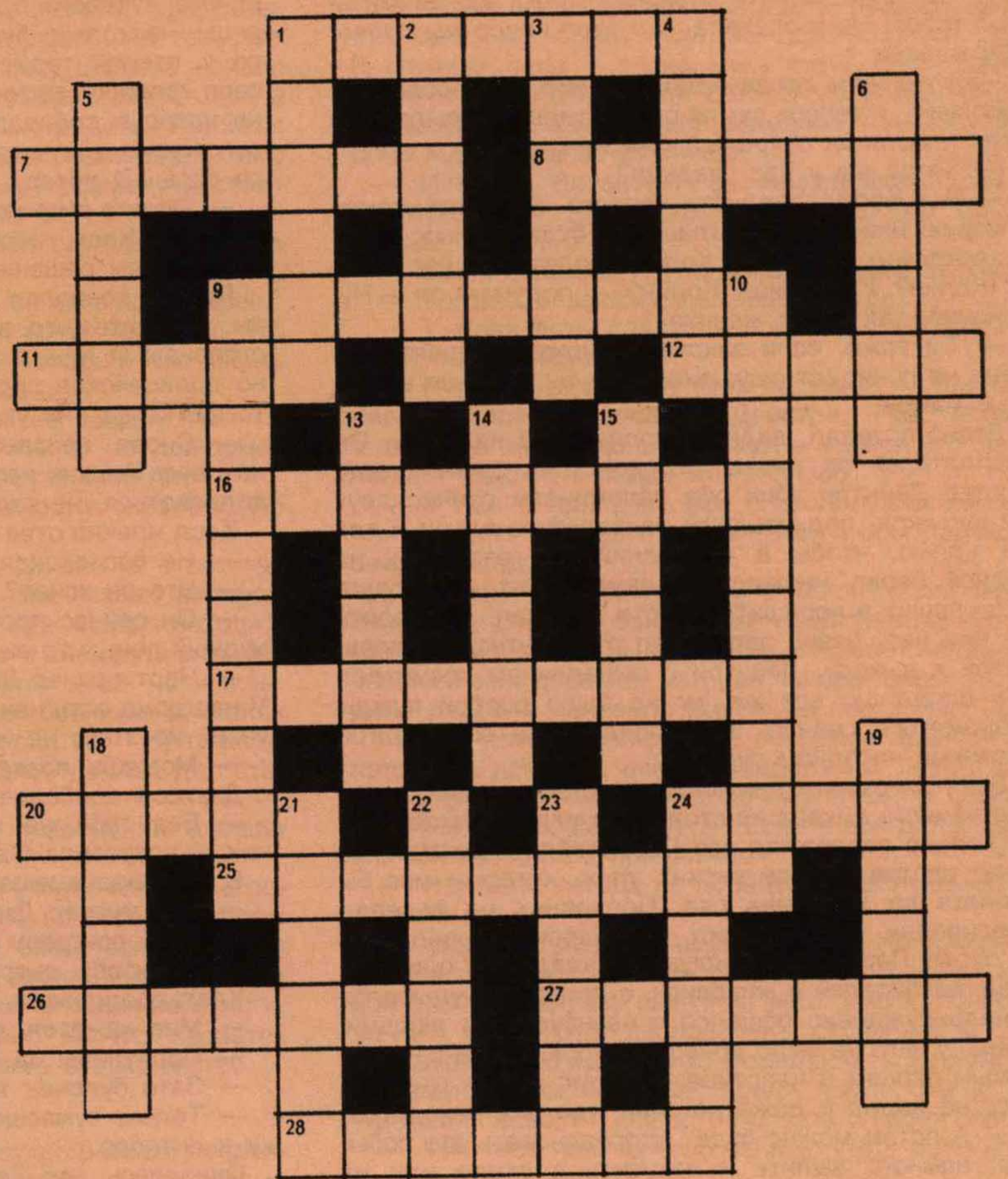
Имелись подобные стихи почти у каждого поэта-фронтовика, но непостижительно долго шли они к читателям, ибо предполагалось, что из всех чувств советскому солдату более подобает торжество победителя. Все это давно прошло, но ведь было!

В. Крупин только обозначил тот факт, что экстремальные испытания, как это было и в минувшей войне, не всех закаляют. Иных и ломают. И что же? Его сразу объявили чуть ли не «подголоском» голосов «из-за бугра». А его рассказ приравнен к «байкам, наводнявшим в свое время американские газеты и журналы».

Нельзя, с одной стороны, требовать от писателя полновесных художественных произведений о современной армии, а с другой — ставить его по стойке «смирно», если что-то не понравилось и вызвало возражение. Литература все-таки создается не по строевому уставу.

В армии сегодня происходят сложные и неоднозначные процессы, пристального внимания литературы заслуживает анализ взаимоотношений внутри воинского коллектива. Многие недуги приходят в армию с «гражданки», но и из армии домой не всегда приносят только возмужалость и твердые бицепсы... А к «афганской» теме, к проблеме влияния на нравственную жизнь общества наша литература только подступает. И взаимодействовать с писателями в данном случае по принципу «а пикнете — так мигом успокоим» проще всего, но, по моему разумению, и бесплоднее всего.

Юрий ПОЛЯКОВ,
секретарь правления
Союза писателей РСФСР

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Заранее намеченный путь следования. 7. Рассказ А. П. Чехова. 8. Полярный летчик, один из первых Героев Советского Союза. 9. Материалистическая теория эволюции органического мира Земли. 11. Быстрокрылая перелетная птица. 12. Спортивный комплекс близ Алма-Аты. 16. Ускоритель протонов. 17. Действующее лицо в трагедии А. С. Пушкина «Каменный гость». 20. Семья злаков. 24. Приток Северского Донца. 25. Город в Краснодарском крае. 26. Театрализованное представление. 27. Национальный герой Мексики, руководитель народного восстания в начале XIX века. 28. Латышская актриса, народная артистка СССР.

По вертикали: 1. Сборка и установка сооружений, конструкций оборудования, агрегатов. 2. Новатор-чаевод в Грузии, дважды Герой Социалистического Труда. 3. Русская народная песня. 4. Путешествие, вид спорта. 5. Спортивные гонки на судах. 6. Советский энергетик, академик, начальник строительства Днепрогэса. 9. Порядок поведения людей, отвечающий нормам права и морали. 10. Город в Оренбургской области. 13. Приспособление, связывающее части сооружения. 14. Рабочий, специалист по обработке металла, дерева. 15. Вид водного спорта. 18. Малая планета. 19. «Сказка» М. Е. Салтыкова-Щедрина. 21. Раздел физики. 22. Лиственное дерево. 23. Катушка для намотки магнитной ленты в вычислительной технике. 24. Семья голландских живописцев в XVII веке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали: 7. Болеро. 8. Ректор. 9. Куропатка. 11. Квершлаг. 13. Проблема. 14. Яйва. 15. Волноваха. 16. Нота. 17. Пономаренко. 20. Балл. 22. Маргарита. 24. «Утро». 26. Иероглиф. 27. Тетраэдр. 28. Итальянка. 29. Портал. 30. Кошкин.

По вертикали: 1. «Соловей». 2. Репортаж. 3. Соколов. 4. Грамота. 5. Аква-ланг. 6. Доломит. 10. Преподаватель. 12. Гелиограф. 13. Планерист. 18. Алгоритм. 19. Будапешт. 21. «Анекдот». 22. Мелвилл. 23. Антракт. 25. Родонит.

СОМКНЕМ РУКИ С ДЕТЬМИ

Сесть за «круглый стол» в Советском комитете защиты мира американцев и русских заставила не только любовь к детям, но и тревога за их будущее, за будущее всей нашей планеты в ядерный век. Представители американского фонда «Дети как миротворцы» и недавно созданной при Советском комитете защиты мира ассоциации «Мир — детям мира!» встретились как друзья, как единомышленники.

Мир нужен всем. Но особенно он нужен детям. Война жестока прежде всего к ним. Разве не страшно и не преступно, что в канун XXI века на нашей планете еще гибнут в районах, охваченных сражениями, от бомб, напалма, снарядов и пуль дети.

Дать мир подрастающему поколению — обязанность взрослых. Об этом говорили в интервью «Огоньку» исполнительный директор фонда «Дети как миротворцы» Патриция Монтандон и президент ассоциации «Мир — детям мира!» при Советском комитете защиты мира писатель Анатолий Алексин.

Патриция МОНТАНДОН:

— Мир — это слово, которое имеет для меня глубоко личное значение. Так важно осознать, что мечта о будущем без войны достижима. Однако за нее нужно бороться. Когда я участвовала в обсуждении за «круглым столом», организованном ассоциацией «Мир — детям мира!», я испытала глубокое чувство братства с моими советскими друзьями. Наши помыслы едины, и мы очень любим наших детей.

Анатолий Алексин создал движение, которое будет рука об руку работать с фондом «Дети как миротворцы». И вместе мы сможем направить нашу творческую энергию на то, чтобы побудить правительства рассмотреть различные альтернативы войне. Деньги, которые сейчас тратятся на оружие, могут накормить, одеть, приютить и дать образование всему населению нашей планеты.

Патриция Монтандон передает в Колонном зале Дома Союзов символическую премию мира.

Американские школьники за «круглым столом» в Советском комитете защиты мира.

Мы считаем, что человечество заслуживает будущего, свободного от угрозы войны. Мы, взрослые, сомкнем руки с детьми мира в борьбе за общую цель — спасти планету.

Анатолий АЛЕКСИН:

— Есть факты, о которых следует не только помнить самому, но и как можно чаще напоминать всем остальным. Почти каждого человека преследуют навязчивые — чаще всего драматичные — сны. Моя память даже в ночи воссоздает самые страшные кадры кинохроники, с которыми я когда-либо встречался на экране: матери провожают детей из блокадного Ленинграда, катер отходит от берега... И вот матери видят, как на него пикирует бандит со свастикой, как совсем близко, в двухстах метрах, гибнут их дочери, сыновья... И только белые панамки, словно трагические лилии, плывут по воде... Не в полубреду, а наяву повторял и повторяю я эту историю, которую не имеет права забыть История.

Лев Толстой писал: «В детях — все величайшие возможности». Но чтобы они осуществились, стали реальностью, нужен мир. Сражаться против сражений, чтобы не погибли, едва родившись, ни одна потенциальная «возможность», подаренная природой ребенку, ни один подаренный ребенку талант, ни одна детская мечта, ни одна детская надежда — вот такую цель поставила перед собой ассоциация «Мир — детям мира!» при Советском комитете защиты мира. Думаю, забота о юных, благородная тревога за их завтрашний день, стремление сделать этот день счастливым — один из кратчайших путей к взаимопониманию между людьми. Но дети должны быть не пассивными «объектами» наших забот, нашей защиты, — мы призваны и их самих воспитывать борцами за идеалы мира, добра, человеческого братства. И это тоже цель нашей ассоциации.

Пожелаем же всем детям Земли того, что желают им их матери. Большого пожелать невозможно!

Фото Дм. ДЕБАБОВА

КРАСНО КРАСОТОЮ КРАСНОЕ

Хитроумная резьба на бревенчатой постройке, яркая вышивка на тканом холсте, затейливая завитушка на серебряном ожерелье... Красносельские художники в своих поисках идут от живой природы. А узоры листьев, трав, цветов, зимних лесов, одетых в заиндевелившие кружева, неисчерпаемы. Здешные ювелиры в совершенстве владеют мастерством. Серебряную посуду, украшения, вышедшие из их рук, отличают яркая фантазия и вкус. (См. в номере очерк «Для сердца — радость, для глаз — утеха».)

ОГОНЁК

ISSN 0131 — 0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

